

II-10.
D-151.

РЕПЕРТУАРЪ

И

ПАНТЕОНЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

И. ПЕСОЦКИМЪ.

7958.7010
8567

ГОДЪ ВОСЬМОЙ
1846.

ТОМЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. С. Пушкина
ТЕАТРА ДРАМЫ

С. ПЕТЕРБУРГЪ,

Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стрѣжи.

1846.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 20 Іюля 1845 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

РЕПЕРТУАРЪ И ПАНТЕОНЪ.

№ 7.

СОДЕРЖАНІЕ.

1846.

I. Элегія. Стихотвор. А. Григорьева	3	XIII. Бывало! бывало. (посвящ. Н. С. В.) Фоль-Бейера. 129
II. Дугласъ черный, драма въ пяти дѣйствіяхъ . . .	5	XIV. Три понедѣльника, сплетни Александра Бабючки. 146
III. В. В. С-вой, Стихотвор. А. Славина	59	1) Первый понедѣльникъ. Съ чѣмъ говорить дѣвушка, живущая на Выборгской сторонѣ не пугающая на публичныхъ маскарадахъ и незнакомая съ Итальянскою оперою. . . . .
IV. Дочка его благородія. Шутка въ одномъ дѣйствіи Ал. С-на.	62	2) Утро послѣ перваго понедѣльника, или первый вторникъ. Раздумье . . .
V. Прости Стихотвор. А. Плещеева	83	3) Второй понедѣльникъ. Мазурка . . . . .
VI. Одинъ изъ многихъ, Эпизодъ второй, Антоша. А. Григорьева	84	4) Утро втораго понедѣльника, или второй вторникъ. Три соперницы . . .
VII. Ободреніе. А. С.	102	5) Третій понедѣльникъ. Три невесты и три жениха . . .
VIII. МАТЕРІАЛЫ для исторіи ТЕАТРА. Софи Арву, одна изъ Артистокъ прошлаго вѣка	104	6) Утро послѣ третьяго понедѣльника, или третій вторникъ, или догадка, или разгадка, или сплетни . . . . .
IX. Силуэты Артистовъ С. Я. Марковецкій. Ал. С.	109	XV Розанъ. Драматическая игрушка въ одномъ дѣйствіи. Г. В. Демитьева. 185
X. Юмористика. Замѣтки Петербургскаго зѣванна на Петергофскомъ гуляньи. А. Н. Андрѣева	112	
XI. Смѣсь. Мина Миничъ. Ник-ова.	119	
XII. Два стихотвор. П. С. Мочалова. 1) Разговоръ на Воронежскомъ кладбищѣ. 2) Не она.	125	

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ. (ЮНЬ).

I. С.-Петербургъ. Александрійскій театръ А. Григорьева.	1	III. Каменно-островскій театръ, Французскіе спектакли. А. Андрѣева.	10
II. Нѣмецкіе спектакли. А. Григорьева	8	IV. Московскій театръ. Записки Театрала.	19

ЭЛЕГИИ.

I.

Въ часъ, когда утомленъ бездѣйствіемъ душою тяжелымъ
Или дѣломъ бесплоднымъ — дѣломъ хуже бездѣля
Я подъ кровъ свой вхожу — и съ какой то тоской озираю,
Стѣны, ложе да столъ, на которомъ по глухой,
Старой, вѣчной привычкѣ пишу по неволѣ глазами
Нѣтъ ли вѣсти какой издалека худой или доброй
Все равно лишь бы вѣсти и роюсь завѣдомо тщетно
Такъ чтобъ рыться — въ бумагахъ... въ часъ, когда обливаетъ
Свѣтомъ сѣрымъ своимъ Финская ночь комнату, — снова
Сердце болитъ и чего то проситъ — хотя отъ *чего то*
Я отрекся давно, замѣнилъ невзвѣстное что то
Глупое, сладкое что то суровымъ, холодно — печальнымъ
Нѣчто... пусть это нѣчто звучитъ душѣ однозмѣрно
Словно маятникъ старыхъ часовъ — за то для желудка
Эго нѣчто здоровый... Чего тебѣ глупое сердце?
Что за вѣстей тебѣ хочется — знай себя, бейся равнѣе
Лучше будетъ повѣрь.... Вѣсти о чемъ нибудь маломъ
Дурны ль онѣ хороши ль, только кровъ понапрасну волнуютъ.
Лучше жить безъ вѣстей, лучше чтобъ не было даже
И желаній о комъ да о чемъ нибудь знать — и чего же
Надо тебѣ непокорное, гордое сердце — само ты
Хочешь быть господиномъ, а просишь все узъ да неволн.
Женской ласки да встрѣчи горячей.... за эти
Ласки да встрѣчи — плохая расплата — не все ли
Ты свободно любить ничего не любя... не завидуй.
Бѣдное сердце больное — люби себя все или вовсе
Ничего не любя — отъ избытка любви — одиноко,
Гордо, тихо страдай да живи презрѣніемъ въ волю.

II.

Будетъ мигъ... мы встрѣтимся, это я знаю — не даромъ
 Словно пѣсня мучить меня не допѣтая часто
 Облякъ тонко прозрачный съ больнымъ лихорадки румянцемъ
 Съ яркимъ блескомъ очей голубыхъ... мы встрѣтимся — знаю,
 Знаю все напередъ какъ зналъ я про нашу разлуку
 Ты была молода, отъ жизни ты жизни просила.
 Злилась на свѣтъ и людей, на себя, на меня еще злилась...
 Злость тебѣ чудно пристала.... но было бы трудно ужиться
 Намъ обоямъ... упорно хотѣла ты вѣрить надеждамъ
 Мнѣ на зло, да разсудку на зло.... А будетъ время иное,
 Ты устанешь какъ я—усталые оба, другъ другу
 Руку мы подадимъ и пойдемъ одиноко по жизни
 Безъ боязни измѣны, безъ мукъ душевныхъ, безъ горя
 Да и безъ радости тоже—выдохшись по ровну оба
 Мудрость рока сознавши. Даетъ онъ чего мы не просимъ
 Сколько угодно душъ—но опасно, повѣрь мнѣ опасно
 И просить и желать—за минуты мы платимъ
 Дорого. Стоитъ ли свѣчь игра?... И притомъ же
 Рано или поздно—устанемъ..... нельзя жъ поцѣлуемъ
 Выдохнуть душу однимъ... Догоримъ себя тихо
 Но догорая мой другъ, въ пламень единый сольемся.

III.

Часто мнѣ говоришь ты, склонясь темнорусой головкой
 Робко взоръ опустивъ о грустномъ и тяжкомъ бываломъ.
 Бѣдный, напуганный, грустный ребенокъ—о вѣрь мнѣ
 Насъ съ тобою вполне сроднило крѣпко—паденье.
 Если бъ чиста ты была—то знай, никогда бъ головою
 Гордой я не склонился къ тебѣ на колѣни и страстно
 Не прильнулъ бы ни разу къ маленькой ножкѣ устами
 Только тому я рабъ, надъ чьимъ безгранично владю
 Только съ тобою могу я себя самому предаваться
 Предаваясь тебѣ.... подними же чело молодое
 Руку дай мнѣ и встань чтобы могъ я упасть предъ тобою.

А. ГРИГОРЬЕВЪ

ДУГЛАСЪ ЧЕРНЫЙ.

Драма въ пяти дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Лордъ Джвмсъ Дугласъ, могущественный шотландскій баронъ	Г. Каратыгинъ 1.
Сиръ Робертъ Аргвиль, начальникъ небольшого клана.	Г. Максимовъ 1.
Ильза, жена его	Г-жа Самойлова 2.
Эдди, сынъ ихъ, 5-ти лѣтъ	Г-жа Стрѣльская.
Гаральдъ, оруженосецъ Лорда Дугласа	Г. Славинъ.
Вильямъ, племянникъ Лорда Дугласа	Г. Самойловъ.
Алланъ, старый слуга въ замкѣ Дугласа	Г. Третьяковъ.
Томасъ, бардъ	Г. Вороновъ.
Анна, няня Эдди.	Г-жа Громова.
Старый рыцарь	Г. Толченевъ 1.
Стрѣлокъ	Г. Сосновскій.

Дѣйствіе происходитъ въ Шотландіи, въ началъ XIV-го вѣка, во время феодальнаго правленія.

О Т Ъ   А В Т О Р А .

Драма эта встрѣтила во всѣхъ журналахъ весьма неблагоприятные отзывы. Московскій корреспондентъ Сѣверной Пчелы сообщаетъ, что пьеса на тамошней сценѣ не произвела ни малѣйшаго впечатлѣнія на зрителей. Въ Петербургѣ, во второе представленіе, посѣтителей было такъ мало, какъ рѣдко случается даже въ самый прекрасный лѣтній день. Послѣ такого приговора публики и критики, авторъ принужденъ согласиться, что пьеса не хороша. Изъ всѣхъ упрековъ, которые она навлекла на себя, одинъ очень замѣчательнъ своею странностью: Г-нъ Р. З., театральнй критикъ Сѣверной Пчелы, нашелъ, что характеръ Джемса Дугласа не согласенъ съ исторіею. Выпискою изъ историческаго сочиненія, старался онъ доказать, что Дугласъ былъ добраго и смирнаго нрава. Не равняя себя съ Г-мъ Р. З. въ знаніи шотландской исторіи, авторъ охотно сознается, что ему служила единственнымъ источникомъ—Исторія Шотландіи Вальтеръ-Скотта. Требовать историческаго значенія отъ этой пьесы, доказываетъ.....

Неужели не видно, что эта драма не имѣетъ ничего общаго съ исторіею? Гг. критики не удостоили обратить вниманіе на идею пьесы. Кажется, не мало драматическаго интереса заключается въ человѣкѣ, который, волнуемый сомнѣніями, отвергаетъ все, даже существованіе добродѣтели, но наконецъ убѣждается въ своемъ ужасномъ заблужденіи, видя самоотверженіе женщины, умирающей для спасенія своего мужа. Не все ли равно, какъ назвать этого человѣка? Чернымъ ли Дугласомъ, или Ивановомъ Ивановичемъ ?

Впрочемъ, вотъ что говоритъ о Дугласѣ Вальтеръ-Скоттъ:
«Лордъ Джемсъ Дугласъ былъ самый храбрый и иску-

снѣй вождь. Онъ выигралъ 57 сраженій. Англичане укоряли его въ жестокости; и, въ самомъ дѣлѣ, онъ питалъ такую ненависть къ англійскимъ стрѣлкамъ, что, когда удавалось ему взять одного изъ нихъ въ плѣнъ, не иначе отпускалъ его, какъ выколловъ ему правый глазъ, или отрѣзавъ указательный палецъ правой руки. Жестокостію своею, при взятіи собственнаго своего замка, запятнала онъ память о себѣ.»

«Имя Дугласа было такъ страшно Англичанамъ, что женщины пугали имъ дѣтей своихъ»

Г. Каратыгинъ 1-й, взявшій на себя роль Дугласа, только по настоятельной просьбѣ автора, предсказывалъ, что она возбудитъ мало участія въ зрителяхъ.

Г-жа Самойлова 2-я исполнила свою трудную и утомительную роль съ безыскусственнымъ олушевленіемъ и глубокимъ чувствомъ, выразивъ очень вѣрно характеръ этой простой женщины, которая и не подозреваетъ величія своего поступка. Въ зрителяхъ замѣтно было живое сочувствіе къ Г-жѣ Самойловой. Ее вызывали послѣ каждаго дѣйствія, вмѣстѣ съ Гг. Каратыгинымъ и Максимовымъ.

18-го Іюня
1846.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Зала въ замкѣ Дугласа. Военныя украшенія и трофеи. Съ боку большое окно.

ЯВЛЕНІЕ I.

Вильямъ. Стрѣлокъ Дугласа.

(Вильямъ сидитъ у стола, съ письмомъ въ рукѣ. Стрѣлокъ стоитъ передъ нимъ).

Вильямъ. Ты говоришь, что Лордъ скоро возвратится самъ?

Стрѣлокъ. Я опередилъ Лорда немногими часами; онъ скоро прибудеть со всеми баронами, ходившими съ нимъ въ походъ.

Виль. Расскажи же мнѣ о новой побѣдѣ Лорда.

Стрѣл. На третьи сутки, мы увидѣли издали Англичанъ. Отрядъ ихъ былъ вдвое больше нашего. Но неустрашимый Лордъ Дугласъ подалъ знакъ къ нападенію; раздался знакомый звукъ нашихъ трубъ, и съ крикомъ: Дугласъ и Шотландія! кинулись мы на Англичанъ. Послѣ кровавой битвы, почти весь ихъ отрядъ былъ уничтоженъ; остатки разсыяны.

Виль. И Лордъ не раненъ?

Стр. Слава Богу, нѣтъ.—Этой побѣдой Лордъ не былъ еще доволенъ.—Мы перешли Твидъ, и остановились на ночь въ густомъ лѣсу. Съ разсвѣтомъ храбрый Дугласъ повелъ насъ на замокъ Роксбургъ. Въ короткое время овладѣли мы крѣпостью. Лордъ былъ первымъ на стѣнѣ

Виль. И опять ни малѣйшей раны?

Стр. Видно, самъ Богъ хранить благороднаго Лорда.

Виль. И Гаральдъ живъ и не раненъ?

Стр. Живъ и не раненъ.

Виль. Хорошо, мой другъ; ты можешь теперь идти. Не ху-

до отдохнуть, послѣ такихъ трудовъ. Благодарю за твой рассказъ. Позови ко мнѣ Аллана.

Стр. Я сейчасъ пришлю его, Сиръ Вильямъ.

(Кланяется, и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

вильямъ (одинъ).

Опять побѣда, и опять онъ возвращается невредимымъ. Этотъ старикъ живучъ, какъ змѣя. Не чародѣйствомъ ли ограждаетъ онъ себя отъ стрѣлъ и копій? отъ ударовъ мечей? Но все-таки не вѣчно будетъ жить старикъ..... опаснѣе для меня юноша..... этотъ найденышъ—пришлецъ!—Гаральдъ—и ты все возвращаешься изъ походовъ здоровъ и цѣлъ! Но въ этомъ замкѣ у тебя есть врагъ, который нанесетъ тебѣ смертельную рану. Я ближайшій родственникъ Дугласа, законный его наследникъ..... всѣ его замки, всѣ несмѣтныя сокровища — все мое.... если только Дугласъ, при жизни, не успеетъ Гаральда назначить наследникомъ. Злой старикъ къ нему одному показываетъ еще человѣческія чувства. Подозрѣніе мое день ото дня усиливается.... Я долженъ погубить Гаральда, если не хочу потерять, къ чему стремлюсь такъ давно.

ЯВЛЕНІЕ III.

вильямъ. алланъ (дряхлый старикъ).

Виль. Здравствуй, Алланъ. Здравствуй, добрый старикъ. Здоровъ ли ты?

Алланъ. Здоровъ.

Виль. Лордъ одержалъ новую побѣду надъ Англичанами.

Алланъ. Да истребитъ Господь всѣхъ враговъ Шотландіи.

Виль. Лордъ нынѣшнимъ же утромъ возвратится въ свой замокъ, со всеми баронами и рыцарями, сопровождавшими его. Получилъ ли ты приказаніе Лорда приготовить все къ приличному пиршеству?

Ал. Приказаніе Лорда будетъ исполнено.

Виль. Послушай, старикъ..... Ты уже давно служишь Лорду?

Ал. Тридцать лѣтъ служилъ я его дѣду и отцу, тридцатый годъ служу ему.

Виль. Не правда ли, Алланъ, очень жаль, если наследіе знаменитаго Лорда Дугласа перейдетъ въ руки какого-нибудь неизвѣстнаго пришлеца?

Ал. Не знаю.

Виль. Не замѣчалъ ли ты, Алланъ..... Лордъ не посылалъ ли тайно гонца въ Единбургъ..... къ королю съ письмами?

Ал. Я ничего не замѣчалъ.

Виль. Гаральдъ, кажется, иногда бесѣдуетъ съ тобой. Не открывалъ ли онъ тебѣ, что надѣется быть наследникомъ Дугласа?

Ал. Гаральдъ со мною не бесѣдуетъ.

Виль. Кто бы ни былъ наследникомъ Дугласа, прежде всего, Алланъ, онъ обязанъ достойно наградить тебя за долгую службу. Будь со мной откровененъ, старикъ. Ты въ этомъ раскаяваться не будешь. У тебя есть дѣти. Подумай о нихъ. Жестокость Лорда съ каждымъ днемъ становится ужаснѣе. Въ порывѣ гнѣва, онъ не щадитъ своихъ друзей, тѣмъ менѣе слугъ своихъ. Трудно служить ему. Хорошо, если послѣ его смерти наследникъ сумѣетъ оцѣнить заслуги старыхъ его служителей. Много лежитъ крови на душѣ Дугласа.—Ты часто бываешь съ нимъ наединѣ, онъ даетъ тебѣ порученія.... Что тебѣ извѣстно о Гаральдѣ, старикъ?

Ал. Я ничего не знаю, Сиръ Вильямъ. Въ точности исполняю я приказанія благороднаго Лорда. Отвѣчать за все передъ Богомъ будетъ онъ самъ. Не мое дѣло разбирать.—Позвольте, Сиръ Вильямъ... Я пойду кончить приготовленія. Угощеніе должно быть достойно благородныхъ бароновъ.

Виль. Иди, иди. (*Алланъ уходитъ*).

Упрямый старикъ, и безъ тебя я все развѣдаю.

(*Слышны трубы*). А! вотъ Лордъ Дугласъ съ своими сподвижниками и храбрыми воинами. Я долженъ измѣнить свое лице. Не съ мрачнымъ челомъ я встрѣчу его, а съ веселою улыбкою.

ЯВЛЕНИЕ IV.

ЛОРДЪ ДУГЛАСЪ. РОБЕРТЪ АРГЕЙЛЬ. МНОГО РЫЦАРЕЙ.
ВИЛЬЯМЪ.

(Дугласъ входитъ быстро. Видъ его мраченъ. Онъ безъ латъ, въ шотландскомъ костюмъ. Берета не снимаетъ).

Дугласъ. Еще разъ, у себя, въ своемъ замкѣ, поздравляю васъ съ побѣдой. Робертъ Аргейль, ты храбрый витязь. Хвалю тебя. Какой желаешь награды? Ты не богатъ. Я могу—и хочу платить за все, за всякую услугу.

Робертъ. Джемсъ Дугласъ, ты доблестнѣйшій рыцарь Шотландіи. Твоя похвала—лучшая для меня награда.

Дугласъ. За этимъ безкорыстіемъ не таится ли что-нибудь? Безкорыстнымъ подвигамъ я что-то не вѣрю.

Вильямъ Милордъ! позволь своему родственнику изъявить искреннюю радость, наполняющую его сердце...

Дуг. (перебивая его). Хорошо. Я вѣрю тебѣ, или не вѣрю—это все одно.—Получилъ ли ты мое посланіе?

Виль. Все исполнено.

Дуг. Благородные мои гости, прошу васъ не покидать моего замка до утра. Роскошнымъ пиромъ празднуйте день нашей побѣды.—Долго Англичанамъ памятна будетъ равнина, гдѣ сливаются свои струи Твидъ и Тевіотъ. Гаральдъ!

Гаральдъ. Что прикажешь?

Дуг. Много ли плѣнныхъ?

Гаральдъ. Четырнадцать.

Дуг. Есть ли между ними рыцари?

Гар. Нѣтъ. Десять стрѣлковъ и четыре простыхъ всадника.

Дуг. Только четырнадцать. Очень мало.

Робертъ. Англичане знаютъ, что лучше пасть на полѣ чести, чѣмъ умереть у тебя въ плѣну.

Дуг. Гдѣ старикъ? (Одинъ изъ слугъ уходитъ.).

Въ тотъ день, когда мы взяли Роксбургъ, рано утромъ (вы все еще спали), я выѣхалъ съ Робертомъ изъ лѣсу, чтобы осмотрѣть стѣны крѣпости. Въ ней все было тихо; даже часовые дремали, не подозревая, что враги такъ близко. Только на краю рва сидѣла молодая женщина, съ малюткой на колыняхъ, лю-

буась восходомъ солнца. Тихимъ голосомъ, чтобы не разбудить младенца, пѣла она пѣсню:

Сни, малютка, почиай!

Можешь ты покоевъ быть:

Дугласъ Черный невзначай

Не придетъ тебя будить.

Лжешь, Англичанка! вскрикнулъ я, положивъ руку на плечо ея, Дугласъ Черный передъ тобой! Отъ испуга выпустила она изъ рукъ ребенка, а дуралей разбилъ себя черепъ о каменную стѣну рва. Мать кинулась за нимъ, и сама убила до смерти.

Робертъ. А ты, Дугласъ, улыбнулся! Да простить тебя Богъ эту улыбку.

Дуг. Ты смѣшонъ! Неосторожность испуганной женщины считаешь ты подвигомъ материнской любви.

ЯВЛЕНИЕ V.

АЛЛАНЪ. ТѢ ЖЕ.

Алланъ (*подходитъ къ Дугласу, и низко кланяется ему*). Милостивый Лордъ, чего изволишь?

Дугласъ. Я привелъ четырнадцать плѣнныхъ. Повѣствуй ихъ.

(Алланъ, поклонившись, хочетъ уйти.)

Робертъ. Подожди, старикъ. Умилосердись надъ ними, Дугласъ. Великодушіе—прилично храброму рыцарю, какъ ты.

Дуг. Развѣ я не великодушенъ? Я могъ бы пытатъ ихъ, мучить, но я не дѣлаю этого.—Согласись самъ: вѣдь, можетъ же случиться, что когда-нибудь стрѣла именно одного изъ этихъ стрѣлковъ, или коньѣ именно одного изъ этихъ всадниковъ—попадетъ въ меня? Какъ же я могу пощадить ихъ? Впрочемъ, и во мнѣ столько великодушія, сколько въ человѣкѣ можетъ быть. Если мнѣ попадется такое существо, которое ужъ никогда не въ состояніи вредить мнѣ, а въ моей власти раздавить его, какъ гадюку... я пройду мимо: гибель его для меня бесполезна.

Это, по моему, крайній предѣлъ человеческого великодушія.

Робертъ. Ничтожный стрѣлокъ не стоитъ твоего мщенія.

Дуг. Послушай, Робертъ Аргейль... страшись моего гнѣва. Не хорошо—попасться даже и кому-нибудь изъ васъ въ этотъ замокъ врагомъ Дугласа.—Я не пощадилъ бы и тебя самаго. (Алану). Что медлишь?

(Аланъ опять хочетъ идти, но Гаральдъ останавливаетъ его).

Гаральдъ *(у ногъ Дугласа)*. Да падетъ на меня твой гнѣвъ, но выслушай меня. Помни—помни, что, отнявши жизнь, возвратить ее уже не можешь. Возьми назадъ кровавый свой приказъ. Ты думаешь, что въ людяхъ нѣтъ жалости и великодушія—подай же самъ первый примѣръ! Ты ненавидишь людей, но ты не знаешь, какъ счастливы тотъ, кто можетъ любить ихъ.

Дуг. Ты не понимаешь, безумецъ, о чемъ просишь меня. Такъ знай же, что каждый изъ тѣхъ, которыхъ теперь ты стараешься спасти, завтра же за горсть золота возьмется заръзать тебя во время твоего сна. Ужъ такова благодарность людей. (Алану) Ты развѣ привыкъ къ тому, глупый старикъ, чтобы я больше одного раза повторялъ свои слова? Иди и исполни мой приказъ.

Гаральдъ *(хватается за руку Дугласа)*.

Еще часть, четверть часа, нѣсколько минутъ!

Дуг. Лютаго звѣря, льва, можно укрощать; и я иногда ласковъ къ тебѣ, но ласки льва опасны, Гаральдъ! Языкъ, которымъ онъ лижетъ твою руку, можетъ оцарапать ее, и горе! горе! если увидѣвъ хоть одну каплю крови, свирѣпость блеснетъ въ его взорѣ.

(Дѣлаетъ знакъ Аллану, который уходитъ.)

Гаральдъ. О Боже! Боже! *(закрываетъ лице, и отходитъ въ сторону.)*

Робертъ. Дугласъ, ты безжалостенъ!

(Показывается слугитель съ жезломъ въ рукѣ.)

Дугласъ *(Увидѣвъ его)*. Дорогие гости, Джемсъ Дугласъ приглашаетъ васъ на пиръ, въ честь побѣды надъ Англичанами. Вильямъ заступитъ мое мѣсто. Съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ смерть сына, наследника моего имени, моихъ богатствъ, моей власти—разлюбилъ я веселый шумъ пировъ. Веселитесь безъ меня. *(Всѣ уходятъ.)* Гаральдъ, останься.

ЯВЛЕНИЕ VI.

ДУГЛАСЪ. ГАРАЛЬДЪ.

Дугласъ. Подойди ближе, и выслушай со вниманіемъ, что скажу тебѣ. Разъ предали меня спящаго врагамъ моимъ. Предатель былъ мой другъ—другъ, которому въ бою не разъ спасалъ я жизнь. — Была женщина — я любилъ ее такъ страстно, что отдалъ ей всю любовь, сколько было въ груди моей. Эта женщина..... съ поцѣлуемъ подала мнѣ отраву. — Теперь понятна ли тебѣ моя ненависть къ людской породѣ? понятно ли, почему я не вѣрю въ добро? почему радуется меня зло? (*слышенъ колокольный звонъ.*) А! старикъ знаетъ свое дѣло. Приговоръ надъ пльвыми исполняется. (*Идетъ къ окну, и, отворивши его, смотритъ неподвижно вгнзъ. Гаральдъ закрываетъ лице руками. Когда звонъ умолкаетъ, Дугласъ отходитъ отъ окна.*) Кончено. Хорошо. (*Съ другой стороны слышны шумъ пирующихъ, звуки трубъ и крики: «да здравствуетъ Дугласъ.»*) Съ одной стороны смерть, съ другой шумное веселье. Картина жизни человека.

Гаральдъ. А для меня часъ смерти будетъ часомъ веселья! (*помолчавъ.*) Дугласъ, ты жестокъ для другихъ, для меня ты добрѣ..... я не хотѣлъ бы покинуть тебя никогда... но — и остаться не могу. — У тебя много слугъ, я тебѣ не нуженъ: отпусти меня.

Дугласъ. Отпустить тебя? За чѣмъ же?

Гаральдъ. Я бездомный сирота, отца и матери не зналъ, нѣтъ у меня и родины.—Отпусти меня, Дугласъ! Пусть и не знаетъ никто, куда брошу я кости свои.

Дуг. Что за замыслы у тебя? Не стали ли тебѣ завидны мои богатства? (*съ усмѣшкой*) или моя слава? Не за нею ли ты гонишься, глупецъ? Не она ли отнимаетъ у тебя сонъ? Знаешь ли ты, что она такое? (*Помолчавъ.*) Безславіе мнѣ понятно, но слава—призракъ, игра судьбы.

Гаральдъ. Не ищу я славы, не нужно мнѣ богатствъ. Славой и золотомъ не куплю я того, что мнѣ купить бы хотѣлось своей кровью.

Дугласъ. Чего же нельзя купить золотомъ?

Гар. Ты не знаешь..... я вѣрю тебѣ. Твое сердце разучилось любить, но въ моемъ горитъ любовь неугасаемымъ пламенемъ! Пусть сгараетъ сердце, пусть я самъ обращусь въ

прахъ..... надъ моею любовью не властна смерть! Отпусти меня, Дугласъ! Ты оказывалъ мнѣ добро — благодарю тебя. Но здѣсь остаться долѣе..... я не могу!

Дуг. Ты хитришь! Хочешь выманить у меня что-нибудь, думаешь, что стану упрасивать тебя остаться.

Гар. Не хочу я выманивать у тебя милости ни себѣ, ни другому. Брошу этотъ край навсегда. — Далекое, за моремъ, отыщу отчизну новую, отыщу могилу и покой.

Дуг. Скажи же, что за горе такое, которому золото помочь не можетъ?

Гар. Какое горе? Слушай. Прежде, чѣмъ ты взялъ меня въ оруженосцы, служилъ я Сирю Дугвалю..... и былъ доволенъ своимъ жребіемъ. — У барона была дочь, прекрасная, какъ свѣтъ солнца — непорочная, какъ душа младенца! Я — низкій слуга, презрѣнный рабъ—дерзнулъ полюбить ее! О... и долженъ былъ молчать.....

Дуг. Теперь ты больше не низкій слуга, а называютъ тебя моимъ любимцемъ.—Все рыцари признаютъ тебя равнымъ себѣ.

Гар. Я не все еще сказалъ тебѣ — не все, Дугласъ! Она давно жена другаго..... имя ея, Ильза Аргейль! Она жена Роберта!

Дуг. Ильза Аргейль..... она слыветъ добродѣтельной женщиной, эта Ильза Аргейль. Добродѣтельной! Я ее не знаю. Все равно. Послушай, Гаральдъ, ты можешь купить свою Ильзу Аргейль.

Гар. Купить ее! Тогда можно купить и блаженство за гробомъ.

Дуг. Возьми лучшаго изъ коней моихъ, и скачи въ замокъ Аргейль. Робертъ до утра пробудетъ здѣсь. Привези Ильзу Аргейль поклонъ отъ Джемса Дугласа, и начни такую рѣчь: Ильза, не скучно ли тебѣ жить одной, безъ подругъ, безъ удовольствій, въ уединенномъ, старомъ замкѣ? Ильза, красота твоя завянетъ бесполезно, прельщать ею ты здѣсь никого не можешь; твой мужъ несправедливъ къ тебѣ. Ильза, какъ бы пристали къ тебѣ богатые паряды, драгоценные уборы, самоцвѣтные каменья. Ильза, твой мужъ бѣдный рыцарь, а ты достойна владѣть сокровищами. Хочешь ли быть богатой? Хочешь ли сдѣлаться знатной леди при дворѣ шотландской королевы? За тебя все рыцари будутъ сражаться, ты будешь раздавать награды на турнирахъ. Все это, Ильза, ты можешь купить—купить не дорогою цѣною—твоею любовью. Говоря ей это, ты

не будешь обманывать ее, потому что у меня довольно золота, чтобы исполнить эти обещанія.

Гар. Любовь за золото! — Твои слова ужасны!

Дуг. Если ты не хочешь, то я куплю ее для другаго.

Гар. (внѣ себя). Для другаго! для другаго! — О Дугласъ! — Я согласенъ. Я поѣду къ ней.

Дуг. (свиститъ въ серебряный свистокъ. Входитъ Алланъ).
Коня Гаральду!

(Алланъ уходитъ. Входитъ въ боковую дверь Вильямъ, и останавливается посреди сцены.)

Гар. Ты заблуждаешься, Дугласъ. Я поѣду къ Ильзѣ, но чтобы навѣкъ проститься съ ней.

Дуг. (съ иъвоимъ). Проститься? И со мной ты хочешь проститься?

Гар. Я рѣшился.

Дугласъ. Малодушный! Повѣрь..... средства, которыя предлагаю, доведутъ тебя до цѣли. Или у тебя духа не достаетъ? Такъ слушай же: ты мой наследникъ, если Ильза будетъ твоей: теперь, я думаю, и тебѣ самому побѣда кажется возможной? Не такъ ли?

Гаральдъ (съ презрѣніемъ). Твоимъ наследникомъ? (съ чувствомъ) Ты несчастливъ, очень несчастливъ! Мнѣ жаль тебя. Ты въ добро не вѣришь, Дугласъ, но раскаешься, и будешь вѣрить. Отдалъ я тебѣ на поруганіе завѣтную тайну моего сердца. Прощай, Лордъ Дугласъ. Ты еще увидишь меня. Къ утру жди меня назадъ. — (Уходитъ въ среднюю дверь.)

Дугласъ (Вильяму). Этотъ молодой безумецъ не вѣритъ мнѣ, а что женскую любовь покупаютъ золотомъ, какъ все другое. — (Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ. VII.

Вильямъ. потомъ Алланъ.

Виль. (одинъ). Какую тайну я узналъ! Гаральдъ къ женѣ Роберта!... Робертъ вспылчивъ — кровь его скоро воспламеняется. Легкій намекъ — и въ груди его закипятъ бѣ-

шенная ревность. Не одобровать тебя, Гаральд! (*подходить къ открытому окну, и смотритъ внизъ.*) Добрый путь, лихой наездникъ! Ты спышишь. — Спыши же! — Быть можетъ, смерть гонится за тобой. (*идеть къ двери.*) Алланъ! Алланъ! — Поди сюда. О — (*аходитъ Алланъ.*)

Виль. Не мало ли вина для гостей? Наполни ихъ кубки снова.

Алланъ, Иду....

Виль. Скажи Стуру Роберту, что Вильямъ желалъ бы поговорить съ нимъ. (*Алланъ уходитъ.*)

Виль. (*одиъ.*) Это прекрасное средство избавиться отъ соперника. Лучшаго я бы не придумалъ. Но все-таки я долженъ поступить осмотрительно. Если Дугласъ станетъ подозревать, что я сообщилъ Роберту эту вѣсть.... нѣтъ! Почему же ему подозревать кого-нибудь? Робертъ увидитъ самъ. Вотъ онъ идетъ.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Вильямъ. Робертъ.

Робертъ. Что ты хочешь сказать мнѣ?

Виль. Ахъ, Робертъ, тебя потревожили напрасно. Я только спросилъ, здѣсь ли ты еще. — Тебя ждетъ домой молодая хозяйка. — Ей грустно безъ тебя. — Луна была въ первой четверти, когда ты повхальовъ воходишь, а теперь полнолуние. Вотъ какая была у меня мысль, когда я спросилъ протекать. Я думалъ: вѣрно Робертъ поскакалъ въ свой замокъ къ молодой женѣ.

Робертъ. Я обѣщалъ Дугласу остаться здѣсь до утра.

Виль. Да и на что тебѣ такъ торопиться? Ты утомленъ, отдохни съ перва. Леди Ильза, такая добрая.... красавица.... ты можешь быть спокоенъ, Робертъ. Не правда ли? Вѣдь, ты не безпокоишься нисколько? Зловѣщія сновиденія не тревожатъ твоего сна никогда? Ты счастливъ, Робертъ. Завидна твоя доля.

Роб. Я счастливъ, да!

Виль. Однако, Робертъ, не замѣчалъ ли ты, что Леди Ильза иногда, изрѣдка, по временамъ.... скучаетъ, тоскуетъ... безъ

видимой причины? то краснѣеть, когда ты посмотришь на нее, то блѣднѣеть? Ты не замѣчалъ этого?

Ров. Нѣтъ. Но отчего ты спрашиваешь меня объ этомъ?

Виль. Такъ. Женщины причудливы. Отчего же не спросить? (*Помолчавъ немного.*) Робертъ, ты любишь Гаральда?

Ров. Люблю ли Гаральда? Гаральдъ благороденъ и храбръ. Да, я люблю его.

Виль. А я думалъ, что ты не любишь его. Онъ, кажется, не другъ тебѣ. Мнѣ случилось замѣчать, что онъ старается избывать твоего взора. Я могъ и ошибиться. Гаральдъ знаетъ Леди Ильзу?

Ров. Онъ былъ оруженосцемъ у ея отца.

Виль. А! Я этого не зналъ. Гаральдъ ловокъ и статенъ. Онъ можетъ быть любимъ женщиной. А я не зналъ, что онъ былъ оруженосцемъ у отца Леди Ильзы.

Ров. Что значать твои разспросы? твои намеки?

Виль. Какіе намеки? Ты самъ же рассказалъ мнѣ, что Гаральдъ давно уже знаетъ твою жену.

Ров. Ты хочешь мнѣ открыть что-то!

Виль. Ничего.... но я тебѣ другъ.

Ров. Такъ что же?

Виль. Я тебѣ другъ, Робертъ.

Ров. Говори же!

Виль. (*Оглянувшись со вниманіемъ во всю сторону, беретъ его за руку, и отводитъ нѣсколько шаговъ въ сторону.*) Робертъ! повзжай въ свой замокъ.

Ров. Проклятіе!

Виль. Ты слишкомъ скоръ.... будь хладнокровнѣе.

Робертъ. Послушай, Вильямъ! ты коварный, низкій, презрѣнный клеветникъ! (*уходитъ быстро.*)

Вильямъ. (*одинъ.*) Искра заронена. Легкое дуновение вѣтерка.... и вспыхнетъ пламя. (*Уходитъ.*)

Занавѣсъ опускается.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната въ замкѣ Роберта Аргейль. Съ боку окно изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, которое отворяется.

ЯВЛЕНІЕ I.

Пльза. (одна).

(Она сидитъ у окна, и вышиваетъ серебромъ по голуболу шарфу).

Вотъ, работа моя уже почти кончена. Я подарю этотъ шарфъ Роберту, когда онъ возвратится. Ахъ, какъ онъ долго не ѣдетъ! Я спышила—думала, что не поспѣю. Потомъ стала медлить—работы оставалось немного. А Роберта все нѣтъ! Теперь вышью еще въ одномъ углу свое имя. Нѣтъ, его имя: Робертъ. А потомъ? Если его и тогда еще не будетъ? Боже!... Я считаю дни... сегодня двадцать третій, какъ онъ уѣхалъ. Живъ ли онъ? Здоровъ ли? Не раненъ ли? Не взять ли въ плѣнъ? Онъ съ Дугласомъ. О! какъ боюсь я Джемса Дугласа! Говорятъ, лице его черно, но душа еще чернѣе. Робертъ прославляетъ его подвиги, называетъ его храбрымъ и доблестнымъ... но Дугласъ жестокъ и кровожаденъ. Одно имя его пугаетъ меня. (Сложивъ руки, опускается на колѣни). Всесильный и милосердый Боже! если я грѣшна предъ Тобой, накажи меня одну, но пощади Роберта! Возврати мнѣ его! (она встаетъ). Не въ первый разъ оставилъ меня Робертъ одну, не въ первый разъ отпустила я его на войну, но никогда еще я не томилась такимъ безпокойствомъ—такимъ страхомъ, какъ теперь. (Отворяетъ окно). Вершины горъ облиты румянымъ блескомъ, солнце близко къ закату. Скоро послѣдніе лучи его погаснутъ.—Робертъ! мой Робертъ! Гдѣ ты теперь? Въ которую сторону послать къ тебѣ привѣтливое словечко? (Помолчавъ.) Съ сѣвера

набѣгаютъ черныя тучи, ласточки рано спрятались въ свои гнѣзда. Будетъ буря.

(Затеорлетъ окно, и отходитъ отъ него).

Голосъ моего Эдди! Онъ идетъ проститься со мной. Ему пора спать.

(Входитъ Анна. Она ведетъ Эдди за руку).

ЯВЛЕНИЕ II.

ИЛЬЗА. АННА. ЭДДИ.

Эдди. *(подбывая къ матери)*. Мы ужинали одни, маменька. Скучно безъ тебя.

Ильза. Мнѣ не хотѣлось ужинать, Эдди.

Анна. Перестань грустить, Леди Ильза. Побереги свое здоровье. Ты даже ничего не изволишь кушать. Въ самомъ дѣлѣ, Леди, ты такъ изнуришь себя, румянецъ твой пропадетъ, ты захвораешь. Придетъ Сиръ Робертъ, и спроситъ: что сдѣлалось съ моей красавицей? отчего потуекнули ясныя ея очи? гдѣ прежняя красота ея?

Ильза. Развѣ за красоту любить меня Робертъ?

Анна. Красота.... красота Божій даръ. Нужно беречь ее.

Эдди. Знаешь ли, маменька, что мнѣ обѣщала кузнецъ Симонъ?

Ильза. Что же?

Эдди. Онъ сдѣлаетъ мнѣ саблю! настоящую—жельзную!

Ильза. Ну, скажи, кудрявая головка! что станешь ты дѣлать съ этой саблей.

Эдди. Буду сражаться. Убью всѣхъ.

Ильза. Довольно побѣждать враговъ. Зачѣмъ же убивать всѣхъ?

Эдди. Хочу быть храбрымъ, какъ Черный Дугласъ.

Ильза. Ахъ, Эдди! лучше будь такимъ, какъ твой отецъ.

Эдди. Папенька скоро придетъ?

Ильза. Скоро.... скоро.

Эдди. Я попрошу у него коня. Хочу на войну.

Ильза. А меня ты бросишь одну?

Эдди. Посажу и тебя съ собой.

Ильза. Но твой конь сброситъ насъ обоихъ, Эдди.

Эдди. Нѣтъ, нѣтъ! не сброситъ! Не хочу, чтобы онъ сбросилъ насъ—не хочу!

Ильза. А я скажу тебѣ новость: старый бардъ Томасъ, приготовилъ для тебя дорогой подарокъ: большой листъ пергамента. На немъ написана разными красками вся азбука. Добрый Томасъ скоро начнетъ учить тебя читать. Правится ли тебѣ это?

Эдди. Не знаю. *(Берется рукой за голову).*

Ильза. Не забудь, Эдди, молиться утромъ и вечеромъ за твоего отца.

Эдди. Я всегда молюсь за папеньку, и за тебя также.

Ильза *(цѣлуя его)*. Милый мой Эдди! Богъ съ тобой. Прощай. Пора тебѣ спать.

Эдди. Хочу заснуть у тебя на колыняхъ. Спой мнѣ пѣсню о трехъ маленькихъ братахъ.

Ильза. Поди же сюда, избалованный мальчикъ. *(Садится, и беретъ его на колыти).* Спою другую пѣсню, новую. Недавно слышала я ее отъ Томаса. Она не весела, но тебѣ, вѣдь, все равно?

Эдди. Какъ хочешь, маменька.

Ильза *(поетъ)*. Ждетъ хозяйка со слезами

Друга вѣрнаго домой.

Ждетъ—и слышитъ: межъ горами

Скачетъ всадникъ удалой.

Очи всадника закрыты,

Не торопятъ онъ коня,

Кровью теплою покрыты

Щитъ и панцырь вѣдока.

Свято клялся онъ супругъ

Нынѣ утромъ былъ домой:

Вотъ и утро! и къ подругѣ

Скачетъ друга трупъ нѣмой.

(Эдди уснулъ со вѣтрянъ пѣнья.)

Анна. Дитя уснуло, Леди.

Ильза. Уложи его, Анна. Онъ рѣзвился цѣлый день.

(Анна уноситъ его).

ЯВЛЕНИЕ III.

Ильза (одна).

Ильза (*встаетъ задумчиво*). Эта пѣсня, какъ будто для меня сложена. Можетъ быть—и въ самомъ дѣлѣ, грѣшно молить Бога о чемъ—нибудь такъ неотступно, какъ молю его я о возвращеніи Роберта. Богъ лучше знаетъ, что намъ нужно. Меня учили этому давно, но я забыла... теперь только вспомнила. Успокойся же, мое сердце—перестань биться такъ сильно, надейся на милосердіе Божіе. (*Слышны звуки охотничьяго рога*). Ахъ! Робертъ! (*бѣжитъ къ двери*). Нѣтъ, я ошиблась. Это не онъ, серебряный рожокъ его звучитъ веселье. (*Она подходитъ къ окну*). Незнакомый рыцарь—онъ привязываетъ своего коня, покрытаго пѣной—онъ входитъ въ замокъ. Не вѣсть ли отъ Роберта? чего же я испугалась? я вся дрожу!

ЯВЛЕНИЕ IV.

Гаральдъ. Ильза.

Гаральдъ. Ильза! (*Помолчавъ*). Здравствуй, Ильза. Помнишь ли ты меня? Узнаешь ли?

Ильза. Да... Гаральдъ...

Гар. Ты узнала меня! Благодарю тебя, Ильза.—Шесть лѣтъ ты не видѣла меня — я не показывался тебѣ. Но часто бродилъ я вокругъ этого замка, надѣясь увидѣть тебя издали, услышать звукъ твоего голоса, поцѣловать цвѣтокъ, смятый твоей ногою.

Ильза. Что ты говоришь, Гаральдъ: твои слова мнѣ не

совсѣмъ понятны. Отчего же я не видѣла тебя?

Гар. Ты меня спрашиваешь: отчего! О! если бы я сталъ разсказывать тебѣ страданія души моей, сталъ раскрывать передъ тобой преступныя страсти, кипящія въ моей груди.... Но нѣтъ! Не хочу я опечалить непорочную душу твою горестнымъ разсказомъ своихъ грѣховъ.

Ильза. Твоихъ грѣховъ, Гаральдъ? Ты былъ всегда такимъ добрымъ. Я помню. Мой отецъ любилъ тебя. Отчего ты оставилъ его?

Гар. (съ жаромъ). Я оставилъ твоего отца, потому.... О! не напоминай мнѣ того времени! Я видѣлъ, что ты любила Роберта.... Боже! Ты не хотѣлъ, чтобъ я сдѣлался злодѣемъ, Ты спасъ меня! Ильза, я имѣлъ силы молчать.... Теперь пришелъ я проститься съ тобой на-вѣкъ. — Но.... я вижу тебя... и чувствую, что силы оставляютъ меня! Прочь, искуситель! прочь! — Не приходите мнѣ на память, ядовитыя слова клеветы и богохульства! (съ большимъ жаромъ). Знаешь ли, Ильза? я отдалъ бы за тебя всю свою кровь, каплю за каплей — отдалъ бы безсмертную душу свою!

Ильза. Гаральдъ, ты весь горящъ, въ твоихъ глазахъ страшное выраженіе... не понимаю смысла твоихъ рѣчей.

Гар. И ты счастлива, что мои рѣчи темны для тебя. Ты видишь меня въ послѣдній разъ. Прости же, Ильза!.... Но есть у меня просьба къ тебѣ: если дойдетъ до тебя слухъ, что Гаральдъ на чужой сторонѣ кончилъ свою печальную жизнь, помолись — помолись тогда о немъ. Не отказывай — обѣщай, что ты исполнишь эту просьбу!

Ильза. Я всегда готова молиться за тебя — за всѣхъ, но на что тебѣ моя молитва?

Гар. Ахъ, Ильза! Молчи! (съ ненавистью) О Дугласъ! (дѣлаетъ вдругъ движеніе рукой къ небу, и произноситъ быстро). Ильза! молись за Дугласа!

Ильза. Дугласъ? Ты знаешь Дугласа?

Гар. Я служилъ ему до сихъ поръ. Завтра оставлю его.

Ильза. (съ сильнымъ испугомъ). Милосердый Боже! ты теперь отъ Дугласа? былъ въ его замкѣ? — Отвѣчай же! Отчего ты не отвѣчаешь? Ты ходилъ съ нимъ въ походъ? Боже! Боже! Тебя прислали ко мнѣ съ роковою вѣстью? Гаральдъ, говори же!

Гар. Съ какою вѣстью?

Ильза. Его ужъ нѣтъ! его убили! Ты въ нерѣшимости смот

ришь на меня! О! *(хватает его за руку)*. Жестокосердый! не томя меня такъ долго—произнеси же ужасное слово, чтобы оно убило меня, какъ молнія небесная.

Гар. О комъ ты спрашиваешь меня?

Ильза. О Робертъ — о мужъ.

Гар. О немъ! А!.. Боже! не оставь меня!

Ильза. Гдѣ онъ? живъ ли? Если же онъ живъ, почему его нѣтъ еще здѣсь?

Гар. Твой Робертъ, твой мужъ — живъ, и возвратится къ тебѣ! Радуйся, вонзи острый ножъ въ грудь мою!

Ильза. *(съ большою радостью)*. Ты не обманываешь меня? Почему же онъ не здѣсь?

Гар. Потому, что пируетъ съ друзьями Дугласа. Онъ не то-ропится увидѣть тебя. *(Съ горькой улыбкою)* Онъ знаетъ, что ты принадлежишь ему — онъ спокоенъ.

Ильза. Онъ возвратился изъ похода? Онъ живъ?

Гар. Я уже сказалъ тебѣ. Жди его. Онъ скоро будетъ.... завтра.... не знаю когда.

Ильза. *(випь себя)*. Благодарю тебя, Боже! благодарю! Ты услышалъ мольбы мои! — Анна, Анна! поди ко мнѣ! гдѣ же ты? иди скорѣе.

ЯВЛЕНИЕ V.

анна. тѣ же.

Ильза Анна, какая радость! Робертъ скоро воротится!

Анна. Да благословитъ его Господь.

Ильза. Благодарю тебя, Гаральдъ, за добрую вѣсть. Дай мнѣ руку. *(Буря и громъ. Смеркается)*. Ты останешься у насъ. Слышишь? поднимается буря. Ахъ, еслибъ Робертъ былъ уже здѣсь! Дай же руку, Гаральдъ.

Гар. Что ты дѣлаешь, Ильза? *(отходитъ съ сильнымъ волненіем, и закрываетъ лице руками)*.

Ильза. Ты, вѣдь, не завидуешь моему счастью?

Гар. Не тебѣ я завидую, а ему!

Ильза. Кому же?

Гар. Не спрашивай.

Иль. Ты не знаешь, Гаральдъ, какой хорошенькій нашъ Эди. Онъ спитъ теперь. Ты увидишь его завтра. Онъ будетъ такой же молодець, какъ мой Робертъ.

Гар. Перестань — перестань!

Иль. (*Анна*). Ахъ, Анна, я ни о чемъ не думала, ни о чемъ не заботилась. Можетъ быть, Робертъ прїѣдетъ сегодня же. Бѣги, похлопочи. Вели приготовить ужинъ, принести вина — не забудь ничего. Иди же, Анна, иди. Сама я теперь ни къ чему не способна.

Анна. Иду, иду. Все будетъ сдѣлано, какъ слѣдуетъ.

(*уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ VI.

ИЛЬЗА. ГАРАЛЬДЪ.

(*Буря и громъ усиливаются*).

Ильза. Какая буря! Она, можетъ быть, застигнетъ Роберта въ горахъ.

Гар. Прощай же, Ильза! Будь счастлива...

Ильза. Отчего же ты не хочешь остаться? Къ утру гроза пройдетъ. А теперь скоро совсѣмъ стемнѣетъ. Твой конь можетъ оступиться въ горахъ.

Гар. Ильза, Ильза! — Не говори со мной такъ ласково. Ты не знаешь, Ильза... Ты и понять не можешь... (*випъ себя*). Дугласъ! приди къ ней самъ, узнай ее — и если тогда еще не преклонишь колявъ, и не ударишь въ грудь свою, какъ грѣшникъ... О! тогда ты будешь правъ! я соглашусь съ тобой! — Прощай, Ильза!

(*Слышны веселые звуки рожка*).

Ильза. Робертъ! Робертъ! Это онъ! (*Блжзитъ къ двери*).

Гар. (*удерживаетъ ее за руку*). Горе, если я увижу здѣсь Роберта! если онъ увидитъ меня!

Ильза. (*съ испуив.*) Развѣ вы враги? Боже!

Гар. Нѣтъ еще.

Ильза. Такъ что же? Отчего ты держишь меня такъ крѣ-
ко? Пусти меня!

Гар. Если Робертъ войдетъ сюда... Ты, при мнѣ, подашь
ему руку... можетъ быть, поцѣлуешь его! О! (*вынимаетъ
ножъ*). Смерть одному изъ насъ!

Ильза. (*испускаетъ крикъ, и силится освободиться отъ Га-
ралада*). Бѣги! Бѣги!

Гар. Бѣжать! мнѣ?

Ильза. Брось этотъ ножъ! Отдай мнѣ его! Отдай! Отдай!
(*вырываетъ у него ножъ, и поспѣшно прчлетъ его за поясъ*).

Гар. (*хладнокровно*). У меня остается мечъ.

Ильза. Бѣги, Гараладъ! бѣги, ради Бога!

Гар. (*равнодушно*). Поздно. Онъ идетъ.

Ильза. Отдай мнѣ мечъ! Я умру со страха!

Гар. Успокойся. (*Отворлетъ окно.*) Высоко отъ земли?

Ильза. Высоко. Ты погибнешь.

Гар. Я слышу, внизу шумитъ потокъ. Онъ протекаетъ у
самой стѣны. Прощай, Ильза! (*Онъ бросается изъ окна*).

Ильза. (*испускаетъ крикъ, и бѣжитъ къ окну*). Несчастный!
(*Смотритъ внизъ; молнія освѣщаетъ сцену*). Онъ борется съ
волнами! (*Опять молнія*). Онъ достигаетъ берега! Онъ спасенъ!
(*Она затворлетъ окно*).

(*Къ концу этой сцены театръ сдѣлался темнымъ*).

ЯВЛЕНИЕ VII.

РОБЕРТЪ. ИЛЬЗА.

(*Приносятъ свѣчи*).

РОБЕРТЪ (*входитъ быстро*). Ильза! — Ты не узнала моего
знака.

Ильза. Узнала. Ахъ, Робертъ! Робертъ! (*повиснувъ на шп
сю, рыдаетъ*).

Роб. Ильза, мой другъ! Моя милая, добрая жена.

Ильза. Въ такую непогоду ты прискакалъ ко мнѣ! Благодаря тебя, Робертъ! Дай мнѣ твои руки, я хочу ихъ цѣловать. О! теперь не скоро отпущу тебя! Не правда ли, Робертъ, не скоро ты покинешь опять свою Ильзу?

Ров. Ты грустила безъ меня?

Ильза. Грустила ли я! Ахъ, Робертъ — я простая, слабая женщина... хочу признаться тебѣ—видишь ли? вѣдь, я равнодушна къ твоимъ подвигамъ въ битвахъ и на турнирахъ: я боюсь, я дрожу за твою жизнь. Я робка. Не брани меня за мое малодушіе.

Ров. Мнѣ бранить тебя, мою Ильзу?

Ильза. Ахъ, какъ твои волосы мокры отъ дождя! Ты усталъ, Робертъ? (*Оттираетъ ему платкомъ волосы и лице, и ласкаетъ его*).

Робертъ. Я спѣшилъ къ тебѣ, но не усталъ. Я спѣшилъ не безъ причины. Я долженъ былъ увидѣть тебя скорѣе, всмотрѣться въ твои темныя очи, прижать тебя къ своему сердцу. (*Помолчавъ*). Ильза, я услышалъ твое имя въ устахъ презрѣнаго клеветника.

Ильза (*въ испугѣ*). Что ты говоришь, Робертъ?

Ров. Я испугалъ тебя.—То былъ сонъ, мучительный сонъ, но онъ продолжался только одно мгновеніе.

Ильза. Что же тебѣ говорилъ тотъ клеветникъ?

Ров. Что ты любишь не меня, а другаго.

Ильза (*бросается къ нему на грудь съ ужасомъ*). Ахъ, Робертъ!

Ров. Посмотри мнѣ въ глаза, Ильза. Видишь, этотъ сонъ не оставилъ ни малѣйшаго слѣда въ моей душѣ.

Ильза. Какой ужасный сонъ! Обними меня, Робертъ. Я очень люблю тебя.

Ров. Мой другъ!

Ильза (*съ болѣзненнымъ крикомъ*). Ахъ! этотъ ножъ!

Ров. Что?

Ильза. Я уколола себя этимъ.... (*въ смущеніи, про себя*). На что ему рассказывать?

Робертъ (*увидѣвъ ножъ*). Зачѣмъ ты носишь съ собой этотъ ножъ? Покажи же.

Ильза Возьми.

Ров. Кто тебѣ далъ его? (*Разсматривая его*). На немъ есть надпись, имя.

Ильза. Отдай мнѣ его назадъ.

Роб. На что онъ тебѣ? (*разсматриваетъ его внимательно*).
Ильза! ты измѣнилась въ лицѣ! (*подбѣгаетъ къ свѣчѣ съ ножомъ*). Боже великій! Нѣтъ! не возможно! Я ошибся. (*Читаетъ опять надпись*). Чей этотъ ножъ? Кто здѣсь былъ? говори!

Ильза. Отчего ты хочешь знать?

Роб. Погоди—погоди. Я ничего не помню. Это я?—Это ты, Ильза!—Какъ этотъ ножъ попалъ въ мои руки? (*разсматриваетъ его*). Здѣсь темно—что ли? Ничего не вижу. На ножъ было чье-то имя. (*Молнія освѣщаетъ сцену*). А! я опять прочелъ это имя! (*ужаснымъ голосомъ*) Гаральдъ! онъ былъ здѣсь! признайся!

Ильза. Послушай, Робертъ, я расскажу тебѣ... не теперь—ты такъ встревоженъ!

Роб. (*вспысая*). Гаральдъ былъ ли здѣсь? (*поднимаетъ ножъ дрожащей рукой*).

Ильза (*спокойно*). Онъ былъ здѣсь.

Роб. (*бросается къ ней, чтобы поразить ее ножомъ, но останавливается, и кидаетъ ножъ*). Ахъ!

Ильза (*съ тономъ упрека, но кротко*). Робертъ!

Роб. Еще ли онъ здѣсь? Гдѣ онъ?

Ильза. Робертъ, я ничего не понимаю, только вижу, что готовится ужасное несчастіе.

Роб. Молчи, хитрая—безчестная женщина! на вопросъ мой отвѣчай: гдѣ онъ?

Ильза (*какъ выше*). Робертъ!

Роб. Гдѣ онъ?

Ильза. Его ужъ нѣтъ здѣсь. (*Показываетъ рукой на окно*).

Роб. Туда—туда? А! можетъ быть, онъ утонулъ въ быстромъ потоцѣ, и мое мщеніе не достигнетъ его! (*Подходитъ къ окну, и, разбивъ стекла, извлекаетъ нѣсколько сильныхъ звуковъ изъ своего рожка*). Сюда, мои слуги! сюда, все люди моего клана! ко мнѣ! ко мнѣ! (*Ильза*) А ты здѣсь еще! Здѣсь — въ этомъ замкѣ, гдѣ умерли мой отецъ и моя мать? гдѣ покоится ихъ прахъ?

Ильза. Робертъ—Робертъ! Въ чемъ ты подозреваешь меня? скажи! я невинна! клянусь тебѣ передъ лицомъ Бога!

Робертъ (*отталкивая ее*). Прочь!

Ильза. Я невинна! Клянусь твоей жизнью — жизнью Эдди!

(*Падаютъ къ его ногамъ. Онъ отталкиваетъ ее*).

(*Входятъ множество слугъ. У некоторыхъ факелы въ рукахъ*).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

СЛУГИ. ТЪ ЖЕ.

(*Очень сильная гроза.*)

Роб. (*одному старому слугу*). Возьми эту преступницу, и вытолкни ее безъ жалости изъ моего замка, среди ночи, въ грозу и бурю. Не дай ей ни покрывала, ни плаща.—Пусть она томится голодомъ и жаждой, и умретъ, какъ звѣрь, раненый стрѣлою.

Ильза. Ахъ!..... Робертъ!.....

Робертъ. А вы..... на коней! на коней! За мной, молодцы мои! Въ погоню за злодѣемъ! За мной, въ замокъ Дугласа!

(*Онъ хочетъ уйти, но Ильза останавливаетъ его, обнимая его колѣни*).

Ильза. Ты хочешь къ Дугласу! Къ чему? Робертъ—что я сдѣлала? — Я невинна, Робертъ!

Робертъ. Прочь, змѣя!

(*Ильза падаетъ безъ чувствъ*).

Робертъ. (*Старику, показывая на Ильзу*).

Если жизнь тебѣ дорога, исполни мой приказъ! (*Друмиль*) За мной! (*Хочетъ идти, но останавливается*). Но нѣтъ! Оставьте всѣ!—Одинъ справлюсь я съ нимъ! Грудь противъ груди, въ равномъ боѣ—хочу убить врага! (*Уходитъ быстро*).

Занавѣсъ опускается.

Оркестръ тотчасъ начинаетъ военный мотивъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Зала 1-го дѣйствія. По срединѣ, на носилкахъ, трупъ Гаральда, покрытый плащомъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Вильямъ и другіе рыцари окружаютъ трупъ. Бардъ стоитъ на авансценѣ, облокотясь на арфу.

Вильямъ. Стѣны этого замка вновь огласились печальными кликами. Добрый другъ и товарищъ нашъ Гаральдъ убитъ — и мы не знаемъ къмъ! Вотъ окровавленный трупъ его. — Къ разсвѣту прибѣжалъ его конь..... узда была разорвана, седло взято. Сердце мое предчувствовало бѣду: я послалъ гонцовъ во все стороны, поскакалъ самъ..... и вотъ нашелъ его.... безъ дыханія, съ глубокой раной въ груди!

Одинъ изъ рыцарей. Дугласъ любилъ Гаральда. Одинъ онъ могъ подъ часъ молвить ему смѣлое слово, одинъ онъ умѣлъ смягчать крутой нравъ его.

Виль. Горе, горе убійцѣ Гаральда! — Мщеніе Дугласа будетъ ужасно. — Алланъ у Лорда — я послалъ его съ недоброй вѣстью. Не хотѣлъ я первый встрѣтить грозный взоръ его въ этотъ мигъ! (*Отходя отъ прочихъ, про себя*). Гаральдъ болѣе не опасенъ для меня, но есть другой..... и ты, Робертъ, мешаешь мнѣ — и тебя Дугласъ что-то слишкомъ жалуешь..... Ну, если Дугласъ не догадается самъ, отъ чьей руки палъ Гаральдъ..... тогда мы кое-что ему расскажемъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

АЛЛАНЪ. ТѢ ЖЕ.

Виль. А! Ну что, Алланъ? Извѣстиль ли ты Лорда?
Алланъ. Извѣстиль.

Виль. Что же Лордъ? говори!

Алланъ. Лордъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ.

Виль. Что же онъ сказалъ?

Алланъ. Онъ не произнесъ ни слова.

Виль. Разказалъ ли ты Лорду, что я нашелъ трупъ Гаральда, что я . . . .

Алланъ. Я разказалъ все. Вотъ самъ Лордъ.

ЯВЛЕНИЕ III.

ДУГЛАСЪ. ТЪ ЖЕ.

(При появлении Дугласа всѣ отступаютъ).

Дугласъ. (Онъ входитъ быстро, но останавливается, увидѣвъ трупъ). Въ самомъ дѣлѣ! (Помолчавъ). Что же я не вѣрилъ старикку?

Виль. (подходитъ). Мой благородный дядя, Милордъ...

Дугласъ (прерываетъ его). Отчего ты говоришь такимъ плачевнымъ голосомъ? И вы всѣ—что вы смотрите на меня? Къ чему готовитесь? Чего ожидаете? Развѣ зло можетъ удивить меня? Развѣ я не говорилъ вамъ, что каждое злодѣяніе радуетъ меня? — Или вы думаете, можетъ быть, что смерть его огорчаетъ меня, потому что я любилъ его? Любилъ!—Кто это думаетъ? Ты? или ты? или ты?—Оттого-то я и радъ, что теперь могу ненавидѣть *всѣхъ*! Смотрите, какъ я веселъ! (хохочетъ) что же вы не смѣетесь со мной? (Увидѣвъ Барда). И ты здѣсь, старый вѣщунъ? За чѣмъ же ты пожаловалъ ко мнѣ?

Бардъ. Джемсъ Дугласъ, я чую смерть, какъ черный воронъ. — Вчера злобщій крикъ птицы смерти прервалъ мой сонъ. Я слѣдилъ взорами за полетомъ ея. Долго парила она надъ твоимъ замкомъ..... и, ты видишь, смерть явилась на зовъ ея. Пришелъ я пропѣть погребальную пѣсню Гаральду.

Дугласъ. Струны твоей арфы звучатъ еще отъ пѣсни, пропѣтой тобой надъ трупомъ моего сына, но теперь.... спой-ка мнѣ пѣсню застольную, буйную! Эй! Подайте намъ вина! Хочу веселиться!

Бардъ. Я забылъ всѣ застольныя пѣсни.

Дугласъ. Такъ спой мнѣ ту, которую ты пѣлъ въ тотъ день, когда я одержалъ первую побѣду надъ врагами.

Бардъ. Джемсъ Дугласъ, память моя слаба. Я забылъ и эту пѣсню.

Дугласъ. Ты забылъ? (*Съ швомъ*) А! съдой колдунъ! только погребальныя пѣсни помнишь! — Ты глядишь на меня, какъ коршунъ на добычу. А скоро ли вѣстникъ смерти прилетитъ за мной?

Бардъ. Не прилетитъ онъ безъ воли Божіей.

Дугласъ. Смотри, ты можешь ошибиться въ расчетъ: я брошу тебя туда, гдѣ сгніешь прежде, нежели успѣешь умереть съ голода. И не тебя одного..... горе тому, кто рѣшится стать мнѣ на дорогъ, на кого обрушится мой гнѣвъ! Хочу кровью ознаменовать свой путь, дать просторъ своей ненависти. (*Оглядывается кругомъ, потомъ тихо подходитъ къ трупу, и снимаетъ съ него плащъ, который разрываетъ на двѣ части.*) Разрываю связь свою съ людьми, какъ разорвалъ я этотъ плащъ, и отрекаюсь отъ всѣхъ чувствъ, священныхъ для людей! (*бросаетъ части плаща*). Сбросилъ я свои оковы! свободенъ я, какъ орелъ, летающій надъ горами! И какъ орлу, нужна мнѣ кровавая пища! (*Помолчавъ*) Алланъ!

Алланъ. Милордъ, чего изволишь?

Дуг. Унести отсюда этотъ трупъ. (*По знаку Аллана уносятъ трупъ. Алланъ, поклонившись низко Лорду, уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тъ же, кромѣ Аллана.

Дуг. Прежде чѣмъ предамъ землѣ тѣло Гарадыла, хочу я отмстить за смерть его..... Ну, кто же убилъ моего любимаго слугу? Никто не знаетъ? Вы все молчите? (*Барду*) и ты не знаешь?

Бардъ. Не знаю, Дугласъ.

Дуг. Для тебя ничего не должно быть сокрыто: чуткое ухо твое слышитъ приближеніе смерти, твой зоркій глазъ видитъ грядущее. Въ нынѣшнюю полночь вопросы нечистыхъ духовъ.

съ которыми ведешь знакомство. Я буду ждать тебя съ отвѣтомъ, когда пѣтухъ пропоетъ въ послѣдній разъ передъ зарей. Ты мнѣ скажешь, колдунъ, чей острый мечъ попалъ такъ мѣтко въ грудь Гаральда.

Бардъ. Не веду я знакомства съ нечистыми духами, и не могу я видѣть того, что не покажется мнѣ само.

Дуг. Если ты не дашь отвѣта на мой вопросъ, то заплатишь головою.

Бардъ. Мы все въ рукъ Божіей.

Дуг. А гдѣ же Робертъ Аргейль? Отчего я не вижу его?

Вильямъ. Робертъ вчера еще *(помолчавъ)*... оставилъ замокъ.

Дугласъ. Вчера еще? А сегодня утромъ прибѣжала конь Гаральда? *(Подумавъ)* Послать гонца къ Роберту Аргейль. Отыскать его, представить его ко мнѣ. Сказать ему, что Дугласъ хочетъ видѣть его.

(При послѣднихъ словахъ его, входитъ Робертъ, съ мечемъ въ рукъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

РОБЕРТЪ. ТѢ ЖЕ.

Робертъ. Не нужно посылать. Я здѣсь.

Дуг. *(Посмотрѣвъ на него внимательно)*.

Отчего же ты пришелъ ко мнѣ съ мечемъ въ рукъ?

Роб. Дугласъ, я пришелъ къ тебѣ не въ гости.

Дуг. Наши мысли ветрѣтились. Я посылалъ звать тебя, но также не въ гости. Я требовалъ тебя къ суду.— Не видѣлъ ли ты оруженосца моего Гаральда?

Роб. Какъ ты догадливъ! Но и я догадливъ также. Я знаю все, Дугласъ! Мой позоръ былъ тебѣ извѣстенъ, ты помогая твоему любимцу, смѣялся надо мной!— Да, я видѣлъ твоего оруженосца Гаральда. *(Помолчавъ)*. Я убилъ его!— Умирая, успѣлъ онъ произнести имя— имя ея... и— твое. И страшное проклятіе вылетѣло изъ устъ его. Клянусь тебѣ и я! *(бросаетъ ему перчатку)* Подними! Между нами смертельный бой! Гдѣ твой мечъ? Пусть рѣшитъ насъ Божій судъ!

Дугласъ. Ха! ха! ха!— Робертъ Аргейль, сперва потолкуемъ о дѣлѣ. Что ты такъ горячишься? Расскажи мнѣ все поряд-

номъ. Вотъ, я хочу знать, по какой причинѣ ты убилъ его.

Робертъ. Убилъ я его по той причинѣ, что онъ, какъ низкій воръ, тайно пришелъ въ мой домъ, и укралъ единственное сокровище мое, сердце моей жены.

Дуг. Да, это преступленіе, я согласенъ. Но можетъ быть, онъ не укралъ сердца твоей жены, а торговалъ его — хотѣлъ купить.... Да это все равно. Еще скажи мнѣ: ты, вѣдь, и убилъ-то его, какъ вора.... изъ-за угла?

Роб. Убилъ я его въ открытомъ бою, по долгу рыцаря. — Я догналъ его, не сказалъ ему ни слова: но онъ понялъ меня, и мы молча вступили въ бой.

Дуг. Хорошо! прекрасно! — Завтра отпраздную я тризну по Гаральду. — Созову я всѣхъ своихъ сосѣдей, всѣхъ своихъ вассаловъ соберу я на похороны его, а тебя, Робертъ Аргейль, назначу между ними самое почетное мѣсто, и выберу тебя въ товарищи самаго лихаго изъ всѣхъ моихъ слугъ. На почетномъ томъ мѣстѣ увидишь ты плаху и топоръ, а товарищъ твой лихой, будетъ палачъ! — Стража!

(Входитъ Алланъ со стражей.)

Роб. Оставь пустыя угрозы. — Я вольный баронъ, какъ ты-начальникъ клана.

Дуг. Ты убилъ моего слугу, самъ признался въ томъ: чего же мнѣ больше? Завтра утромъ твоя казнь совершится.

Роб. Моя казнь? Я знаю предѣлы твоей власти, и ты не нарушишь законовъ чести. Я пришелъ къ тебе, какъ къ благородному рыцарю. Твой замокъ не разбойничье гнѣздо. — Пусть наши мечи рѣшатъ нашъ споръ. Я бросилъ тебя перчатку.

Дугласъ. Ты не дѣло говоришь, Аргейль. Между нами спора нѣтъ. Хотя я благородный рыцарь, и замокъ мой не разбойничье гнѣздо, но я скажу тебе, что въ немъ я самовластный повелитель: я твой судья, и осуждаю тебя на смерть. И если бы ты не пришелъ ко мнѣ самъ, я нашелъ бы тебя, ты не укрылся бы отъ Дугласа за стѣнами твоего замка. Кто же видѣлъ, что ты убилъ моего слугу въ открытомъ бою? Гдѣ твои свидѣтели? Ты убійца. Отчего же не казнить тебя? Завтра утромъ ты умрешь.

Роб. *(Хочетъ броситься на Дугласа).* Защищайся!

(По знаку Аллана, стража удерживаетъ его.)

Всѣ. Робертъ! Ты не видишь, онъ безъ оружія!

Дуг. Не мѣшайте ему. Я устою противъ него и безъ оружія. Онъ убилъ сына, теперь хочетъ убить и отца!

Роб. Я убилъ твоего сына?

Дуг. Да, сына! слушайте же все: Гаральдъ былъ мой сынъ— онъ былъ сынъ той женщины, которую любилъ я больше, нежели человѣческія слова могутъ выразить. Да! я умѣлъ любить! за то теперь умью и ненавидѣть! Возьмите же его, моего сына! Возьмите! Что же еще осталось у меня? Что же? Найдите что нибудь! Что мнѣ еще отдать вамъ? — Я нищій — бѣднѣе нишаго! У меня осталось только золото! *(рыдаетъ)* Что значать эти слезы? Откуда онъ взялись? Мнѣ казалось, что я выплакалъ послѣднія въ ту ночь, когда твоя мать, Гаральдъ, за любовь мою заплатила мнѣ яломъ! Но теперь ужъ мое сердце изсушилось, какъ раскаленный камень. — Мщеніе! мщеніе: *(бросается къ Роберту)* Отдай мнѣ свою кровь! всю— всю! она нужна мнѣ вся! Хочу твоей кровью омыть эти слезы.

Роб. Что мнѣ въ жизни теперь? Возьми ее. — Ищу я смерти. Отъ твоей ли руки умереть мнѣ, отъ руки ли палача твоего— мнѣ все равно! *(Помолдавъ)*. Послѣ меня останется малютка— сынъ. Сестра моя будетъ ему матерью, мужъ ея—отцемъ.

Дугласъ. А твоя жена?

Роб. О! я выгналъ измѣнницу изъ моего дома—въ темную ночь, въ грозу и бурю. Ведите меня на смерть! я готовъ.

(Уходитъ. Стража спѣшитъ за нимъ.)

Дуг. *(Аллану)*. Ты отвѣчаешь за него. *(Алланъ, поклонившись, уходитъ)*.

Бардъ *(подходя къ Дугласу, говоритъ ему, показывая на него)*. Дугласъ! Дугласъ!

Дуг. Бѣги, старикъ, бѣги! пока я не произнесъ и твоего приговора.

(Бардъ уходитъ медленно.)

Дугласъ. Завтра звонъ колоколовъ созоветъ васъ на похороны Гаральда, и на казнь его убійцы. Теперь оставьте меня.

(Всѣ уходятъ, Вильямъ послѣднимъ, бросивъ значительный взглядъ на Дугласа.)

ЯВЛЕНИЕ VI.

Дугласъ *(одинъ)*.

Помню... мнѣ рассказывали въ дѣтствѣ... жилъ когда-то

Римлянинъ или Грекъ... забывъ его имя! онъ жалелъ, что у всехъ людей нѣтъ одной общей головы, чтобы однимъ ударомъ истребить весь родъ человѣческій. Какая мысль! О какал мысль! *(Помолавъ)*. Въ неизмѣримой вселенной остаться одному—одному! И вокругъ все пусто, вездѣ кровь и разрушеніе—впереди вѣчность... Весь свѣтъ, обращенный въ прахъ, и этотъ прахъ, развѣянный вѣтромъ.

ЯВЛЕНИЕ VII.

ДУГЛАСЪ. ИЛЬЗА.

Ильза *(одежда и волосы ея въ безпорядкѣ)*. Правда ли, что мнѣ говорили сейчасъ? Правда ли? О нѣтъ! Хотѣли только испугать меня. Вѣдь, ты Дугласъ? Лордъ Джемсъ Дугласъ?

Дугласъ. Я.

Ильза. Скажи, добрый Дугласъ, что они обманывали меня. Не правда ли?—Вѣдь, этого быть не можетъ... Они говорятъ, что ты хочешь убить Роберта!

Дуг. А! Такъ ты жена Роберта Аргейзъ? Прекрасная Леди Ильза? Я очень радъ, что вижу тебя.

Иль. Успокой же меня, Дугласъ! Не мучь меня такъ долго! Гдѣ Робертъ?

Дуг. *(посмотрѣвъ на нее)*. Твой Робертъ въ самомъ дѣлѣ поступилъ съ тобой жестоко. Онъ выгналъ тебя въ темную ночь изъ своего дома. Вѣрно ты пришла искать у меня помощи? защиты? или мщенія?

Иль. Что ты говоришь! *(съ ужасомъ)*. Не повторяй этихъ словъ.

Дуг. Отищу и за тебя, если хочешь.

Иль. Кому ты хочешь мстить? За кого?... Гдѣ Робертъ? Отдай мнѣ его.

Дуг. Отдать тебѣ его? *(Подумавъ)*. Пожалуй. Возьми его завтра.

Иль. Почему же не теперь?

Дуг. А потому, что я живаго не отдамъ.

Иль. *(съ крикомъ отчаянія)*. Нѣтъ! нѣтъ! Ты этого не сдѣлаешь! Не можешь это сдѣлать! Я знаю... о! я знаю, что это невозможно! Мнѣ рассказывали, что ты жестокъ... къ своимъ

врагамъ, но Робертъ не врагъ твой. Ты человекъ, Дугласъ— въ груди твоей бьется сердце, какъ въ моей.—Я люблю Роберта, слышишь? я люблю его. Какъ же ты хочешь отнять у него жизнь? Нѣтъ, Дугласъ, нѣтъ! Перестань же напрасно терзать меня.—Я шла одна всю ночь, искала дорогу къ твоему замку. Робертъ вчера вечеромъ поскакалъ къ тебѣ. Я предчувствовала грозящую бѣду—вотъ, и пришла къ тебѣ, и не опоздала, Дугласъ! нѣтъ—не опоздала!—Боже, молю тебя—дай силу словамъ моимъ тронуть его сердце! Добрый Дугласъ, если обидѣлъ тебѣ Робертъ, прости его! Отдай мнѣ его! Оставь ему жизнь, Дугласъ!

Дуг. Ты не знаешь, съ какимъ наслажденіемъ я отвергаю твои моленія. Одно только досадно мнѣ: я не вѣрю искренности твоихъ слезъ. Ты придворяешься.

Иль. (*съ удивленіемъ*). Я притворяюсь? въ чемъ же?

Дуг. Да ты мнѣ Расскажи, чѣмъ ты такъ прогнѣвала своего Роберта?

Иль. Не знаю, не знаю! Гнѣвъ Божій палъ на меня. Пусть меня къ Роберту, я спрошу у него.

Дуг. А сама ты не знаешь?

Иль. Если ты знаешь, Расскажи мнѣ.

Дуг. Какая ты невинная! Давно ли ты знаешь Гаральда?

Иль. Онъ былъ оруженосцемъ у моего отца. Потомъ шесть лѣтъ я не видѣла его.

Дуг. А вчера онъ не говорилъ тебѣ, что любитъ тебя?

Иль. Что любитъ меня? (*Съ ужасомъ*). Говорилъ, кажется:—Боже! И Робертъ что-то сказалъ... о клеветникѣ—что ли? О!—Пусти меня къ нему! Пусти!

Дуг. Ха! ха! ха!

Ильза. Довольно я томилась—довольно! Ну! Дугласъ, скажи же, что ты не хочешь убить Роберта.—Твои суровые взгляды наводятъ на меня ужасъ! Я знаю, что не должна вѣрить твоимъ угрозамъ: ты умилосердишься... Но я боюсь, Дугласъ... боюсь! мнѣ страшно! Что же сдѣлалъ тебѣ Робертъ?

Дуг. Онъ убилъ Гаральда, слугу моего, и за это я убью его.

Иль. Гаральда! Боже! Но я развѣ не сказала тебѣ, что Гаральдъ хотѣлъ заколоть его?—Робертъ вѣрно защищался. Онъ не убійца. Богъ проститъ его. Мы должны защищать свою жизнь. А если онъ еще чѣмъ оскорбилъ тебя, то прости его. Сжался надо мной, Дугласъ! Ты можешь возвратитъ мнѣ сча-

етіе однимъ словомъ—отчего же ты не скажешь этого слова? Я хотѣла бы глазами проникнуть въ твою душу, прочесть въ ней надежду для себя.—Ты не знаешь, какъ я была счастлива—о! я этого рассказать не умѣю! Теперь только, когда узнала несчастіе, стала я понимать прежнее блаженство.—Гдѣ Робертъ? гдѣ онъ? Я должна скорѣе увидѣть его, рассказать ему все, успокоить его.—Меня оклеветали перестать нимъ.. онъ и мнѣ расскажетъ все—объяснить.. можетъ быть я и поступила неосторожно, по простотѣ своей.. я не успѣла подумать еще.—Онъ называлъ меня вчера ужасными именами—я убѣжала—бросила Эдди! Ахъ!—мой Эдди!—Ну, Дугласъ! Скорѣй, скорѣй! Веди меня къ Роберту! Пора!

Дуг. Робертъ умереть.

Ильза (*смотритъ на него съ пльнимъ ужасомъ*). Онъ умереть? за что же? (*подумавъ*). Эта мысль такая, которой не поймешь съ одного раза! Роберту умереть? Не вѣрю еще.. не вѣрю. Подумай самъ, Дугласъ: кто же будетъ управлять его кланомъ? защищать его замокъ? заботиться обо мнѣ? объ Эдди?—Или я умру также? и Эдди также? (*Ласково*). Ну, вотъ видишь ли, Дугласъ—это невозможно!

Дуг. Такъ вотъ ты о чемъ хлопочешь? Кто будетъ заботиться о тебѣ? Дѣло!—Вотъ это я понимаю.—Что же? я буду защищать твой замокъ, сберегу его для твоего сына. А сама ты молода и хороша. На что тебѣ Робертъ? Онъ же отказался отъ тебя. Забудь о немъ. Ты найдешь другаго мужа.

Иль. Другаго? (*пораженная этой мыслью*). А! я начинаю вѣрить—ты точно хочешь убить его! Боже! (*Подумавъ, съ жаромъ*). Но я слышала, что можно выкупать пльнныхъ, осужденныхъ на смерть. Возьми же наши поля, наши стада. Пусть будетъ все твоимъ. Отдай мнѣ только Роберта. Я прошу тебя, умоляю! отдай мнѣ его! я буду служить тебѣ, работать для тебя, буду твоей невольницей!

Дуг. Если бы ты знала, какъ напрасны твои моленія.

Иль. Напрасны!

Дуг. Хотѣлось бы мнѣ заплатить людямъ за все зло, за всѣ страданія, которыя я испыталъ отъ нихъ.—Твой голосъ, твоя красота, напоминаютъ мнѣ былые, золотые дни, напоминаютъ мнѣ также, какъ обмануло меня все то, чему я вѣрилъ, чѣмъ я былъ счастливъ.—Вездѣ я вижу обманъ, лукавство, лицемеріе, злобу! Зло торжествуетъ—хочу быть злодѣемъ самъ!—

Ильза (бросается къ нему, и хватается за его руки). Не говори такъ громко! (тихимъ голосомъ, показывая на небо) Тебя можетъ услышать Богъ!

Дуг. (Ильзѣ) Удались! Твой мужъ умретъ. Завтра велю казнить его. Онъ пролилъ кровь Гаральда: кровь за кровь! (Хочетъ уйти).

Ильза. (бросается къ нему). Послушай, остановись! Если тебѣ нужна кровь—возьми мою!

Дуг. (Пораженный этими словами, останавливается. Потомъ вдругъ отталкиваетъ ее, и идетъ къ двери). Прочь!

Ильза. (Оставался на мѣсть). Дугласъ, возьми мою жизнь! Я миру вмѣсто Роберта. Тебѣ все равно.

Дуг. (Послѣ короткаго размышленія, подкрадывается къ ней.) Твою жизнь вмѣсто его жизни? Такъ ли ты сказала?

Иль. Да, Дугласъ, да.

Дуг. Ну, если бы я согласился?

Иль. О! благодарю тебя!

Дуг. Ты знаешь ли, что Дугласъ никогда еще не измѣнялъ данному слову?

Иль. Знаю.

Дуг. Такъ даю же тебѣ слово, что отпущу Роберта, если ты согласишься умереть за него. А можетъ быть, ты больше вступишь клятвамъ?.....

Иль. Я вѣрю твоему слову. Я готова умереть.

Дуг. (Въ ярости). Клянусь небомъ и адомъ: ты умрешь! если не скажешь: Дугласъ, я раздумала.

Ильза. Не скажу этого. (Ласкаясь къ нему) Но, Дугласъ, я должна еще увидѣться съ Робертомъ.

Дуг. Зачѣмъ?

Иль. Хочу сказать ему, что я невинна—проститься съ нимъ... (помолчавъ). И съ Эдди мнѣ хотѣлось бы проститься.... (съ ужасомъ) Съ Эдди! милосердый Боже! — Нѣтъ—нѣтъ! Съ нимъ я не могу проститься—не могу! не достанетъ у меня силъ! Пусть забудетъ онъ мать.... У него останется отецъ.... Еще одно ты долженъ обѣщать мнѣ: ты никогда не расскажешь Роберту, что я умерла за него.

Дуг. Не рассказывать?.....

Иль. Общай! Дай мнѣ рыцарское слово! (протливаетъ ему руку).

Дуг. (Насмѣшливо). Общаю.

Иль. Благодарю. Теперь прикажи свести меня къ нему.

Дуг. Ты твердо рѣшилась?

Иль. Твердо.

Дуг. Приготовься къ смерти.

Иль. Буду молиться. Но когда же я увижу Роберта?

Дуг. Алланъ!

(Входит Алланъ. Ильза съ недоумльнiемъ смотритъ на Дуласа).

Иль. Когда же я увижу Роберта?

Дуг. Молись! Ты увидишь его передъ смертью.

(Ильза опускается на колѣни. Дуласъ, молча показавъ на нее Аллану, уходитъ медленно. Алланъ, поклонившись Лорду, подходит къ Ильзѣ, и останавливается за ней.)

Дуг. (Въ дверяхъ). Притворища!

Занавѣсъ опускается.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Темница. Низкіе своды. Высоко отъ полу небольшое окно. Въ срединѣ желѣзная дверь. На сценѣ темно.

ЯВЛЕНІЕ I.

РОБЕРТЬ. (одинъ).

Онъ лежитъ на камнѣ, потомъ встаетъ, ходитъ по сценѣ, останавливается, и смотритъ на окно).

Скоро ли блеснетъ первый лучъ утра? скоро ли возвѣстятъ мнѣ ударъ колокола, что настала желанный часъ смерти? Этой ночи нѣтъ конца! Или, быть можетъ, дневной свѣтъ не проникаетъ сюда. — Смерть! Скорѣе смерти! — Послѣ смерти, Боже! не прошу у Тебя рая — только отними у меня память! Даруй мнѣ забвеніе того, что испыталъ я, что чувствовалъ на землѣ! Великій Боже! Пусть я забуду, что она—она мнѣ измѣнила! — Если я преступникъ, отверженный Тобою грѣшникъ, то казнь моя длилась довольно.... Умилосердись — умилосердись надомною! Короткое счастье, которымъ ты надѣлилъ меня, развѣ стоитъ этихъ мученій? О! — Зачѣмъ не могу я вырвать изъ груди моея воспоминаніе объ этомъ счастьи! —

(Слабый лучъ свѣта падаетъ въ окно.)

А! утро! утро! — Въ послѣдній разъ привѣтствую тебя, небесное свѣтило! вечерніе лучи твои освѣтятъ уже мою могилу.— О! если съ тѣломъ могли бы поглубже зарыть въ землю и душу мою! — Не возможно — не возможно! — Эти страданія и

слезы, эту жгучую ревность — перенесу я съ собой и въ страну замогильную! Для мена нѣтъ покоя — нѣтъ забвенія! (съ отчаяніемъ) Ильза! Ильза! Чѣмъ я заслужилъ это? — Разрушесь, своды — задавите мена! (Падаеть на камень).

ЯВЛЕНІЕ II.

РОБЕРТЬ. ИЛЬЗА. АЛЛАНЪ.

Слышно, какъ отпирають дверь ключемъ. Входитъ Алланъ съ лампою; онъ выпускаеть Ильзу. Она, не видя въ темнотѣ Роберта, говоритъ Аллану, который хочетъ опять уйти:

Ты оставляешь мена здѣсь?

Алланъ поднимаетъ молча лампу, показывая рукою на Роберта. — Потомъ онъ уходитъ. Ильза приближается медленно къ Роберту. Алланъ поставилъ лампу на камень, сцена дѣлается сѣптьше.

ЯВЛЕНІЕ III.

ИЛЬЗА. РОБЕРТЬ.

Ильза. Какъ здѣсь холодно, сыро, душно! (смотритъ на Роберта). Но съ тобой вмѣстѣ я жила бы здѣсь, какъ въ райской обители. Онъ уснулъ... Бѣдный Робертъ, скоро отнимуть у тебя твою Ильзу... но Дугласъ исполнить, что онъ обѣщаль мнѣ: онъ скажетъ тебѣ, что я погибла въ горахъ, возвращаясь въ нашъ замокъ. — Когда Робертъ оставитъ эту темявцу, Ильза уже будетъ въ землѣ. — но онъ — онъ будетъ живъ... будетъ вспоминать обо мнѣ, рассказывать нашему Эдли про его мать! — Немного времени осталось: я должна торопиться.

(Наибалъ къ Роберту) Робертъ! Милый другъ! Робертъ!

Роб. (Приходитъ въ себя; приподнимается). Чей голосъ слышу я? Ахъ! какой сонъ!

Иль. Это я, Робертъ. Я пришла къ тебѣ.

Роб. Ты?

Иль. Я.... Твоя Ильза.

Роб. Дай мнѣ припомнить... со вчерашняго дня все такъ измѣнилось...

Иль. Я все та же ...
 Ров. *(вскакиваетъ)*. Что? Какъ? Ты здѣсь? Передо мной? Теперь? — А Дугласъ! Дугласъ! узнаю тебя! *(подходитъ къ ней)*. Во мнѣ родилась счастливая мысль.... Я задушю тебя! Тогда умру спокойно.

Иль. Нѣтъ, Робертъ! Мнѣ еще рано умирать.

Ров. Нѣтъ, не рано. *(беретъ ее за руку)* Поди сюда. Гдѣ тотъ ножъ? гдѣ онъ? Не сберегла ли ты его на память? Отдай мнѣ ножъ—отдай! Или ты потеряла его? *(беретъ ее и за другую руку)*. Ничего! можно и безъ ножа!

Иль. *(силась освободиться отъ него)*. Пусть меня, Робертъ!

Ров. А! Тебѣ страшно умереть? Ты боишься смерти?

Иль. Нѣтъ, не боюсь!.... Но.... да, да! боюсь смерти! Пусть же меня, Робертъ. Я не должна еще умереть....

Ров. Бѣги же вѣроломная! *(отталкиваетъ ее)*. Прочь отъ меня! удались скорѣе! — Но вотъ что расскажу тебѣ, если не знаешь еще: онъ убитъ — убитъ моей рукою! Слышишь ли? Его ужъ нѣтъ въ живыхъ. — Боже! Боже! Что же Дугласъ не шлетъ за мной? Долго ли еще мнѣ ждать? *(опускается на камень, и закрываетъ лице руками.)*

Иль. *(послѣ нѣкотораго молчанія подходитъ къ нему)*. Робертъ, я долго думала, и не могла придумать — а сказали мнѣ уже другіе, за что ты разлюбилъ меня. — Нѣтъ, ты не разлюбилъ меня, но .... да ты, вѣдь, знаешь, Робертъ, что я не умѣю выражать словами свои мысли, свои чувства. — Ты повѣрилъ клеветнику — ты самъ сказалъ. Не знаю, кто оклеветалъ меня и за чѣмъ, но знаю, что есть злые люди... Чему же ты повѣрилъ? Что я полюбила другого? — Тебя обманывали! — Робертъ—Робертъ! *(съ большимъ чувствомъ)*. Какъ же мнѣ теперь разувѣрить тебя? Какъ мнѣ найти такія слова, которыми бы ты повѣрилъ? — Я твоя прежняя Ильза — вѣрная, нѣжная жена твоя, готовая, какъ и прежде, отдать свою жизнь за тебя! *(испугавшись, про себя)*. Что я говорю? *(вслухъ)*. Если бы заперли меня въ подземелье, гдѣ я не могла бы различать дня отъ ночи, и потомъ сказали бы мнѣ, что солнце не свѣтитъ больше, перестало восходить по утрамъ надъ землей.... я не повѣрила бы. — И если бы выпустили меня на волю, и я увидѣла бы, что въ самомъ дѣлѣ погруженъ во мракъ весь міръ, тогда.... Робертъ! и тогда я не повѣрила бы, что могъ погаснуть свѣтъ солнца, но подумала бы, что погасъ свѣтъ очей мо-

ихъ. — Отчего же ты вѣришь, что я перестала любить тебя? Миѣ перестать любить тебя? Какъ мало знаешь ты любовь мою? Стало быть, ты любишь меня гораздо меньше, чѣмъ я тебя? Или... Боже мой! Мысль, что другая женщина... Робертъ! Робертъ! Эта мысль не приходила миѣ никогда въ голову, но если бы стали увѣрять меня, какъ, можетъ быть, увѣрили тебя... да! да! видишь ли? я повѣрила бы также, можетъ быть, предалась бы отчаянію, какъ ты теперь. — Но одно слово твое разсѣяло бы мои сомнѣнія. Слушай же — я невинна! я это говорила тебѣ въ тотъ ужасный вечеръ... когда еще не знала, въ чемъ ты подозрѣваешь меня, теперь говорю тебѣ опять: я невинна! Больше ничего не умю сказать. Другаго доказательства у меня нѣтъ. Отвѣчай же миѣ, Робертъ, отвѣчай! *(помолчавъ немного съ ожиданіемъ отвѣта)*. Скажи же, на чемъ основаны твои обвиненія? Расскажи миѣ все подробно. Тогда я буду знать, что отвѣчать тебѣ. Спрашивай меня, я ничего не стану скрывать отъ тебя. *(помолчавъ)*. Разсвѣтаетъ. Намъ скоро должно будетъ разстаться — разстаться на долго. Передъ смертью всегда говорятъ правду... *(опомиаясь)*. Не то — не то хотѣла я сказать! Но... за гробомъ узнаютъ правду—такъ за чѣмъ же миѣ обманывать тебя? Не правда ли, Робертъ? Говори же! Отвѣчай! Одинъ взглядъ — одно пожатіе руки передъ разлукой! Милый Робертъ, мы были такъ счастливы... Ты все молчишь? У тебя нѣтъ ни одного слова для своей Ильзы? Я пришла проститься съ тобой. — Ни одного слова, Робертъ? Безжалостный! *(рыдаетъ)*.

Ров. II такъ тебѣ извѣстно, что я умру? я умираю охотно. Я не могу жить. Но ты понимаешь ли, что я чувствовалъ бы... если бы думалъ, что ты невинна?

Иль. Ты простилъ бы меня—подай бы миѣ руку. Вотъ о чемъ прошу тебя.

Ров. *(Не обращая вниманія на Ильзу)*. О! Какъ миѣ хотѣлось бы сомнѣваться въ ея преступленіи! Какъ миѣ хотѣлось бы вѣрить ей!—Но развѣ я могъ не видѣть того, что произошло передъ глазами моиими? не осозать того, что было у меня въ рукахъ? не внимать убѣдительному голосу разсудка? — Всѣ эти обстоятельства, такъ согласныя одно съ другимъ, могутъ ли онѣ быть простымъ случаемъ?—О! я помню все! — Сперва просятъ меня остаться до утра, усаживаютъ за пиръ... Хорошо — Потомъ поѣхалъ онъ къ ней... миѣ намекаютъ осторож-

но, рассказываютъ яснѣе... лечу домой... застаю ее безпокойной, встревоженной... ова что-то скрываетъ отъ меня... я захожу ножъ, на ножѣ его имя—онъ былъ у ней! я помѣшалъ имъ!... Неожиданный прѣздъ мой испугалъ обоихъ... Онъ изъ высокаго окна бросается въ бушующій потокъ!.. (съ бѣшенствомъ). И мнѣ сомнѣваться—вѣрить ей! (Ильза). Преступная жена, выслушай послѣднее мое слово тебѣ: Да будетъ отвержена Богомъ предсмертная твоя молитва! (отходитъ отъ ней, и закрываетъ лице плащемъ.)

Иль. (съ крикомъ ужаса). О!... я не могла убѣдить тебя... видно, Богу такъ угодно. Не стану больше оправдывать себя. Но Робертъ, я люблю тебя.. не могу разстаться съ тобой, если ты не скажешь мнѣ ласковаго слова. Я виновна—виновна тѣмъ, что ты недоволенъ мною. Прости же меня... Богъ велитъ прощать смертельныхъ враговъ своихъ, и любить ихъ.. но я, милый другъ, я не врагъ твой! Ахъ! я взываю, силы оставляютъ меня!—Одно слово, Робертъ! Дай мнѣ руку! (Она хочетъ взять его за руку. Онъ не даетъ ей руки, и удаляется.)

(У двери слышенъ шумъ.)

Иль. (съ ужасомъ). Идутъ—Робертъ! идутъ!—Прощай же! Не забудь нашего.... (Останавливается.) Ты не увидишь меня больше. Эта минута послѣдняя... Если хочешь сказать мнѣ что нибудь, скажи теперь.

(Входитъ Алланъ. Ильза оглядывается со страхомъ. Дверь остается отворенной, видны нѣсколько вооруженныхъ людей. Начинается отдаленный колокольный звонъ.)

ЯВЛЕНИЕ IV.

АЛЛАНЪ: ТЪ ЖЕ.

РОБЕРТЪ. (Аллану). За мной? Я готовъ. Пойдемъ.

АЛЛАНЪ. (показывая на Ильзу). За ней.

ИЛЬЗА (живо). Дугласъ отпускаетъ меня въ нашъ замокъ.

РОВ. (Аллану). Отдалъ ли ты мое письмо Лорду Дугласу?

АЛЛАНЪ. Отдалъ.

РОВ. (почти про себя). Я вѣряю свой кланъ мужу сестры, отдаю ему и сына. (Аллану). Уведи же эту женщину, и потомъ приходи за мной.

Иль. (подойдя къ нему). Ну Робертъ, прощай же! (Онъ отхо-

дитъ, и отворачивается отъ ней.) Богъ видитъ мое сердце— буду ждать тебя у престола Его! (вспоминая, что опять проговорила). Мой разумъ помѣшался— ты жди меня, Робертъ— у престола Божія! Мы увидимся тамъ.. да! мы увидимся!

(Звонъ нѣсколько усиливается.)

Алланъ. Пора!

Ильза. Онъ зоветъ меня!—Робертъ, мнѣ хочется увидѣть твои глаза въ послѣдній разъ. Взгляни на меня, ради Бога!

Алланъ. Гробъ Гаральда опускаютъ въ землю. Пора!

Роб. (Ильзѣ). Иди! оставь меня.

Иль. Руку—руку! Робертъ!

Роб. О Боже—Боже! какъ я любилъ ее! (въ сильномъ волненіи, прижимаетъ ее къ груди). Прощай, Ильза! (отталкиваетъ ее опять). Иди же!

Ильза (въ себя). О! благодарю тебя! (Убѣгаетъ).

(Алланъ уходитъ за ней. Дверь запираютъ ключомъ).

ЯВЛЕНИЕ V.

РОБЕРТЪ (одинъ).

Боже!... Нѣтъ—нѣтъ!... Не можетъ быть! — Но если... если въ самомъ дѣлѣ она невинна... она никогда не лгала!... Я могъ ошибиться—меня могли обмануть... (рѣшительно). Я вѣрю ей! Она невинна! О!.. (Помоливъ). И что такое сказала она? Что будетъ ждать меня у престола Божія она!... Она проговорила!.. И этотъ старикъ... онъ пришелъ за ней! (съ ужасомъ). За ней! (слышитъ звонъ). И этотъ звонъ... (прислушивается). Боже милосердый! (бѣжитъ, какъ безумный, къ двери, и ломаетъ ее). Отворите! отворите! (бросается къ стѣнѣ). Нѣтъ ли другаго выхода! и это окно такъ высоко... и у меня нѣтъ крыльевъ! (у двери). Услышьте мой крикъ! люди! люди! отворите эту дверь! отворите! (на авансценѣ) Боже! неужели ты допустишь это! Ильза! Ильза! (поднимаетъ руки къ небу). Она хочетъ умереть за меня... (прислушивается.) О! Въ эту минуту, можетъ быть!... Ильза! Ильза!... (онъ падаетъ безъ чувствъ).

Занавесъ опускается.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Передъ этимъ дѣйствіемъ короткій антрактъ. Колокольный звонъ нѣсколько времени продолжается. Потомъ оркестръ начинаетъ играть. Какъ скоро онъ кончилъ, занавѣсъ поднимается.

Зала. Заднюю декорацию составляютъ четыре колонны; за ними, во всю ширину сцены, виситъ чернѣйшій занавѣсъ. Съ лѣвой стороны дверь, съ правой—открытый входъ, въ видѣ арки.

ЯВЛЕНІЕ I.

Алланъ стоитъ у двери. У него ключи въ рукѣ. Являются 12 стрѣлковъ. Одинъ изъ нихъ подходитъ къ Аллану. Алланъ дѣлаетъ ему знакъ. Стрѣлки уходятъ за занавѣсъ, открывающійся по срединѣ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Алланъ. Вильямъ. Прочіе рыцари. Дугласъ.
(Они приходятъ съ правой стороны. Дугласъ послѣднимъ.)

Дуг. (Аллану). Готово?

Алланъ (поклонившись). Готово.

Дуг. Оглавъ послѣднюю честь Гаральду, остается мнѣ наказывать его убійцу, Роберта Аргейль. Я пригласилъ васъ въ сви-

дѣтели моего правосудія, но еще другое зрѣлище приготовляю для васъ: обнаружу передъ вами притворство хитрой женщины, до сихъ поръ славной своею рѣдкой добродѣтелью. Вчера ко мнѣ явилась Ильза Аргейль, и просила меня — какъ бы вы думали, о чемъ? Просила она, чтобы я казнилъ ее, вмѣсто мужа. Она хочетъ отдать за него свою жизнь! (*смихнется*). Я согласился на просьбу Ильзы Аргейль.

Вильямъ. Ты согласился? А Роберта.....

Дуг. (*съ усмѣшкой*). Если умретъ жена его, то Робертъ свободенъ.

Виль. (*про себя*). Этого бы мнѣ не хотѣлось.

Одинъ старый рыцарь. Дугласъ, ты въ правѣ мстить за смерть вѣрнаго твоего оруженосца. Пусть умретъ Робертъ. Но ты не захочешь умертвить невинную женщину.

Дуг. Отчего же вѣтъ, если эта женщина добровольно предлагаетъ мнѣ свою жизнь, взаменъ жизни другаго?

Рыцарь. Ты не примешь такой жертвы.

Дуг. Жертвы?—Ты дожилъ до сѣдыхъ волосъ, и такъ мало знаешь людей. Пустая хитрость молодой женщины обманула тебя. Развѣ ты не видишь, что она хотѣла тронуть меня—разнѣжить? что она надѣется выманить у меня прощенье Роберту? Желаніе ея спасти мужа—естественно и понятно. Сынъ ея—малютка: кто станетъ защищать владѣнія ея отъ корыстолюбивыхъ сосѣдей, отъ нападений Англичавъ? Также и славу своей добродѣтели хочетъ она сохранить, очистить себя отъ обвиненія въ невѣрности мужу. Но все-таки для спасенія его она не отдастъ и одного года своей жизни. Я сдерну съ нея личину, заставлю сознаться въ лицемѣрномъ ея замыслѣ, и—казнивъ Роберта, прогоню я добродѣтельную Леди Ильзу, покрытую стыдомъ. (*Аллану*). Приведи ее сюда.

(*Алланъ отпираетъ дверь, и уходитъ*.)

Дуг. (*помолчавъ*). Какими бы бѣдствіями человекъ ни былъ угнетенъ, какъ бы онъ ни былъ жалокъ—жизнь все ему мила. Онъ пренебрегаетъ ею иногда, увлеченный порывомъ безумной храбрости..... другою минутной страстью..... побѣжденный малодушіемъ и страхомъ..... но женщина — женщина, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и красоты, готовая отдать свою жизнь..... отдать ее за другаго, за мужа—какая безсмысленная выдумка! И этой выдумкой хотѣли провести Джемса Дугласа.—Если поступокъ такой былъ бы возможенъ—о! если бы онъ былъ возмо-

жентъ между людьми—я бы помирился съ ними; увидѣлъ бы, что она способна чувствовать добро; повѣрилъ бы, что за могилкой будетъ намъ возмездіе за наши дѣла.

Рыцарь. Я знаю Ильзу Аргейль. Она способна умереть за мужа.

Дуг. Прежде, нежели ты состарѣешься получасомъ, отступится она отъ мужа, и ты увидишь ее у ногъ моихъ, молящую о собственной жизни.

ЯВЛЕНІЕ III.

ИЛЗА. АЛЛАНЪ. ТЪ ЖЕ.

(Ильза входитъ прежде. Она очень блѣдна. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, она останавливается. Алланъ затворяетъ дверь.)

Дуг. (посль молчанія). Какъ ты блѣдна! колѣни твои дрожать—ты едва стоишь! Другой, пожалуй, повѣрилъ бы, что ты, въ самомъ дѣлѣ готовишься къ смерти.

Ильза. Да, я чувствую невольный страхъ, но.... послушай: Робертъ прижалъ меня къ груди своей; поцѣлуй его, благотворной теплою, согрѣлъ мою душу. Въ ней вновь пробудилась надежда—и любовь къ жизни.

Дуг. А!

Ильза (поднимая на него глаза). Мнѣ кажется, что взоры твои сегодня не такъ мрачны, какъ вчера. — Жизнь прекрасна! Помнишь ли.... какъ сладостное дыханіе весны оживляетъ всю природу? какъ всѣ луга покрываются цвѣтами, всѣ деревья зелеными листьями? На горахъ таетъ снѣгъ, всѣ рощи полны птичекъ, вьющихъ гнѣзда. — Радость, небесная гостья, нѣжными крыльями, спускается на землю. Всѣ существа, созданныя Богомъ, восхваляютъ Его!.. А въ могилѣ темно и тѣсно. — Но безъ Роберта на земли тѣснѣе! (становится на колѣ-

ни, опуская голову). Дугласъ! Отдай мнѣ его! отдай меня ему!

Дуг. Ты забыла, что я сказалъ тебѣ вчера. Еще разъ даю тебѣ слово, клянусь тебѣ именемъ Дугласа: умрешь или ты, или онъ!

Ильза (*поднимаясь, бросаетъ на него взглядъ*). Я готова.

Дуг. Ты говоришь, что надежда пробудилась въ тебѣ: откажись отъ всякой надежды. Скорѣе каменныя эти стѣны почувствуютъ жалость, нежели я.

Старый рыцарь. Дочь моя, не надѣйся на милосердіе Дугласа.—Оставь свое намѣреніе. Ты не спасешь Роберта.

Ильза. Я спасу его! Дугласъ обѣщаль мнѣ, что возвратитъ ему свободу, если...

Ст. рыц. Если ты умрешь! Не иначе.

Ильза. Да.

Дуг. И я сдержу свое обѣщаніе, исполню свой приговоръ. Увѣрена ли ты въ томъ? убѣждена ли вполне?

Иль. Не сомнѣваюсь въ твоей жестокости.

Дуг. Нѣтъ, сомнѣваешься. — Твои мысли совершенно ясны для меня, я понялъ всю твою хитрость. Ты все еще думаешь, что я, позабавившись твоимъ страхомъ, помилую и тебя и твоего мужа. Но такой забавы мало для меня. Только смерть твоя можетъ выручить Роберта, а отъ смерти, раздѣляетъ тебя только одинъ шагъ еще! Спѣши же признаться, что ты обѣщала мнѣ слишкомъ большую цѣну за жизнь твоего мужа, и отказываешься отъ невыгоднаго торга.

Ильза. Я не отказываюсь. Я—мы оба въ твоей власти. Одного изъ насъ ты хочешь умертвить.—Умертви же меня.

Дуг. Ты настойчива, какъ я вижу. (*съ гнѣвомъ*) Безразсудная, неосторожная женщина! Лучше играть разъяреннымъ звѣремъ, нежели мною! Терпѣніе мое истощилось. — За этой завѣсой готова плаха — и палачъ ждетъ моего знака.

Ильза (*въ сильномъ ужасѣ, бросаетъ взглядъ на завѣсу*) Боже! Боже! Какою же.... (*договариваетъ съ трудомъ*)... смертью я умру?

Дуг. (*про себя*). Въ этомъ голосѣ... въ этомъ вопросѣ — притворства нѣтъ.—Пустое! не можетъ быть! (*Ильзѣ*). Подойди ближе.

Ильза (дрожитъ, глаза ея опущены. Она остается на мѣстѣ). Я... я здѣсь....

Дуг. (подходитъ къ ней, и беретъ ее за руку). Взгляни на меня. (Она смотритъ на него съ робостью. Взглядъ ея смущаетъ его).

Дуг. Мнѣ не хотѣлось бы сдѣлать тебѣ никакого вреда.

Иль. (робко). Прости же Роберта.

Дуг. (топаетъ ногой). Нѣтъ... но ты... не ужели ты въ самомъ дѣлѣ... Объясни же мнѣ причину... мнѣ любопытно знать, какъ ты мнѣ объяснишь, почему хочешь умереть за него.

Иль. (съ жаромъ). Я люблю его!

Дуг. И только?—Но онъ тебя не любитъ.—Не прочесть ли, что онъ мнѣ написалъ про тебя?

Иль. Я знаю. Меня оклеветали передъ нимъ.

Дуг. Такъ накажи его за то, что онъ повѣрилъ клеветѣ. — Или съ Богомъ.—А его предоставь неизбежной судьбѣ.— Не хочу твоей смерти.

Иль. (твердо). А вѣроломный рыцарь! Ты отрекаешься отъ своего слова! (другимъ). Вы не позволите этого! (со слезами) Защитите меня! Онъ далъ мнѣ слово—онъ клялся при всѣхъ васъ!

Стар. рыц. Дугласъ, мы просимъ тебя—сжался, надъ ней.

Дуг. Накто ни полслова! (Ильзѣ). Пора мнѣ кончить съ тобой. — Не отрекаюсь отъ своего слова. — Ты сама того хотѣла — умри же! (Аллану, показывая на Ильзу). Алланъ!

(Алланъ приближается къ ней).

Иль. Положи — подожди еще одно мгновеніе! (Подойдя къ Дугласу) Я невинна! но не говори этого Роберту — нѣтъ, не говори. — Пусть онъ останется при мысли, что я недостойна его... Ему будетъ легче... онъ забудетъ меня... о! (закрываетъ лице) Я рада, что онъ не повѣрилъ мнѣ. — Благодарю Тебя, Боже!... Вотъ все, что еще хотѣла сказать тебѣ, о чемъ должна была просить тебя.—Теперь (ищетъ глазами Аллана)? дѣлай со мной, что хочешь.

(Дугласъ стоитъ неподвижно, и смотритъ на Ильзу).

Алланъ. (Ильзѣ, посмотрѣвъ на Дугласа). Пойдемъ.

Иль. (не совсѣмъ рѣшительно). Пойдемъ.
(Аллахъ подвигается къ занавѣсу).

Дугласъ. Постой! (Ильзъ). Хорошо. Я вѣрю тебѣ... положимъ такъ. Вѣрю совершенно.— Довольна ли ты? Ты теперь согласна умереть за него... хорошо! Но въ рѣшительную минуту твердость оставишь тебя — оставишь въ то мѣновеніе, когда будетъ поздно! Ты не можешь поручиться за себя. (съ инволюмъ) Вѣрю тебѣ — вѣрю! Чего же больше? Знаю даже, что ты ни въ чемъ не виновна передъ твоимъ мужемъ. Я сожалею — видишь, до чего ты довела меня? сожалею, что согласился на твое несбыточное предложеніе, потому... да потому... (въ изступленіи) потому что ты все-таки надѣешься обмануть меня!

Иль. Въ чемъ обмануть?

Дугл. Противъ воли я долженъ буду... да! я сдержу свое слово — сдержу его. Ильза! Ты имѣешь право требовать того. Но я прошу тебя, прошу, Ильза! откажись отъ своего права! Робертъ оскорбилъ тебя, нанесъ тебѣ жестокую обиду: ты не должна простить его! Онъ обидѣлъ и меня. Пусть онъ заплатитъ жизнию. А ты... не сама ли ты сказала сейчасъ, что жизнь такъ прекрасна? Что въ могилѣ холодно и тѣсно? И ты не знаешь еще, какими чудными дарами жизнь щедрою рукою можетъ надѣлать тебя. Ты жила въ бѣдности, я сдѣлаю тебя богатой. А знаешь ли ты, что значить богатство? Ты сказала правду, жизнь прекрасна. Живи же, Ильза, живи! ты такъ молода еще. А о Робертѣ забудь.

Иль. Безъ него жизнь мнѣ не нужна.

Дуг. Истощилъ я все, чѣмъ надѣялся отклонить тебя отъ твоего намѣренія — истинно ли оно или ложно — не знаю. Но ты губишь себя. Ужасныя сомнѣнія тревожатъ меня. То вижу въ тебѣ искусную притворщицу, то готовъ тебѣ вѣрить..... но не могу! не могу! Во всю свою жизнь, я вѣрилъ уже слишкомъ много! Не хочу больше знать, обманула ли меня также и ты — только отдай мнѣ, Ильза, необдуманное слово, которымъ я связалъ себя. Назначь мнѣ условіе сама — я соглашусь на все (возвысивъ голосъ), кромѣ одного! слышишь ли? кромѣ одного! — Говори же!

Иль. Дугласъ.... (умоляющимъ голосомъ) не сердись на меня!
Дугласъ.... прости Роберта!

Дуг. (*внѣ себя*). Все одно и то же говоришь ты мнѣ! Нѣтъ пощады Роберту! нѣтъ! нѣтъ! Не говори о немъ. Говори о себѣ. Рѣши свою участь. Жизнь или смерть!

Иль. Смерть!

Дуг. Такъ посмотри же смерти въ глаза.

(Онъ дѣлаетъ рукой знакъ Аллану. Алланъ разкрываетъ занавѣсъ, за которымъ видно большое темное пространство. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ переднихъ колоннъ, по серединѣ, стоитъ не высокій, обитый чернымъ сукномъ эшафотъ о трехъ ступеняхъ. Вооруженные люди, съ факелами, окружаютъ его. На эшафотъ палачъ съ топоромъ. — Илья, пораженная сильнымъ ужасомъ, испускаетъ крикъ. Колѣни ея невольно подгибаются, она руками ищетъ, на что опереться, чтобъ не упасть. Слышенъ ропотъ рыцарей. Вильямъ старается успокоить ихъ. Дугласъ остается съ поднятой рукою, и смотритъ съ напряженнымъ вниманіемъ на Илью. Наконецъ онъ опускаетъ руку. Молчаніе.)

Иль. Онъ будетъ живъ... а мнѣ страдать не долго (*хочетъ идти, но не можетъ*). Дай мнѣ руку кто-нибудь.

Одинъ изъ рыцарей. Довольно, Дугласъ, тѣшился ты ея отчаяніемъ!

Другой. Мы заступаемся за нее.

Дуг. (*съ сильнымъ волненіемъ*). Илья, ты хотѣла проститься съ сыномъ...

Иль. Нѣтъ! нѣтъ!

Дуг. Вильямъ.... Скорѣй! скорѣй! — Садись на коня — привези мнѣ ея сына. Сиѣши! царская награда ожидаетъ тебя.

Иль. (*вскакиваетъ*). Мнѣ увидѣть Эди? Услышать его голосъ? Обясть его? Великій Боже! Нѣтъ! не показывайте мнѣ его! Не позволяйте мнѣ дотронуться до него! Мое прикосновеніе къ нему... смертоносно для отца его! Нѣтъ, нѣтъ! — Прощай, Эди! прощай, Робертъ! До свиданія въ небесахъ! прощайте оба!

(Она бѣжитъ на эшафотъ, и кладетъ голову на плаху).

Дуг. *(идетъ за ней нѣсколько шаговъ, и останавливается съ простертыми руками.)* Ильза! Ильза! *(помолавъ, нѣжнымъ голосомъ).* Ильза..... ты побѣдила! Ильза..... я прощаю Роберта. Всѣ *(кромя Вильяма).* Да здравствуетъ Дугласъ!

(Палацъ удаляется. Является Бардъ съ арфою. Вильямъ уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ IV.

БАРДЪ. ТѢ ЖЕ, КРОМЪ ВИЛЬЯМА.

Дуг. Что же ты не идешь ко мнѣ, Ильза? Я зову тебя. Иди ко мнѣ!

Бардъ. Зови живыхъ, а мертвыхъ оставь въ покоѣ.

Дуг. Мертвыхъ! *(Онъ бѣжитъ на эшафотъ, и, съ восклицаніемъ: Ильза! Ильза! поднимаетъ ее. Голова ея опускается на плечо его, руки висятъ безъ движенія.)*

Дуг. Боже! Боже! *(онъ приноситъ ее на авансцену, и кладетъ осторожно на землю).*

Дуг. Открой глаза, Ильза! О! проснись! *(опустившись на колѣнки возлѣ нея, прикладываетъ руку къ ея сердцу).* Сердце не бьется — грудь не дышитъ! Страшная слѣдность покрыла лице ея — чело и руки холодѣютъ! О! помогите, помогите!... Ильза, развѣ ты не слышишь меня? отвѣчай, Ильза! отвѣчай!

Бардъ. Смерть нѣма.

Дуг. Не правда, старикъ! не правда! Она не умерла.—Ильза, другъ мой! я отдаю тебѣ Роберта — возьми его, будь счастлива — Ты не радуешься? Ты не благодаришь меня? — Я знаю, ты недовольна мною. Вѣдь, я безчеловѣчно мучилъ тебя! Но ты такая кроткая.... мести не знаешь. — Прости меня! я не зналъ, что дѣлалъ. Прости меня! *(цѣлуетъ руки ея).* Дай, согрѣю твои руки. Онѣ такія холодныя. Не зналъ я, Ильза, не зналъ.

что ты любишь его истинно — любишь больше, чѣмъ себя. Я считала это невозможнымъ. Теперь вижу, что сомнѣиемъ своимъ ругался надъ небомъ и людьми. Ты доказала мнѣ, что добродѣтель не пустое слово — доказала своей смертью! (вскакиваетъ). Смертью! Она умерла! (обращаясь къ другимъ). Друзья! товарищи! спасите меня! Я убилъ ее — убилъ для своей потѣхи! Со смѣхомъ уничтожилъ я лучшее созданіе Божіе! Небеса изрекутъ надо мною вѣчное проклятiе! У ногъ моихъ разверзается зіяющая пропасть! — Нѣтъ для меня спасенія ни здѣсь, ни тамъ! Я погибъ! (онъ падаетъ возлѣ Ильзы).

Бардъ Дугласъ! спасеніе — въ раскаяніи.

Дуг. (поднимаясь). Ильза! (набѣгаетъ къ ней, и беретъ ея руки). Ты ненавидишь меня — гнушаешься мной? (оглянувшись). Гдѣ Робертъ? (обращаясь опять къ Ильзѣ). Его ты любишь. Если осталась въ тебѣ еще одна искра жизни, ты отзовешься на его голосъ. — Ступайте за Робертомъ.

(Алланъ уходитъ)

Дуг. (приподнимая голову ея). Придетъ онъ сеичасъ, твой Робертъ. Ты по прежнему будешь съ нимъ вмѣстѣ. Онъ узнаетъ, какъ ты любишь его. Я самъ разскажу ему, что онъ оскорбилъ тебя безумнымъ подозрѣніемъ.

(Приходитъ Робертъ, Алланъ за нимъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

РОБЕРТЪ. ТѢ ЖЕ.

Робъ. (Онъ входитъ быстро, и озирается съ ужасомъ). Гдѣ она? гдѣ Ильза? —

Дуг. (вскакиваетъ, беретъ Роберта за руку, и подводитъ его къ Ильзѣ). Робертъ, произнеси ея имя, разбуди ее — прерви этотъ

ужасный сонъ!—Вѣдь, это не вѣчный сонъ? не смерть? Нѣтъ, нѣтъ! не смерть!—Робертъ, собери въ своемъ голосѣ всю любовь твою! — Она невинна. Она любитъ тебя больше, нежели свою жизнь. Стало быть, любовь ея сильнѣе смерти — твой голосъ, Робертъ, воскреситъ ее. Моего она не слышитъ. Зови же ее, Робертъ!

Роб. *(опустившись на колѣна возлѣ Ильзы).* Ильза!

Дуг. *(съ отчаяніемъ).* Еще разъ! еще разъ!

Роб. *(внѣ себя, ищетъ раны на ея груди).* Это не сонъ — это смерть!

Дуг. Не вици раны.... ты не найдешь никакой.... сѣкира па- лача не коснулась ея — Но терзалъ я душу ея! — Убилъ я твою Ильзу! Не запираюсь. — Она хотѣла умереть за тебя.... понимаешь ли? И умерла.... отдала тебѣ свою душу!

Роб. Я понялъ тебя, Ильза! но слишкомъ поздно — горе мнѣ! Ты ждешь меня у престола Божія.... *(встаетъ).* Дугласъ! *(ищетъ за поясомъ ножъ)* у меня отняли оружіе.... сжался надо мной! Прошу у тебя смерти!

Дуг. Нѣтъ, не умирай. Она оставила тебѣ сына. Она любила его—не хотѣла лишить его отца! Повинуйся ей—живи для него. *(Обращаясь къ старому рыцарю.)* Подойди. Возьми это кольцо. Свези его къ королю. Онъ узнаетъ, что ты посланъ отъ меня. А скажешь ты ему, что Джемса Дугласа не стало, и что наследникъ его малютка—сынъ Роберта Аргейль. *(Рыцарь беретъ кольцо).*

Роб. Я не согласенъ!

Дугл.. Дай мнѣ умереть спокойно, Робертъ.... Она бы согласилась.

Роб. *(бросается къ Ильзѣ).* Ильза! Ильза! Эди спроситъ у меня, гдѣ его мать. Что я скажу ему?

Дуг. Скажи ему, что она молится за насъ. *(Медленно вынимаетъ ножъ).* Теперь могу я умереть. Надежда на безконечное милосердіе Божіе лучезарнымъ свѣтомъ озарила мою душу.

Бардъ *(подходя къ нему).* Всевышній смягчилъ твое сердце. Хвала ему. — Теперь, Дугласъ.... я вспомнилъ прежнія иѣсви твоей славы.—Ударю въ струны своей арфы....

Дуг. Нѣтъ, старикъ! Вѣщую арфу свою разбей на могильномъ холмѣ моемъ. *(Хочетъ убить себя).*

Бардъ *(удерживаетъ его).* И ты живи еще. Не съ новымъ грѣхомъ на душѣ предстань передъ Творца небеснаго. Будетъ время—Богъ позоветъ тебя самъ.

Дуг. (стоит несколько мгновений въ нерешимости). Илья! моли Его, чтобы позвалъ меня скорѣе!

(Становится на колѣни, и опускаетъ голову на тѣло Ильзы. — Бардъ простираетъ руку надъ нимъ, какъ бы благословляя его.)

Занавѣсь опускается.

В. В. С-вой.

Безумецъ я!—чего искалъ—
Измученный любовью страстной?
За чѣмъ давно не убѣжалъ
Я отъ тебя, мой другъ прекрасный?!...
За чѣмъ и сердце, и душа
Такъ о тебѣ тоскуютъ долго?—
Мой другъ! ты дивно хороша!
Въ тебѣ прекраснаго такъ много!...
Не блескомъ огневыхъ очей,
Не-нѣги томнымъ выраженьемъ
И—не гармоніей рѣчей
Чаруешь ты воображенье;
Но свѣтлыхъ мыслей проводникъ—
Твой умъ вниманье пробуждаетъ...
Кипучій чувствъ святыхъ родникъ,—
А сердце—прелестью сіяетъ!...
Но—что твой разумъ для людей?—
Умъ въ двѣ часто презираютъ...
Что людямъ до души твоей?—
Они такъ мало душу знаютъ!...
Постигнешь сердце лишь любя,—
А люди любятъ осторожно...
И говорятъ всѣ про тебя:
«Она мила! влюбиться можно!»
Влюбиться можно!, Боже мой!
Кто жъ можетъ выстрадать душой
Соединеніе съ тобой?—
Кто, какъ преступникъ задрожитъ
При мысли дерзкой, сладострастной

И—онъ тебя, мой другъ прекрасный!

О, кто въ пустыню убьѣжитъ?!...

Никто, никто, не имъ страдать,

Не имъ убить себя мечтамъ

И—имъ ли то въ тебѣ понять,

Чѣмъ ты родная съ небесами?!...

* * *

Мнѣ до тебѣ, какъ до небесъ,

И далеко, и невозможно:

Тебѣ достигнеть только Крезъ—

Любить его за злато должно...

Тебѣ одвнеть онъ въ парчи,

Исполнить всѣ твои желанья...

Быть можетъ сердце замолчить

Когда, въ пылу очарованья,

Тебѣ онъ скажетъ такъ! «*Душа,*

«*Ты, право, очень хороша!*»

Но никогда онъ не пойметъ

Поэта что въ тебѣ чаруетъ,—

Отъ скуки развѣ обойметъ,

Да по привычкѣ поцалуетъ.

Тогда заплачешь ты, другъ мой!

Отъ грусти сердце вдругъ сожмется

И—о любви тебѣ взгрустнется

Ты растерзаешься мечтой...

И онъ, богачъ, пойметъ тогда

Твои преступныя желанья...

«*Люби меня! ласкай меня!*

«*Тебя купилъ за злато я!*»

Онъ скажетъ, чуждый состраданья,

И къ сердцу камень ты прижмешь,

Холодный трупъ ты поцалуешь,

Свои надежды всѣ убьешь,

Какъ сирота ты затоскуешь!...

* * *

И ты увянешь, какъ цвѣтокъ

Лишенный влаги благодатной!

И всеміъ останется въ урокъ
Теченѣ жизни неприятной!...

✱

Нѣтъ, заклинаю я тебя,
Мой другъ! ты Крезу не прелайся
За злато, ангелъ не отдайся—
Уми ужъ *лучше не любя!*
О, будь ты чувствъ святыхъ полна!

А. СЛАВИНЪ.

ДОЧЬКА
ЕГО БЛАГОРОДІЯ.

ШУТКА ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

(Сюжетъ взятъ изъ повести.)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Аполлонъ Федуловичъ, Повытчикъ уѣзднаго суда . . .	Г. Марковецкій.
Аграфена Михѣевна, жена его	Г-жа Громова.
Матреша, дочь ихъ	Воспит. Жулева.
Тихонъ Псоичъ служащій въ томъ же судѣ	Г. Мартыновъ.
Пудъ Стахичъ, изъ отставныхъ	Г. Григорьевъ. 1.
Федосья, кухарка Перхушкиныхъ	Г-жа Гусева.

Дѣйствіе въ небольшомъ уѣздномъ городѣ.

Представлена въ С.-Петербургѣ, въ Бенефисъ М. Д. Дюръ 1846 года,
Генваря 16 дня.

==

ДЕКОРАЦІЯ.

Небогатая комната. Съ средней и боковыми дверями; столикъ, нѣсколько стульевъ, камодъ съ шкафомъ; около средней двери окно.

На сценѣ ночь. Матреша сидитъ у столика облокотясь; свѣча слабо освѣщаетъ комнату.

ЯВЛЕНІЕ I.

МАТРЕША (вздыхал).

Да! Правда! совершенно такъ же, какъ у Пушкина... и я очепь похожа на Татьяну. То же ночь, кругомъ все тихо и луна... (говоритъ припоминая).

.....И вотъ она одна,

Все тихо, свѣтитъ ей луна.

Облокотясь Татьяна пишетъ,

И все Евгений на умѣ.....

Ахъ!... Боже мой!... Главнаго-то и нѣтъ!.. Вѣдь Татьяна-то думала объ Евгениі; а мнѣ-то о комъ же думать... (ходитъ въ безпокойствѣ по комнатѣ). Поди ты, вѣдь некого выбрать... кого бы мнѣ завербовать въ Евгениі? Кто похожъ на него?... (Задумывается). А! прекрасно! этотъ похожъ!... (прыгаетъ отъ радости). Нашла!... нашла Евгениі!... Только вотъ бѣда, не знаю, какъ его зовуть-то? Ну, все равно... Напишу къ нему!.. Напишу точно, какъ Татьяна!... (садится, пишетъ и читаетъ вслухъ написанное). «Милостивый государь!» первую строчку надо такъ, какъ у Пушкина:

«Я къ вамъ пишу, чего же болѣ?...»

Что же потомъ? Ну, вѣдь всего стихами не напишешь... Стану—прозой: (пишетъ) «Вы вѣрно не знаете, что подлѣ васъ

живетъ дѣвушка, которая васъ обожаетъ. Не зная вашего имени и фамиліи, я называю васъ Евгеніемъ, (знаете, вотъ что у Пушкина!) а себя Татьяною, хотя въ самомъ-то дѣлѣ я Матреша. И такъ, о Евгеній!.. Я люблюсь тобою, когда ты утромъ ровно въ 8 часовъ проходишь мимо нашего дома.. и кто бы ты ни былъ — о, мой Евгеній — я люблю тебя!..

Твоя навѣкъ Татьяна.

Будетъ... (складываетъ письмо) теперь напишу адресъ. (задумывается) какъ же написать адресъ? Вѣдь я не знаю, какъ его зовутъ!.. напишу просто: «Его благородію Евгению, въ собственныя руки.» Такъ. Теперь надобно отослать письмо... Кого бы послать?.. А! разбужу кухарку; это моя няня, какъ у Татьяны. (Отворяетъ дверь въ серединѣ и кличетъ) няня!.. няня! проснись!..

ЯВЛЕНІЕ II.

МАТРЕША И ФЕДОСЬЯ.

ФЕДОСЬЯ (входитъ, полусонная). Что ты за неугомонная лаяка! всю ночь спать не даешь; ну, что тебѣ?...

МАТРЕША. Вотъ онъ!..

Не спится, няня, здѣсь такъ душно, —
Открой окно, да сядь ко мнѣ!...

ФЕДОСЬЯ. Да какая я тебѣ няня?... и что ты за ребенокъ такой! слава Богу ужъ дѣвушка хоть сей часъ въ матери!..

МАТРЕША. Экая ты безтолковая! это такъ надобно; я послѣ тебѣ скажу для чего, а теперь пожалуйста отнеси ты это письмо къ тому молодому человѣку, вотъ что живетъ подлѣ насъ — то-и я въ него ужасно влюблена!... Онъ мой! Евгеній Овѣгинъ, Сочиненіе Пушкина!...

ФЕДОСЬЯ. Вотъ что?.. Такъ за этимъ-то ты меня и будишь?.. Бестыдница ты, эдакая! Вишь она влюблена? Нашла молодого человѣка, мать моя!.. да чертъ его что ли молодилъ?.. Уродъ эдакой; да ему, поди чай ужъ за 40 хватило... Онъ вѣдь вмѣстѣ

съ твоимъ батюшкой-то служить... Такъ, это въ него-то ты изволила врѣзаться.... Хороша, сударыня — стараго пьянюгу полюбила!...

МАТРЕША. (*Восторженно*) Ахъ! няня! Не говори этого, не мучь меня, я не могу слушать, когда бранятъ моего Евгевія! ради Бога отнеси и отдай ему это письмо и принеси отвѣтъ! бедосья, Господи помилуй! Да съ чего же это ты взяла! съ чего я пойду къ нему? съ какой стати?...

МАТРЕНА АПОЛЛОНОВНА. Няня! голубушка! душечка! нянвчъка! Пожалуйста сходи! — я дамъ тебѣ гривенничекъ за это... слышишь?...

бедосья. Экая бѣловая! Ну,—что съ тобой дѣлать!... Пожалуй потѣшу. Да что будетъ—то изъ этого?...

МАТРЕНА АПОЛЛОНОВНА. Ахъ! няня! изъ этого будетъ дѣлкій романъ, какъ у Пушкина!...

бедосья (*смѣясь*). Поди ты, что забрала въ голову!.. Ладно, отнесу, да вотъ ужъ разсвѣло, — пора на рынокъ, а оттуда я найду къ твоему (*хохочетъ*) молодому человѣку съ просьбкою.. (*уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ III.

МАТРЕША (*одна*).

Она смѣется!.. Холодная! она не понимаетъ любви!.. Ей незнакомъ языкъ Татьяны!.. Ахъ, если онъ придетъ, я скажу ему:

«За чѣмъ селились вы близъ насъ?..»

Въ глуши забытаго селенья,»

Я никогда не знала бъ васъ,

Не знала-бъ горькаго мученья!»

А онъ мнѣ отвѣтитъ... что жъ онъ то мнѣ отвѣтитъ... за-была, какъ тутъ у Пушкина?... Какъ бишь это?.. (*садитъ за столу и задумывается*).

ЯВЛЕНИЕ IV.

АГРАФЕНА МИХѢВНА, АПОЛЛОНЪ БЕДУЛОВИЧЪ, И МАТРЕША, АПОЛЛОНЪ БЕДУЛОВИЧЪ (*въ вицѣ — мундиръ; въ рукахъ свертокъ бумаги*).

Такъ я пойду... Аграфена Михѣвна, тово-съ... Пойду въ судъ, тово-съ!.. (*)

(*) У Перушкина поговорка: *тово-съ*, и потому актеръ, играющій эту роль, можетъ употреблять ее гдѣ найдетъ удобіе.

АГРАФЕНА МИХѢВНА. Поди! поди батюшка! да только, Аполлонъ Оедуловичъ, ради Христа, ты опять не напейся послѣ должности—то; вѣдь на что это похоже; вотъ и вчера безъ чувствъ принесли... посмотри-ка, на что лицо—то похоже....

АПОЛЛОНЪ ОЕДУЛОВИЧЪ. Понзято немножко, тово-сь... вѣче-го, тово-сь... Вотъ рюмочку другую выпью и пройдетъ, тово-сь..

АГРАФЕНА МИХѢВНА. Какъ, рюмочку другую!.. съ утра—то? Да перекрестись!..

АПОЛЛОНЪ ОЕДУЛОВИЧЪ. Да я и перекрещусь, тово-сь, какъ выпью, лучше на желудкѣ завяжетъ, тово-сь... *(подходитъ къ шкафу и пьетъ рюмку водки).*

АГРАФЕНА МИХѢВНА *(увидя дочь)*. А! Ты ужъ проснулась Мотинька!.. Хорошо ли спала, почивала?

МАТРЕША. Здравствуйте маминька!.. доброе утро, папинька!..

АПОЛЛОНЪ ОЕДУЛОВИЧЪ. Здравствуй Мотя и прощай!.. Пора и въ судъ, тово-сь.. подика, я поцѣлую тебя, тово-сь... а хорошо, какъ заморишь червячка ранымъ раненько... и на желудкѣ-то эдакъ, тово-сь... *(подходитъ опять къ шкафу озирается, пьетъ рюмку водки и уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ V.

АГРАФЕНА МИХѢВНА И МАТРЕША.

АГРАФЕНА МИХѢВНА. Что ты, какъ будто не въ себя, Мотинька! а?.. или не здорова?..

МАТРЕША. Цѣтъ, мамаша, другое!..

АГРАФЕНА МИХѢВНА. Что же такое другое то душенька? Скажи мнѣ, вѣдь я твоя мать!

МАТРЕША. Да я все думала, мамаша!.. Когда же это я выду за-мужъ то?

АГРАФЕНА МИХѢВНА. Ахъ, ты проказница!.. вишь о чемъ задумала! Да, что жъ ты, жениховъ что ли не найдешь себя, моя красавица!—не огобьешься, сколько будетъ...

МАТРЕША. Ахъ, маминька!.. Вы не знаете, какъ ужасно: «Желать, и только, что желать!» *(въ сторону)*. Что это няня такъ долго неидетъ съ отвѣтомъ. *(Матери)*. Маминька! Оставьте меня! Я хочу быть одна; я хочу читать....

АГРАФЕНА МИХѢВНА. Ну, чтожъ, читай Богъ съ тобой; я не стану мѣшать; я пойду въ кухню да займусь по хозяйству!.. *(Цѣлуетъ ее и уходитъ).*

ЯВЛЕНИЕ VI.

МАТРЕША. ОЕДОСЬЯ.

МАТРЕША (одна). Какъ я боялась, что бѣ няня не вошла при маминькѣ... (увидя входящ. кухарку)! Ну, что, Няня?... Я горю отъ нетерпѣнья...

ОЕДОСЬЯ. Ну, не сгоришь, не бось!.. Письмо я отдала...

МАТРЕША. Что онъ сказалъ?..

ОЕДОСЬЯ. Все ухмылялся, качалъ головой, да бормоталъ про себя: «странная, говоритъ, оказія, ей Богу! кажись, кой чортъ въ меня влюбится.

МАТРЕША. А потомъ?..

ОЕДОСЬЯ. Потомъ все ухмылялся да смотрѣлся въ зеркало; а тамъ сказалъ: «кланяйтесь—де барышнѣ и скажите, что я буду сего дня къ нимъ съ ихъ папашкой...

МАТРЕША. Какъ съ Папашкой?..

ОЕДОСЬЯ. Да, такъ, съ Папашкой! знать хочеть, какъ по-аккуратнѣе это сдѣлать: вѣдь не прямо же ему къ тебѣ вломиться...

МАТРЕША (топая ногой). Но вѣдь у Пушкина это не такъ...

ОЕДОСЬЯ. Ну, ужъ я не знаю, какъ тамъ у Пушкина какова... а мнѣ пора на кухню; чай, барыня, поиди ты, какъ сердится...

(Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ VII.

МАТРЕША (одна)

Онъ придетъ!.. Ахъ, какъ бьется сердце... Жаль, что онъ придетъ съ папашкой... Ну, что нуды... Я найду случай говорить съ нимъ... Однако мнѣ надобно придѣться... Чтобы такое надѣть?... Все равно! Пушкинъ говоритъ, что

«Къ дѣвушкамъ въ семнадцать лѣтъ,

Какая шапка не пристанетъ!...

Чтобы я ни надѣла—во всемъ буду хороша!...

(Убѣгая напяваетъ пенью.)

ЯВЛЕНИЕ VIII.

АПОЛЛОНЪ ОЕДУЛОВИЧЪ И ТИХОНЪ ПСОИЧЪ.

АПОЛЛОНЪ ОЕДУЛОВИЧЪ. Войди, войди. Жена чай удивится, что я такъ рано нынче вернуся тово-сь; да ты напомнилъ мнѣ

объ этомъ дѣлѣ-то, такъ я и поспѣшилъ, тово-сь; надобно въ самомъ дѣлѣ его кончить, тово-сь; а присутствіе-то неуйдетъ... ну, а водки выпьемъ теперь тово-сь! а? хочешь водки, тово-сь.

тихонъ псойчъ. Ништо, рюмочку выпилъ бы; признаюсь, Аполонъ Оедуловичъ, уморился; вѣрите ли, во входящую нынѣшнимъ числомъ 25 статей занесъ,—право, рука совсѣмъ развилась.

аполлонъ оедуловичъ. Что мулренаго, братецъ, что мулренаго тово-сь! Нука, съ Богомъ! (*напиваетъ водки и подаетъ ему*). Начинай!

тихонъ псойчъ. За вами!.. Кушайте на здоровье! (*пьютъ*.)

ЯВЛЕНИЕ IX.

тѣ же и матреша (*бѣгаетъ и вдругъ останавливается*) Ахъ!..

тихонъ псойчъ (*въ сторону*). Это вѣрно онъ-сь!..

аполлонъ оедуловичъ. Что ты Матреша?.. Чего дурочка испугалась, тово-сь... Это Тихонъ Псойчъ мой сослуживецъ, тово-сь... Ничего... онъ хорошій человекъ; мы такъ по водкѣ прошли, тово-сь.

матреша (*въ сторону*). Это онъ!..

тихонъ псойчъ. Позвольте, сударыня!.. (*подходитъ къ рукѣ, Мат. Ал. жеманно присѣдаетъ*).

аполлонъ оедуловичъ. Что жъ, братъ! не повторить ли, тово-сь?..

тихонъ псойчъ. Нѣтъ-сь, покорнѣйше благодарю-сь,—немогу.

аполлонъ оедуловичъ. Ну, какъ хочешь, тово-сь... а я поговорю. (*пьетъ еще*).

матреша (*въ сторону*). Онъ вѣрно будетъ любить меня, я это вижу...

аполлонъ оедуловичъ. Знаешь, что братъ, Тихонъ Псойчъ, тово-сь...—Я вѣдь теперь не могу окончить тебѣ этаго дѣла, за которымъ ты пришелъ; я вотъ пойду не много, знаешь, тово-сь... сосну; а ты покаместъ займись съ Матрешей; она у меня умница; развѣя стихи тебѣ расскажетъ, какъ по книгѣ, тово-сь?.. Ну, а встану я, такъ мы и кончимъ, тово-сь...

тихонъ псойчъ. Очень хорошо-сь!

АПОЛЛОНЫ ОДУЛОВИЧЬ. То-то, тово-сь... а я прикурну маленько; послѣ волки-то, знаешь, голова немощко, тово-сь... тихонь псоичь. Конечно-сь...

(Аполлонъ Одуловичъ уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ X.

ТИХОНЬ ПСОИЧЬ И МАТРЕША.

МАТРЕША (въ сторону). Наконецъ мы одни! рѣшительная минута наступила!

ТИХОНЬ ПСОИЧЬ (въ сторону). Какъ бы мнѣ начать объ ея письмѣ!.. (подходитъ къ ней и раскланивается). Вы давеча изволили ирисялать мнѣ цыдулочку?..

МАТРЕША. Да, я писала къ вамъ, и вы вѣрно поняли?..

ТИХОНЬ ПСОИЧЬ. Вотъ то-то и есть, что плохо понялъ-сь... мудренья такія статьи вы изволили изложить.

МАТРЕША. Ахъ! Боже мой! Что жъ можетъ быть яснѣе... Вы мой Евгений!..

ТИХОНЬ ПСОИЧЬ. Вотъ, именно, тутъ-то и затрудненіе... Позвольте, какой же я Евгений?... Помилуйте!.. Я, какъ всѣмъ не безызвѣстно Тихонь Псоевъ.

МАТРЕША. Но вы не понимаете.

ТИХОНЬ ПСОИЧЬ. Не понимаю, признаюсь!..

МАТРЕША. Вы не читали Пушкина?..

ТИХОНЬ ПСОИЧЬ. Кромѣ свода законовъ—ничего!.. и ни чего другаго читать не буду!..

МАТРЕША. По чему же?..

ТИХОНЬ ПСОИЧЬ. Не могу!.. Ни чего не понимаю; да и въ книгахъ, знаете, все нарочно пшуть, воля ваша; ни чего не можетъ этаго быть съ нами-сь.

МАТРЕША. Какъ не можетъ, Тихонь Псоичь! Развѣ не можетъ быть такой любви, какъ у Пушкина въ его Ойганѣ!..

ТИХОНЬ ПСОИЧЬ. Не можетъ-сь, рѣшительно!..

МАТРЕША. А я вамъ докажу, что можетъ, повѣрьте мнѣ Евгений!

ТИХОНЬ ПСОИЧЬ (обидѣвшись). Опять не Евгений-сь, а Тихонь Псоевъ!..

МАТРЕША. Позвольте мнѣ называть васъ Евгениемъ?..

ТИХОУЪ ПСОИЧЪ. Не могу—съ: и отъ Бога грѣхъ, и отъ людей стыдно; я во св. крещеніи нареченъ Тихономъ, по отцу Псоевъ, и умру Тихономъ Псоевымъ, иначе не могу—воля ваша.

МАТРЕША. Вы не понятное существо, Тихонъ Псоичъ.

ТИХОУЪ ПСОИЧЪ. Что дѣлать—съ, не могу... (*вынимаетъ изъ кармана письмо*). А позвольте, я бы желалъ пояснить здѣсь нѣкоторые пункты... во первыхъ, вы изволили упомянуть здѣсь о какомъ то г-нѣ Геніи... Сколько я не припоминалъ, во всемъ нашемъ городѣ такой фамилиі не вмѣстается....

МАТРЕША. Да это совсѣмъ не фамилія... Геній—это невидимое существо...

ТИХОУЪ ПСОИЧЪ. Ну, видите? я зналъ, что нѣтъ такого въ наличности; потому что оно невидимое... Такъ за чѣмъ же вамъ, сударыня, и упоминать было объ невидимкѣ... Странно, право!...

МАТРЕША. Это для сравненія, я... Дайте мнѣ вамъ объяснить.. вы такъ заблуждаетесь...

ТИХОУЪ ПСОИЧЪ (*обидѣвшись*). Заблуждаюсь... извините!.. Не обижайте—съ по напрасну, не зная человѣка..

МАТРЕША. Я вамъ говорю, что вы не поняли...

ТИХОУЪ ПСОИЧЪ. Не понялъ, да—съ, не понялъ, и для того-то желаю удовлетворительнаго поясненія на всѣ пункты; пойдемъ далѣе. (*Смотря въ письмо*). Вы пишете: «о, Евгенийъ..» и опять Евгений—не хорошо! знаете, даже можетъ показаться обиднымъ?.. а главное, вездѣ замѣчено мною слово *ты* вмѣсто *вы*. Вѣдь кажется не позволительно говорить не знакомому челоуѣку и въ первый разъ, *ты*, — не учтиво, (*протяжно*) ей Богу не учтиво!...

МАТРЕША. Въ любви нѣтъ *вы*! Татьяна говорила Евгению *ты*, когда писала...

ТИХОУЪ ПСОИЧЪ. Татьяна и можетъ говорить; да за чѣмъ же вамъ-то брать примѣръ съ Татьяны; вѣдь вы дочка Титуларнаго Совѣтника; не хорошо—съ; извините, что я, можетъ быть и дерзновенно вамъ говорю... но—боля ваша, не хорошо—съ!

МАТРЕША. Тихонъ Псоичъ! оставьте это; вы видите, какъ я страдаю!.. (восторженно)..

«Когда бъ вы знали, какъ ужасно
Томиться жаждою любви,
Пылать—и разумомъ всечасно
Смирять волненіе въ крови.
Желать обнять у васъ колѣни,
И зарыдавъ у вашихъ ногъ...»

ТИХОНЪ ПСОИЧЪ (перебивая ее). Позвольте... Ну, какъ же можно!.. Обнять мои колѣнки?.. Помилуйте! Да съ чѣмъ же это сообразно; да если бы вы и такъ захотѣли обнять собственно личную мою персону, все не прилично, а то колѣнки?.. Да вѣдь это стыдно—съ! Вы дочка его благородія...

МАТРЕША (восторженно). О! Что тутъ благородство! Тихонъ Псоичъ! Сжальтесь надомной!..

ТИХОНЪ ПСОИЧЪ. Да, помилуйте! что же я вамъ сдѣлалъ?.. что вамъ угодно отъ меня?..

МАТРЕША (страстно). Я люблю тебя!

ТИХОНЪ ПСОИЧЪ (обидѣвшись). И опять тебѣ!.. Извините, я не могу...

МАТРЕША (восторженно). Какъ? Ты не можешь?.. Ты отвергаешь меня, ты равнодушенъ къ моей страсти... о! я вижу, ты хочешь поступить со мной, какъ поступилъ Евгеній съ Татьяной (движеніе Тих. Псоича). Но ты будешь раскаиваться...

ТИХОНЪ ПСОИЧЪ (наивно). Помилуйте, да въ чемъ же—съ?.. мнѣ кажется, нѣтъ поводу къ расканію...

МАТРЕША (не слушая его). поступлю также, какъ поступила Татьяна, я выду за другога, да, за другога, и тогда скажу тебѣ (опять движеніе Тих. Псоича.)

«А счастье было такъ возможно,
Такъ близко!....»

Понимаете?

ТИХОНЪ ПСОИЧЪ. Хоть убейте! Ни чего не понимаю!..

МАТРЕША. Такъ вы не хотите на мнѣ жениться?..

ТИХОНЪ ПСОИЧЪ. Какъ—съ? вамъ угодно, чтобъ я на васъ женился? Помилуйте, такъ вы бы прямо сказали... Странно ей Богу! Что вы за штуки такія тутъ стровили!.. нѣтъ—съ! извините, я не могу; ни какъ не могу—съ!

МАТРЕША (не слушая его). Такъ вы отказываетесь отъ меня?.. О! Это ужасно! А я такъ надѣялась!.. Я мечтала, какъ Татьяна!.. (обращаясь къ нему трагически).

За чѣмъ же вы селились близь насъ?
Въ глуши забытаго селенья,
Я никогда не знала бъ васъ,
Не знала бъ горькаго мученья!!!

тихонъ псойчъ (глупо смѣясь). Проказница вы!.. Право, ей Богу, мнѣ странно... За чѣмъ же это вы ко всему стишокъ подбываете... однакожъ мнѣ пора... Потрудитесь доложить паннѣ-кѣ, что я ушелъ, они знать долго всхрипнуть. Мое вамъ нѣжайшее. (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ XI.

МАТРЕША (одна).

Ушелъ!.. Извергъ!.. Варваръ!.. Безтолковое созданіе:

«Емуль любить!...»

(Подумавъ) Да если хорошенько-то подумать, такъ вѣдь онъ, право, не похожъ на Евгенія!.. и имя такое непріятное для слуха: Тихонъ Псойчъ!.. Фи!.. гадко! а если разсудить какъ должно, такъ и всѣ штатскіе не хороши... то ли дѣло военные!... они военные! да это прелесть!.. что бишь такое у Пушкина написано подобное этому... стой! да! прекрасно!.. Гирей! Гирей!.. Вотъ такъ любовь!.. Мнѣ нужно Гирей! смѣлаго... — а я буду Зарема, — ревнивая Зарема, онъ меня броситъ! я буду преслѣдовать его!.. о это прекрасно! восхитительно! И я право, больше похожа на Зарему, чѣмъ на Татьяну.

ЯВЛЕНИЕ XII.

МАТРЕША и АГРАФЕНА МИХѢВНА.

АГРАФЕНА МИХѢВНА (вбѣгалъ съ радостнымъ лицемъ). Мотя! Мотя!.. Знаешь ли что, моя красавица!.. Я тебѣ скажу пріятную новость!..

МАТРЕША. Что такое, маминька?

АГРАФЕНА МИХЭВНА. Къ намъ прѣхалъ отставной военный офицеръ.

МАТРЕША (въ сторону). Ахъ, вотъ и Гирей! (ей) кто же это такой?

АГРАФЕНА МИХЭВНА. Онъ старый знакомый твоему отцу, зовутъ его Пуль Стахичъ, служилъ въ гарнизонтѣ и прѣхалъ сюда по деламъ... знаешь ли, что я думаю?

МАТРЕША. Что? мамаша?

АГРАФЕНА МИХЭВНА. Я думаю, что онъ можетъ быть твоимъ женихомъ...

МАТРЕША. Вы думаете?..

АГРАФЕНА МИХЭВНА. Я почти уверена въ этомъ. Не можетъ быть, чтобъ ты ему не понравилась... ты моя красавица, просто сведешь его съ ума... Они сей часъ придутъ сюда съ твоимъ отцомъ.

МАТРЕША. Сей часъ?.. Ахъ! мамаша, не переодѣться ли мнѣ?.. Какъ, вы думаете? я надѣну другое платье!

АГРАФЕНА МИХЭВНА. Что жъ? Поди надѣнь, душенька! Конечно, ты и въ этомъ хороша, какъ ангелъ; ну, да если тебѣ хочется, пожалуй переодѣнься.

МАТРЕША. Пойду и переодѣнусь (въ сторону) такъ, чтобъ болѣе походить на Зарему (убѣгаетъ).

ЯВЛЕНИЕ XIII.

АГРАФЕНА МИХЭВНА (одна, смотря ей въ слѣдъ).

Госиодь съ тобой, моя красавица... утѣшеніе мнѣ Господь послалъ въ такомъ дѣтищѣ... а все сидитъ въ дѣвцахъ! Нѣтъ счастья! Кажись, какъ бы не быть женихамъ съ ея красотой, и любезностію...

Ну, да кажется, теперь авось Богъ дастъ!... этотъ Пуль Стахичъ славный женихъ! и офицеромъ былъ! И собой видный, и не пьющій... вотъ и они!...

ЯВЛЕНИЕ XIV.

ТѢЖЕ И АПОЛОНЪ БЕДУЛОВИЧЪ СЪ ПУЛЬ СТАХИЧЕМЪ.

ПУЛЬ СТАХИЧЪ (входя). Да, почтеннѣйшій Аполонъ Бедуловичъ, мы живемъ, что называется съ градомъ!..

АПОЛОНЪ БЕДУЛОВИЧЪ. Съ градомъ? Какъ же это съ градомъ?

пудъ стахичъ. Ха! ха! ха! Это вамъ не понятно!... Это наша поговорка... знаете, эдакая армейская!... у насъ въ гарнизонъ это всемъ известно.—Если кто этакъ, знаете, живетъ заливчатски... фу!... кутить, говорить, живетъ съ градомъ... ха! ха! ха! славная поговорка! съ градомъ, знаете... у!

АГРАФЕНА МИХѢВНА (смѣясь). Какая у васъ веселая характерность Пудъ Стахичъ, настоящая военная...

пудъ стахичъ. Да-съ—съ градомъ!... чортъ возьми!

АПОЛОНЪ ѲЕДУЛОВИЧЪ (смѣясь). Ха! ха! ха! видите, опять съ градомъ?.. экой вы! тово-съ (подражая ему) съ градомъ!.. (ему) а что, не пройтить ли намъ разъ по водкѣ, тово-съ?

пудъ стахичъ. Ха! ха! ха! пройдемъ! пройдемъ... съ градомъ!..

АПОЛОНЪ ѲЕДУЛОВИЧЪ. Пройдемъ, съ градомъ, ха! ха! ха! (наливаетъ водки). Кушайте-ка, тово-съ?

пудъ стахичъ (беретъ рюмку). А гдѣ же ваша дочька? Я ее не вижу.

АГРАФЕНА МИХѢВНА. Она сей часъ будетъ.

пудъ стахичъ. Я люблю дочекъ! ха! ха! ха! знаете, эдакихъ, съ градомъ!..

АПОЛОНЪ ѲЕДУЛОВИЧЪ. Ха! ха! ха! опять съ градомъ?.. Проказникъ! тово-съ, любитъ дочекъ, съ градомъ!.. не повторить ли?.. а?.. тово-съ...

пудъ стахичъ. Пожалуй! почему жъ и не повторить (пьютъ).

АГРАФЕНА МИХѢВНА. А я пойду похлопочу объ объѣдъ..

пудъ стахичъ. Да, я люблю хорошенько поѣсть... знаете, эдакъ, съ градомъ...

АГРАФЕНА МИХѢВНА. (въ сторону) пойти поторопить Матрешу, (ему) ха, ха, ха! (въ сторону) какой славный человекъ!.. все у него съ градомъ! тово-съ. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XV.

АПОЛОНЪ ѲЕДУЛОВИЧЪ, ПУДЪ СТАХИЧЪ.

АПОЛОНЪ ѲЕДУЛОВИЧЪ (смотритъ, пьетъ ли жены, и выпиваетъ рюмку). А вѣдь право, тово-съ, хорошо водки выпить:

пудъ стахичъ. Да-съ, хорошо! да, что же это я не вижу вашей Матрены Аполоновны?.. А, вотъ и она!

ЯВЛЕНИЕ XVI.

ТЪ ЖЕ И МАТРЕША АПОЛОНОВНА.

ПУДЪ СТАХИЧЬ (*подходитъ къ ней*). Сударыня! честь имѣю... вашу ручку? (*цѣлуетъ руку*) (*въ сторону*) ручка хоть куда!...

МАТРЕША (*въ сторону*). Какой славный мужчина! Что за взглядъ!

АПОЛОНЪ БЕДУЛОВИЧЬ. Знаете, что Пудъ Стахичь, теперь вамъ есть съ кѣмъ заняться... тово-сь, Матреша у меня такая умница—тово-сь, наговоритесь до-сыта, а я пойду не много схрану до обѣда... тово-сь.

ПУДЪ СТАХИЧЬ. Что жь, всхраините! безъ церемоніи, — мы людв свои.

АПОЛОНЪ БЕДУЛОВИЧЬ. Да! послѣ водки хорошо схранить немного... тово-сь, привычка, не могу!... тово-сь.

ПУДЪ СТАХИЧЬ. Ступайте! ступайте! охраните сколько хотите... съ градомъ, чортъ возьми!...

АПОЛОНЪ БЕДУЛОВИЧЬ (*уходит*). Опять съ градомъ! ха! ха! тово-сь.

ЯВЛЕНИЕ XVII.

ПУДЪ СТАХИЧЬ, МАТРЕША.

ПУДЪ СТАХИЧЬ (*подходя къ ней*). Ну, какъ, сударыня, вы здѣсь время проводите? я думаю, вамъ скучно въ этомъ маленькомъ городишкѣ... тутъ нельзя этакъ, знаете, съ градомъ, пожить... ха! ха! ха!

МАТРЕША АПОЛОНОВНА. Я-сь... все читаю. Вы любите читать?

ПУДЪ СТАХИЧЬ. Ну, нѣтъ-сь, я не люблю: знаете, скучно читать.

МАТРЕША АПОЛОНОВНА. Ахъ, нѣтъ-сь, весело! Послушайте, хотите, я вамъ прочту стихи?...

ПУДЪ СТАХИЧЬ. Стихи! стихи! ну, да! пожалуй, если это вамъ нравится.

МАТРЕША. Слушайте же! (*декламируетъ*).

Сыхали ль вы за рошей гласъ почной

Пѣвца любви, пѣвца своей печали?

пудъ стихичь (*глуно*). Никогда-съ! признаюсь, я и не люблю но ночамъ ходить въ рошу, развѣ иногда этакъ... знаете?...

МАТРЕША. Вы меня не понимаете, это вѣдь въ стихахъ, слушайте!

пудъ стихичь. Слушаю.

МАТРЕША.

«Встрѣчали ль вы въ пустынной тѣмѣ лѣсной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Слѣды ли слезъ, улыбку ль замѣчали,
Иль тихій взоръ исполненной тоской

Встрѣчали ль вы? — единично

пудъ стихичь. Ей Богу, не случилось — да и некогда; у насъ, я вамъ доложу, по службѣ было много занятій....

МАТРЕША. Ахъ! Пудъ Стихичь, вы совсѣмъ меня не понимаете!..

пудъ стихичь. Не понимаю — убей Богъ, не понимаю..

МАТРЕША. Этого пѣвца и нельзя встрѣчать.

пудъ стихичь. За чѣмъ же вы меня спрашиваете, не встрѣчалъ ли я?

МАТРЕША. Я васъ не спрашиваю, а читаю вамъ стихи.

пудъ стихичь. Нѣтъ, спрашиваете: вы именно сказали, не встрѣчалъ ли я?

МАТРЕША. Ну, да, это вопросъ въ стихахъ....

пудъ стихичь. Не по моей части.... позвольте выкурить трубочку.

МАТРЕША. Сдѣлайте одолженіе.

пудъ стихичь. (*беретъ трубку, табакъ, накладываетъ и закуриваетъ*)

МАТРЕША. Слушайте же дальше.

пудъ стихичь. Опять стихи!... (*съ стороны*). Чортъ знаетъ, что за охота душитъ меня стихами... Мнѣ бы этакъ, чегонибудь съ градомъ!.. (*садятся*).

МАТРЕША (*читаетъ*).

«Вдохнули ль вы, внимая тихій гласъ
Пѣвца любви, пѣвца своей печали...

пудъ стихичь. Нѣтъ-съ. Признаюсь, этой привычки не имѣю. Никогда ни объ чемъ не вздыхаю.

МАТРЕША. Ахъ! да вѣдь я васъ объ этомъ не спрашиваю!..

пудъ стихичь. Да, вы все про пѣвца-то говорите? Да вѣдь

его нѣтъ, чтожъ и толковать объ немъ... ха! ха! ха!.. Впрочемъ, если хотите, я тоже вамъ скажу стишокъ—знаете, значительный стишокъ:

МАТРЕША. Ахъ, скажите!
ПУДЬ СТАХИЧЬ. Пойдите, вотъ только затянусь. *(Выпускаетъ дымъ)*. Слушайте:

ПУДЬ, ПУДЬ, ВО СТО ПУДЬ!
Съ толстымъ брюхомъ тутъ, какъ тутъ.

Вотъ это стишокъ!.. ха! ха! ха! съ градомъ!
МАТРЕША. Ахъ, Пудъ Стахичь, какія вы слова говорите.
ПУДЬ СТАХИЧЬ. Не правда ли, хорошо? съ градомъ—чортъ возьми! А вѣдь трубку у васъ вѣрно никогда не чистятъ; совсемъ нельзя курить. *(чиститъ трубку)*.

МАТРЕША. Пудъ Стахичь!
ПУДЬ СТАХИЧЬ. Чего изволите?... Вотъ теперь хорошо
МАТРЕША. Вы пишете стихи?
ПУДЬ СТАХИЧЬ. Ни какъ нѣтъ—съ. Знаете, съ молоду не былъ приученъ:—меня готовили прямо въ военную.

МАТРЕША. И хорошо свѣдали. Вы смотрите такимъ геросмъ...

ПУДЬ СТАХИЧЬ. *(Самодовольно оправляясь и ближе приближая свой стулъ)*. Ха! ха! ха!.. Право?.. Я самъ иногда замѣчаю въ себѣ этакъ, съ градомъ, чортъ возьми!

МАТРЕША. Опять! Пудъ Стахичь, не говорите съ градомъ!
ПУДЬ СТАХИЧЬ. Не могу—съ. Привычка! Да и у насъ въ гарнизонъ такъ принято. Что жъ, слово не противное.. съ градомъ! ха! ха! ха! Это веселить! Такъ вы находите, что я не дурачъ?..

МАТРЕША. И очень! Ну, а я?
ПУДЬ СТАХИЧЬ. *(Взглянувъ на нее съ ногъ до головы)*. Вы? Да! вы во вкусъ! я люблю такихъ—знаете, съ градомъ.

МАТРЕША. И вы бы полюбили меня, Пудъ Стахичь?..
ПУДЬ СТАХИЧЬ. Полюбить... Гмъ!.. Знаете, ужъ со мной это бывальщина... ха! ха! ха!

МАТРЕША. Какъ, у васъ есть другая на примѣть?..

пудъ стахичь. Теперь нѣтъ-съ! А бывало!.. Какъ не бывать... съ градомъ!..

матреша. О! скажите мнѣ, кто она?.. я отыщу ее!.. я заставлю ее отказаться отъ васъ... я Зарема; а вы— Гирей!

пудъ стахичь. Какъ Гирей?

матреша. Да, Гирей!

пудъ стахичь. Не понимаю-съ!

матреша. Гирей былъ одинъ султанъ...

пудъ стахичь. Какъ одинъ султанъ, безъ шляпы?

матреша. Ахъ! Да это не такой султанъ. Вы не читали Бакчисарайскаго фонтана?

пудъ стахичь. Ну какъ нѣтъ-съ!

матреша. Жаль. Пойдите! курите трубку, вотъ такъ. *(уаживаетъ его, Пудъ Стахичь принимаетъ важное положеніе и въ то время, какъ она читаетъ, искоса взглядываетъ на нее и хохочетъ, стараясь удержать смѣхъ).*

«Гирей сидѣлъ потупя взоръ;

Январь въ устахъ его дымился...»

пудъ стахичь. Проказникъ, тоже вѣрно любилъ покурить... ха! ха! ха!

матреша. Вы удивительно какъ похожи на Гирей!

пудъ стахичь. Ха! ха! ха! Такъ стало быть онъ тоже былъ... съ градомъ!

матреша. Ну, а я на кого похожа, на Марію, или на Зарему?..

пудъ стахичь. А кто такія эти барышни?

матреша. Ахъ! я забыла, что вы не читали Бакчисарайскаго фонтана. Ну, слушайте.

пудъ стахичь *(совершенно подвинувшись къ ней)*. Слушаю-съ!

матреша. Гирей былъ султанъ; у него была жена Зарема, которая ужасно его любила,— вдругъ къ этому Гирею привезли Полячку Марію; Гирей измѣнилъ своей Заремѣ...

пудъ стахичь. Измѣнилъ! Да его бы фухтелями, негодного! ну, а вы-то, чего же хотите?

матреша. Я?.. Я хочу сдѣлать тоже, что сдѣлала Зарема; я отыщу мою соперницу!..

пудъ стахичь. Ха! ха! ха! къ чему беспокоить себя; признаться вамъ откровенно *(взявъ ее за талію)* вы мнѣ очень нравитесь!..

МАТРЕША (*разлижась*). Право, о, я это чувствовала!

«Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ,
До гроба ты хранитель мой...
Клянись же вѣрнымъ быть до гроба!

ПУДЬ СТАХИЧЬ (*становясь на колѣни*). На колѣняхъ, чортъ возьми съ градомъ!

ЯВЛЕНИЕ ХVIII.

ТѢ ЖЕ И АПОЛОНЪ ѠДУЛОВИЧЬ СЪ АГРАФЕНОЮ МИХѢВНОЮ,

АГРАФЕНА МИХѢВНА (*сплеснувъ руками*). Посмотрите Аполонъ Ѡдуловичъ, они на колѣнкахъ стоятъ!..

АПОЛОНЪ ѠДУЛОВИЧЬ. На колѣнкахъ, именно на колѣнкахъ... тово-съ... Чтобы это значило, тово-съ...

МАТРЕША (*увидя ихъ*) Ахъ!.. папилька и мамилька!.. встаньте! пудъ стахичъ (*вставал*). Тѣмъ лучше, съ градомъ, чортъ возьми!..

АПОЛОНЪ ѠДУЛОВИЧЬ (*женъ*). Смотри, и теперь съ градомъ тово-съ... а?.. И на колѣнкахъ—то все съ градомъ!..

ПУДЪ СТАХИЧЬ. Да! съ градомъ! я люблю все дѣлать разомъ, чтобъ кипѣло... по военному, что тутъ мѣшкать... мы объяснились съ вашей дочкой; я ей приглянулся, она мнѣ, ну и пошла писать... я сталъ на колѣни, а вы какъ и тутъ, съ градомъ!..

АПОЛОНЪ ѠДУЛОВИЧЬ. Съ градомъ тово-съ... (*женъ*) Смотри, вишь и мы съ градомъ, ха! ха! ха!..

АГРАФЕНА МИХѢВНА. Да что вы хохочете, Аполонъ Ѡдуловичъ? дѣло серьезное, а онъ тутъ... вы, какъ будто не отецъ...

ПУДЪ СТАХИЧЬ (*въ сторону*). А можетъ и правда!..

АПОЛОНЪ ѠДУЛОВИЧЬ. Да, что жъ я?... Я ничего... Что жъ мнѣ дѣлать. тово-съ... (*къ Пуду Стахичу*). Не пройтить ли намъ по водкѣ, тово-съ...

АГРАФЕНА МИХѢВНА. Полноте, стыдитесь!.. (*дочери*) Скажи мнѣ, моя красавица, тебѣ Пудъ Стахичъ нравится?..

МАТРЕША (*стыдливо*). Очень, мамаша!

ПУДЪ СТАХИЧЬ. Слышите?.. съ градомъ, чортъ возьми!

АГРАФЕНА МИХѢВНА. Если такъ, что жъ, я съ своей стороны не прекословлю—благословляю!

АПОЛОНЪ ФЕДУЛОВИЧЬ. И я... благословляю, тово-съ... я поздравляю!...

ПУДЪ СТАХИЧЬ. Вотъ это по нашему — просто съ градомъ, чортъ возьми!...

АПОЛОНЪ ФЕДУЛОВИЧЬ. Съ градомъ?.. Ха! ха! ха! тово-съ! все у него съ градомъ!

ЯВЛЕНИЕ XIX.

ТЪ ЖЕ И ТИХОНЪ ПСОИЧЬ (*скромно входитъ*)

АПОЛОНЪ ФЕДУЛОВИЧЬ. А, Тихонъ Псоичъ! чтожъ давеча не дождался меня, тово-съ?

ТИХОНЪ ПСОИЧЬ. Да дѣльцо было; вспомнилъ-то ужъ послѣ, вотъ теперь и зашелъ....

АПОЛОНЪ ФЕДУЛОВИЧЬ. И кстати; право кстати.... (*Иду Стал.*) это мой сослуживецъ, Тихонъ Псоичъ тово-съ. — Знаешь ли, братъ Тихонъ Псоичъ,—вѣдь у меня тово-съ, сватьба!...

ТИХОНЪ ПСОИЧЬ. Какъ, сватьба-съ?

ПУДЪ СТАХИЧЬ. Да, такъ любезнѣйшій я, женюсь на Матрени Аполоновнѣ—съ градомъ, чортъ возьми!

ТИХОНЪ ПСОИЧЬ. Съ градомъ?... Какъ же это-съ?... жени-тесь, съ градомъ?

АПОЛОНЪ ФЕДУЛОВИЧЬ (*смѣясь*). Ха! ха! ха! Ну вотъ и онъ не понимаетъ, тово-съ... это военная поговорка, тово-съ.

ТИХОНЪ ПСОИЧЬ. Не случилось слышать. Такъ вы изволяете жениться на Матрени Аполоновнѣ?

ПУДЪ СТАХИЧЬ. Да! прошу васъ на сватьбу!

ТИХОНЪ ПСОИЧЬ. Покорно васъ благодаримъ-съ! (*въ то время,*

какъ Пудъ Стахичъ разговариваетъ съ Апол. Фед. и Ар. Мих., онъ подходитъ къ Матрешѣ вытмаетъ изъ кармана письмо и тихо отдаетъ ей). Не лишнимъ считаю возвратить,...

МАТРЕША. Благодарю васъ!... (съ стороны) Теперь я спокойна.

АПОЛОНЪ ФЕДУЛОВИЧЪ. Знаете что? Теперь хорошо тово-съ—пройти разъ по водкѣ передъ обѣдомъ...

ТИХОНЪ ПСОИЧЪ. Разъ пройти не мѣшаетъ!... (обращаясь къ Пуду Стах. и Матр. Апол.) Съ благополучнымъ началомъ дѣла!... Извините! (пѣть)

ПУДЪ СТАХИЧЪ. Благодарю, почтеннѣйшій; только ужъ вы поздравите меня за столомъ чѣмъ нибудь по-лучше... чтобъ это было съ градомъ!...

ТИХОНЪ ПСОИЧЪ. Какъ съ градъ... да! да! знаю!

ЯВЛЕНІЕ XX, и послѣднее.

ТЪ ЖЕ П ФЕДОСЬЯ.

ФЕДОСЬЯ (вход). Кушанье подано.

АГРАФЕНА МИХѢВНА. Ну вотъ и прекрасно! Господа, милости просимъ за столъ! Тихонъ Псоичъ, съ нами кушать на радостяхъ.

ТИХОНЪ ПСОИЧЪ. Благодарю покорно-съ! Очень пріятно-съ (съ стороны) Да какъ же это?... Странно, ей Богу! за чѣмъ же ей давеча было писать такія обидныя слова...

АПОЛОНЪ ФЕДУЛОВИЧЪ. Тихонъ Псоичъ! пройдемся-ко разъ по водкѣ, тово-съ (пьютъ).

ПУДЪ СТАХИЧЪ (подходитъ къ Матрешѣ Аполлоновнѣ) Вашу ручку!

МАТРЕША (подаетъ ему руку).

ПУДЪ СТАХИЧЪ (подводитъ ея къ публикѣ) Мм. Гг. и Мм. Г-ни, имѣю честь представить вамъ мою нареченную жену, не правда ли, не дурна? А? съ градомъ, чортъ возьми.

МАТРЕША (поетъ).

Здѣсь можетъ быть наекучила вамъ я
 О Пушкинѣ толкуя и мечтая,—
 Но вѣрно вы не взыщете съ меня:
 Я молода и дѣвушка простая.
 Предъ вами я являюсь въ первый разъ—
 Я ни людей, ни свѣта не видала,—
 И потому спросить желала бъ васъ:
 Порядочно, или дурно я сыграла?...!

=

тѣхъ помы. Нѣтъ съ тѣмъ... въ явилъ

ВЪКЛОНЪ XX

П Р О С Т И.

Прости, прости! Настало время
Разстаться должно намъ съ тобой
Блѣзеть парусъ мой, и звезды
Заглисья въ тверди голубой.

*

О, дай усталой голову
Еще на грудь твою прилечь.
Въ послѣдній разъ облить слезами
И шолкъ волосъ и мраморъ плечь.

*

А тамъ разстанемся на долго;
Когда же мы сойдемся вновь —
Дитя! Въ сердцахъ быть можетъ холодъ
Замѣнить прежнюю любовь!

*

Быть можетъ, вмѣстѣ, все бывое
Тогда мы дерзко осмѣемъ....
Хотя украдкой другъ отъ друга
Слезу невольную прольемъ! —

*

Прости же другъ. Полна печали
Душа моя.... Но часъ насталь —
И въ путь нетерпѣливымъ плескомъ
Зоветь меня сердитый валъ.

А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

ОДИНЪ ИЗЪ МНОГИХЪ

ЭПИЗОДЪ ВТОРОЙ.

А н т о ш а.

Patet exitus.

Мораль Адама Вейсгаупта.

Къ нашей жизни не привились еще маскарады,—это старая истина—въ Москвѣ ли, въ Петербургѣ ли, они всегда необычайно скучны. Разговоры масокъ до нелѣпости пошлы. Языкъ ли ужъ нашъ виноватъ въ этомъ, другое ли что—только они никакъ не выходятъ изъ спряженія глагола: *знать*, и постоянно слышите вы: я тебя знаю, или я тебя узнала, повторяемая часто нѣсколько разъ одному и тому же лицу, вѣроятно за неимѣніемъ сказать ему ничего поважнѣе. Порой только мелькнетъ, какъ молнія быстрая и жгучая Французская фраза, сказанная страстнымъ шепотомъ, порой только маленькая ручка сожметъ съ неженскою силою чью нибудь избранную руку и за трауромъ маски, загорятся два огонька глазъ.... но это такъ рѣдко, такъ рѣдко — но это выпадаетъ на долю слишкомъ немногихъ, да и для этихъ немногихъ, даже слишкомъ необыкновенно подобное явленіе. Нѣтъ! не дались намъ страсти, мгновенно вспыхивающія, опалющія страсти—лѣжива Русская природа, просторъ любить Русская природа, просторъ во всемъ, даже и въ любви. Эта страсть къ простору дѣлаетъ

нашихъ порядочныхъ людей самыми порядочными людьми на свѣтѣ, порядочнѣе даже Англичанъ, которые зѣваютъ отъ пресыщенія, тогда какъ мы зѣваемъ отъ благодушнаго устройства организма, — но Богъ съ ней съ этой порядочностью, — какъ часто, страдая позвоною пресыщенія, но пресыщеніемъ зѣвоты, хотѣлъ бы вѣроятно каждый изъ насъ быть въ состояніи хоть чему нибудь удивляться, въ противность совѣту древняго.

Посмотрите пожалуйста, вотъ въ этой огромной залѣ большого театра движется съ полсотни паръ, медленно, лѣниво прохаживающихся взадъ и впередъ подъ бѣсовски-неистовые звуки, раздающіеся съ верхняго балкона, вотъ впереди всѣхъ, господинъ съ Анною на шеѣ, съ страшно отъѣвшеею физиономіею, и объ руку съ нимъ темно-коричневое женское домино, съ вальными движеніями, съ тяжелой ступней нѣмки... о нѣмки, нѣмки!... въ какую полусонную минуту создаетъ васъ вѣчная мать—природа, утомившаяся разнообразіемъ рѣзкихъ южныхъ профилей! И чѣмъ бы кажется не женщины—чудесный бюстъ, правильное очертаніе лицъ, идеально правильное и на каждомъ лицѣ печать казенной чувствительности, но глаза... глаза, въ этихъ большихъ, голубыхъ, вѣчноспокойныхъ глазахъ вамъ уже нечего искать съ самой первой минуты, какъ вы ихъ увидѣли,—эти глаза—пожалуй чисто небесные, но вѣдь—чѣмъ ближе къ небу—холоднѣе, говоритъ пословица. И эта рѣчь, эта рѣчь, приторно сладкая, не частая, не разсыпчатая рѣчь француженки, неполногласно—пѣвучая рѣчь южной женщины, не лѣнивая даже, но полная соблазна рѣчь Русской женщины, а нѣмецкая рѣчь, пересыпанная вѣчными Ach! и до безконечности протянутыми ja... о нѣмки, нѣмки! онъ только тогда и хорошъ, когда погибаютъ рано, какъ все геровни Шиллера — но бѣда, истинная бѣда, когда нѣмка дожидается уже до того возраста, когда она узнаетъ толкъ въ безтолковомъ Жанъ-Поль. О! тогда она замучитъ себя и другихъ приторной аффектаціею чувства, она пересластитъ самую любовь до того, что нужна дѣтская страсть къ конфетамъ, чтобы понять эту любовь, она изъ каждаго мелкаго чувства, слѣзаетъ маленькое чудовище на муку ей самой и другимъ, разумья подъ этимъ другимъ не нѣмцевъ. Нѣмцевъ сама природа создаетъ для нѣмокъ...

Но я увлекся, я началъ маскерадомъ и пишу о нѣмкахъ. Не виновать—что-же дѣлать, когда нѣтъ Русскихъ женщинъ. Гдѣ они—давайте ихъ, Русскихъ женщинъ?.. Мы

не видали еще Русскихъ женщинъ. Въ Москвѣ и Петербургѣ есть барышни, въ Москвѣ есть барыни, въ Петербургѣ есть чиновницы; но ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, нѣтъ женщинъ, не родятся женщины—почва такая! А если и появится женщина, то вѣдь и тамъ и здѣсь, по слову Пушкина—она незаконная комета, въ кругу расчисленномъ свѣтить.

Званинцевъ скучаль не выноσιμο, ходя объ руку съ какою то, схваченною имъ на лету женскою маскою и слушая ея догматическія, заказныя *Liebe leien*.

Наконецъ, остановясь съ ней недалеко отъ главнаго входа и направивши лорнетъ на ложу бельэтажа, онъ очень не церемонно снялъ ея руку съ своей.

—*Du laszt—mich.... schäme dich!* съ невыносимою нѣжностью сказала его маска, но не получа отвѣта, тотчасъ же схватила руку довольно толстаго господина съ лысиной на головѣ, сказавши—*ich kenne dich*.

Въ ложь, на которую былъ направленъ лорнетъ Званинцева, стоялъ опершись на балюстраду молодой человекъ. Онъ смотрѣлъ внизъ, ища, казалось кого то глазами, и наконецъ быстро вышелъ изъ ложи.

— А! почти вслухъ сказалъ Званинцевъ, надвинувъ шляпу и сядясь на балюстраду одной ложи бенвуара.

Взглядъ его вскорѣ отыскалъ опять молодаго человека, который, сошедши съ лѣстницы изъ бельэтажа въ залу, почти тотчасъ же подаль руку маленькому блѣному домино и вмѣшался съ нимъ въ толпу.

Званинцевъ оборотился къ капуцину стоявшему не далеко отъ него и давно уже не подвижному, какъ статуя.

—Послушай, сказалъ онъ ему довольно тихо. Тотъ не отвѣчалъ.

—Антонъ Петровичъ, громче повторилъ Званинцевъ.

Капуцанъ, невольно вздрогнуль, Званинцевъ улыбулся.

—Ты задумался не на шутку, продолжалъ онъ.

А что? равнодушно спросилъ тотъ.

—Вотъ что, сказалъ Званинцевъ. Тебѣ все равно быть, замаскированнымъ или не замаскированнымъ?

—Почти... меня никто здѣсь не знаетъ.

—Такъ дай мнѣ пожалуйста твоего домино?

—Пожалуй—за чѣмъ тебѣ?

—Мнѣ это нужно.

И они вышли вмѣстѣ.

Почти вслѣдъ за ихъ уходомъ, явился молодой чело-

вѣкъ съ маленькимъ домино. Молодой человекъ, былъ Сѣвскій.

—Знаете ли Лиди, говорилъ онъ своей спутницѣ печальнымъ тономъ, знаете ли, что вамъ грѣхъ меня такъ мучить?

—Васъ мучить, повторила со смѣхомъ дѣвочка—развѣ я васъ мучу?

—Если бѣ вы знали, продолжалъ онъ, чего мнѣ стоило быть сегодня здѣсь... о Лиди! пожалуйте обо мнѣ, если вы меня точно любите.

—Мнѣ васъ жаль, сказала холодно его маска.

—Да я сказалъ впрочемъ не съ тѣмъ, чтобы вы обо мнѣ жалѣли.... Мнѣ ужъ теперь все равно, отвѣчалъ Сѣвскій, съ какой то отчаянной рѣшимостью.

—Право? засмѣялась Лиди... вамъ все равно, говорите вы, вамъ все равно—а ваша матушка...

—Лиди, Лиди—говорилъ Сѣвскій страстно, вы знаете, что я люблю васъ, вы этому вѣрите, вы должны этому вѣрить.

Съ ними поравнялся почти въ эту минуту капуцинъ и пропустилъ ихъ впередъ.

О! да, я вамъ вѣрю, Сѣвскій, прошептала разсѣянно Лиди... но что вы такъ странно смотрите?

— Этотъ капуцинъ — сказалъ ей на ухо Сѣвскій, съ видимымъ волненіемъ.

— Ну что же? спросила она, и засмѣявшись, опять показала свои хорошенькіе зубки.

— Если этотъ капуцинъ — Званинцевъ?

Лиди робко взглянула въ сторону, но капуцинъ исчезъ,

— Такъ чтоже намъ до него? сказала она наконецъ.

— Что?... Я ненавижу этаго человека, Лиди,... онъ безпрестанно слѣдитъ за вами.

— Слѣдитъ за мной? съ трепетомъ спросила Лиди.

— Бываютъ минуты, когда мнѣ хочется убить его, сказалъ Сѣвскій.

Сѣвскій и Лиди исчезли снова въ толпѣ.

Здравствуй Воловской, сказалъ капуцинъ, подходя къ своему пріятелю, разговаривавшему съ человекомъ, котораго лысина показывала съ перваго раза его солидность.

— Здорово, отвѣчалъ Воловской, пожимая его руку. Что тебѣ за охота нарядиться шутомъ!

— Такъ; мнѣ надобно кланяться разнымъ господамъ.

— Отсюда ты куда? спросилъ Воловской, зѣвая.

- Въ клубъ, конечно — а ты.
- И я тоже. Да вотъ въѣсть, втроемъ господа отпра-
вимтесь, продолжалъ Воловской, обращаясь къ своему собе-
ѣднику... Рекомендую вамъ Степанъ Степановичъ, моего
пріятеля Званинцевъ... Званинцевъ! Степанъ Степановичъ,
мой начальникъ.
- И хорошій пріятель, добавте, сказалъ человекъ съ
лысиною, подавая руку Званинцеву. Я давно хотѣлъ съ ва-
ми познакомиться, обратился онъ къ Званинцеву.
- Званинцевъ поклонился.
- Не родня ли вамъ, началъ онъ — молодой Сѣвскій...
- Николаша? спросилъ толстякъ.
- Кажется — отвѣчалъ — Званинцевъ.
- А вы почему его знаете? онъ мой родной племян-
никъ, сынъ моего брата.
- Я съ нимъ видѣлся въ одномъ домъ, сказалъ Зва-
нинцевъ.
- А! вѣрно у Мензбира?
- Вы угадали.
- Охъ ужъ мнѣ этотъ домъ! сказалъ толстякъ, сжа-
вши губы. Вамъ и Воловскому, разумется, ничего быть гдѣ
угодно, но Николаша... Хоть бы вы его остановили пра-
во — а кстати, какъ звать васъ по имени и по отчеству,
добавилъ онъ, нюхая съ разстоювкою табакъ изъ серебря-
ной табакерки
- Иванъ Александровичъ, отвѣчалъ за Званинцева Во-
ловской.
- Ну да, хоть бы вы его остановили, право Иванъ
Александровичъ. Я ужъ ему говорилъ, да что? насъ стари-
ковъ не слушаютъ. Матушка его — хоть и родня моя, а
баба вздорная, — ничего не умѣетъ дѣлать толкомъ. По-
дыметъ всегда содомъ такой, что Боже упаси — а путнаго
ничего не сдѣлаетъ. А Николашу право жаль, я его люб-
лю, малой славный.
- Я его кажется видѣлъ сегодня, сказалъ Званинцевъ
какъ будтобъ отклоняя разговоръ.
- Гдѣ?
- Здѣсь, спокойно отвѣчалъ Званинцевъ — и тотчасъ
же отошелъ отъ Воловскаго.
- Куда ты? спросилъ его тотъ.
- Но Званинцевъ исчезъ уже въ толпѣ.
- Такъ онъ здѣсь? замѣтилъ какъ-бы про себя тол-
стякъ... какъ бы его встрѣтить право?

— Чтожъ, пойдѣте на счастье, сказалъ Воловской.

Они пошли.

Черезъ нѣсколько минутъ, имъ въ самомъ дѣлѣ попался молодой Сѣвскій объ руку съ Лиди.

— Да, говорилъ онъ съ жаромъ, я знаю, что когданибудь одинъ изъ нихъ непременно столкнется съ другимъ, я это знаю — и тогда....

— Кто это столкнется, мой любезнѣйшій и съ кѣмъ? перерывалъ его вовсе неожиданнымъ смѣхомъ чей то знакомый голосъ.

Онъ остолбенѣлъ... Прелъ намъ стоялъ его дядюшка и очень добродушно хохоталъ, показывая на Лиди чуть не пальцемъ.

— Ага, попался другъ? продолжалъ онъ — молодецъ право! кто это съ тобой.

— Дядюшка.... съ досадою началъ Сѣвскій.

Ничего, ничего — говорилъ Степанъ Степановичъ — я тебя мѣшать не буду, это все братецъ ничего, на все это мое тебя разрѣшеніе... Вотъ только къ Мензбиру.

— Лиди вспыхнула подъ маской, и почти насильно повлекла молодого Сѣвскаго дальше отъ хохотавшаго Степана Степановича.

— И я должна это слышать, почти вскричала она — и изъ-за васъ суларь, изъ-за васъ...

— Сѣвскій былъ уничтоженъ,

Лиди, началъ онъ покорнымъ голосомъ — требуйте отъ меня чего хотите, но скажитесь надо мною... Есть вещи выше силъ моихъ.

— Я ничего не требую, сухо отвѣчала Лиди — и бросивши его руку, подбѣжала быстро къ женской маскѣ.

Пойдемте тетюшка, сказала она повелительно, и схватила за руку маску.

— Здравствуйте Лидія Сергѣевна, сказалъ ей почтительнымъ голосомъ Позвонцевъ, стоявшій въ двухъ шагахъ отъ нея — я васъ узналъ.

— А! это вы, здравствуйте, язвѣнно отвѣчала Лидія.

— Куда вы спѣшите? началъ опять тотъ.

— Пора, мнѣ скучно.... впрочемъ,... я останусь, пойдѣте со мною. И схвативши руку Позвонцева, она пошла съ нимъ быстро мимо блѣднаго Сѣвскаго, который сложивши руки на груди прислонился къ эстрадѣ.

— Послушайте, другъ вашъ здѣсь, начала Лидія, съ особенно злымъ удареніемъ на словѣ другъ.

— Здѣсь — если вы такъ называете Званинцева, тихо и грустно отвѣчалъ Позвонцевъ.

— Какъ же иначе? вы съ нимъ всегда вмѣстѣ.

— Чтожъ вы не добавляете, что онъ мой *благодѣтель*, съ горькой улыбкой замѣтилъ Позвонцевъ.

— Благодѣтель? съ удивленіемъ сказала Лидія.

— Неужели вы объ этомъ не слыхали? отвѣчалъ Позвонцевъ тѣмъ же грустнымъ тономъ—ну, такъ я вамъ скажу это, не смотря на то, что терпѣть не могу всякихъ благодѣяній... Да, Званинцевъ спасъ меня, продолжалъ онъ равнодушно — гордо.

— Ахъ Боже мой, что мнѣ за дѣло до этаго? съ нетерпѣніемъ перервала Лиди.

Позвонцевъ грустно взглянулъ на нее.

— Такъ вамъ до этаго вовсе нѣтъ дѣла? спросилъ онъ. Впрочемъ — это и понятно, — что вамъ до меня, вамъ которой ни до кого нѣтъ дѣла.

Лиди посмотрѣла на него пристально. Въ его тонѣ слышалось что-то странно — грустное.

— Но вотъ и онъ, сказалъ Позвонцевъ, увидѣвши не далеко капуцина — передаю васъ ему, прибавилъ онъ съ поклономъ.

— О нѣтъ, нѣтъ — прошептала Лиди, сжимая невольно его руку.

Но Званинцевъ уже стоялъ подлѣ нея и предлагалъ ей свою руку. Она не могла не пойти съ нимъ.

Ну-съ, гдѣ же вашъ Сѣвскій, беззаботно спросилъ Званинцевъ, неужели *дядюшка* былъ такъ неучтивъ... чтобы...

— И такъ это вы, это все вы, сухимъ и рѣзкимъ тономъ отвѣчала дѣвочка.

— Да я — и все я и вездѣ я... со смѣхомъ возразилъ Званинцевъ.

— Я васъ ненавижу, съ силою прошептала Лидія.

— Благодарю васъ. Но согласитесь однако, что я говорилъ вамъ всегда правду, моя бѣдная Лиди, сказалъ онъ съ участіемъ, смотря на нее пристально. Васъ продадутъ, мой бѣдный ребенокъ, продадутъ, при первомъ *опасномъ* случаѣ.

— Я его люблю, опять прошептала Лидія — слышите ли вы, я его люблю.

— Можете, спокойно отвѣчалъ Званинцевъ... Впрочемъ, и я его очень люблю.

— Я это знаю... съ досадою замѣтила Лидія.

Только по своему, равнодушно продолжалъ онъ, — надобно, чтобъ онъ самъ узналъ, до какой еще степени онъ ребенокъ. Онъ, кажется собирается убить меня — по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ послышалось. Къ сожалѣнію, ему не удастся даже и этаго — бьюсь объ закладъ; на это все таки нужна твердость... хоть руки пожалуй.

Лидія вырвала свою руку изъ руки Званинцева и схвативши тетку увлекла ее къ выходу.

Званинцевъ уѣхалъ въ клубъ.

Сѣвскій тоже исчезъ.

Однѣ Позвонцевъ долго еще стоялъ у балюстрады прикованный глазами къ выходу . . . . .

Было три часа ночи. Около часу уже Позвонцевъ, не раздвываясь, сидѣлъ въ большихъ креслахъ въ кабинетъ Званинцева. Взглядъ его былъ дикъ и мутенъ; наконецъ онъ обмахнулъ лобъ рукой, какъ человекъ, желающій согнать упорно засѣвшую въ голову мысль.

Такъ! то, въ чемъ искалъ онъ спасенія, стало для него источникомъ муки. Что изъ того, что этотъ человекъ, насмѣшливый, суровый и гордый со всеми—не стыдится передъ нимъ плакать пожалуй,—что изъ того, что онъ самъ, когда то рабъ и приспѣшникъ Сапогова, когда то полупомѣшанный Антоша—теперь имѣетъ полную возможность и думать и грезить, сколько душъ угодно, что изъ того, что ему не отвратительно теперь возвращаться домой — все таки—онъ погибъ, онъ погибъ потому, что никогда, никогда не удастся ему высказаться, что нѣчто гнѣтеть и давить его и мѣшаетъ ему высказаться.

А можетъ быть и ошибка, это желаніе высказаться... какія въ самомъ дѣлѣ формы бытія ему еще нужны? Онъ свободенъ, онъ не связанъ ни чѣмъ даже нравственно, ибо всѣ старыя связи имъ разорваны, а Званинцевъ всего меньше хочетъ ограничивать его произволь. Ужъ точно—если въ немъ его собственная личность, какъ приходила ему мысль въ былые годы?

Но это желаніе, но это стремленіе, эта тоска безвыходная и это чувство своего духовнаго превосходства? Но это прошедшее, все полное мукъ и пытокъ, это прошедшее, съ самаго дѣтства залитое слезами... Нѣтъ, нѣтъ, для него еще придетъ часъ освобожденія, часъ примиренія; за

эти муки, судьба еще должна заплатить счастьемъ. Иначе, что же послѣ этаго упованія живой души?

Прошедшее, грустное прошедшее... Вотъ передъ нимъ какъ Китайскія тѣни, мелькаютъ картины этаго прошедшаго.

Вотъ опять передъ нимъ маленькія комнаты въ одномъ изъ отдаленныхъ угловъ Москвы—вотъ опять цѣлый однообразно-глупый, страшный день. Ему восемнадцать лѣтъ, бѣдному малому, а ему каждое утро чешутъ головку костянымъ гребнемъ за догматическимъ чаемъ: ему больно физически, ему больнѣе нравственно,—но костяной гребень все таки чуть не до крови чешетъ его голову, и лютяся неумолкающія жалобы изъ устъ больной матери—бѣдная, больная женщина! Вотъ опять передъ нимъ ея бѣдное, изможденное страданіемъ лице, ея лихорадочно-блестящія глаза, ея бѣззвенная злость—и ему хочется рыдать о ней, его бѣдной матери, о ней, которая мучила его всѣми истязаніями пытокъ... И вотъ опять, кажется является вѣчно пьяный поваръ, и отецъ его въ задумчивости, начинаеть ходить по комнатѣ—изобрѣтая кушанья... а Антошъ тяжело смотрѣть на эту задумчивость, онъ знаетъ, что при первомъ неудачномъ желаніи какого нибудь кушанья, мать не утерпитъ, чтобы не сказать что нибудь очень язвительное и отецъ вспыхнетъ, покраснѣетъ, раскричится—и разстроенный, пойдетъ въ свою тяжелую должность. И у бѣднаго ребенка сжимается сердце—и еще больше сжимается оно, когда по уходѣ отца, мать начинаеть свои безконечныя мовологи объ отцѣ, о томъ, какъ онъ ничего беречь не умѣетъ, о томъ, что онъ живетъ только въ своихъ родныхъ. И она плачетъ, она дѣйствительно плачетъ, она искренно страдаетъ, бѣдная больная женщина,—но она не въ силахъ понять, что отъ этихъ монологовъ съ каждымъ днемъ худѣетъ и худѣетъ сынъ, она еще спрашиваетъ, отъ чего дрожатъ какъ на проволокахъ его руки, не могушія удержать чайной чашки. Но онъ вырвался наконецъ... онъ тамъ, куда рвался давно,—онъ сидитъ на лавкѣ противъ каменды, онъ слушаетъ, онъ усердно слушаетъ — ибо это его единственно спокойныя минуты; въ головѣ его совершается умственный процессъ, идея вьжется за идею, великолѣпное знаніе является предъ очами духа... но Боже, Боже — нѣтъ основы у этаго знанія, и оно рушится, и передъ нимъ бездна, страшная бездна и передъ нимъ невозможность знанія... И вотъ раздается голосъ,—его зовутъ: онъ бѣднѣетъ, онъ трепещетъ; ибо знаетъ, что хотъ здѣсь долженъ онъ быть пер-

вымъ, ибо онъ честолюбивъ и гордъ блдный ребенокъ. И за то, какими муками искупаетъ онъ минуты своихъ академическихъ торжествъ! Онъ готовъ до безконечной преданности привязываться къ глашатаямъ истины, онъ думаетъ еще, что есть люди, которые больше его разумють цель жизни, онъ винить себя за то, что не видитъ цели въ мертвыхъ отвлеченіяхъ науки, онъ презираетъ самаго себя, онъ рыдаетъ цѣлыя ночи, онъ мучитъ себя цѣлыя дни надъ книгами... а взглядъ его на жизнь не просвѣтлѣлъ насколько.

И предстаетъ ему иная сфера жизни. Онъ уже понялъ, что обманъ, что лицемеріе, вся эта научная дѣятельность—и онъ усвоилъ себя этотъ обманъ, онъ стяжалъ себѣ имъ уваженіе глупцевъ и дружбу лицемеровъ. Онъ подаетъ большія надежды, блдный ребенокъ—бѣда въ томъ только, что на вечерахъ извѣстныхъ кружковъ еще не играетъ онъ въ проферансъ, по причинѣ весьма естественной, потому что ему не на что играть, потому что его касая, точно такъ же какъ прежде, каждое утро повѣряется матерью, по окончаніи обыкновенной операціи костянаго гребня... Ну, да это еще ничего, что онъ не играетъ въ проферансъ, за то онъ хорошо разсуждаетъ, обо всемъ разсуждаетъ, объ астрономіи пожалуй, которой онъ никогда не учился,—за то онъ прекрасная душа, за то онъ примѣрный сынъ, солидный молодой человекъ.

И вотъ изъ-за множества фантазмагорическихъ призраковъ съ длинными носами, съ догматическими физиономіями—мелькаетъ легкій, воздушный образъ дѣвочки. Лице ея еще очень простодушно и мило, голубыя глазки смотрятъ такъ преданно, такъ покорно—и она какъ и многіе замѣчаетъ часто слѣды нравственныхъ страданій на лицѣ молодаго человека, но она одна высказываетъ ему это почти прямо: «о! я знаю, вы часто плачете.» говорить ему она своимъ дѣтскимъ голосомъ,—вѣдь это смѣшно, смѣшно, Боже мой! что женщина уличаетъ мужчину въ слезахъ, но вспомните, что этотъ мужчина, больной ребенокъ, истерзанннй нравственными пытками. И пусть рѣчи этаго ребенка—полны часто злой провнн, пусть въ иную минуту, въ иной вечеръ дѣвочка въ состояніи подчиниться тягостному вліянію этихъ рѣчей, въ состояніи грустить сама и говорить ему объ этомъ простодушно—откровенно—все же онъ ребенокъ, все же, вѣдь она же потомъ скажетъ ему: вы много читали... мало жили.

И ночь, ночь волшебная, рѣдкая, прозрачная ночь передъ

взоромъ Позвонцева—ночь, какую можно видѣть только въ грезахъ дѣтства,—и тихое качанье кареты и робкій, и грустный взглядъ дѣвочки, которой впервые открылъ онъ, что она—женщина, которой еще не вѣрится это...

О, за чѣмъ, за чѣмъ исчезъ этотъ дѣтскій профиль, эта простодушная покорность—за чѣмъ вызвалъ онъ самъ эти прозрачно-блѣдные черты, эти бользненно-сверкающія очи; за чѣмъ онъ долженъ быть ея демономъ. Но онъ будетъ имъ, онъ имъ будетъ—онъ будетъ демономъ, если она можетъ любить только демона.

И призраки смѣшались—и прошедшее исчезло, и Позвонцевъ глухо рыдалъ все о немъ о прекрасномъ, легкомъ призракъ...

Ибо, что такое теперь въ самомъ дѣлѣ вся жизнь его?.. Не конченная драма, остановившаяся на четвертомъ актѣ... Все развитіе совершено,—оставалось пережить только катастрофу, а ее то и не было. Бѣдная, странная жизнь, скептической вопросъ безъ разрѣшенія...

И что жъ теперь?.. о! онъ въ состояніи проклинать ту минуту, когда онъ былъ спасенъ Званинцевымъ... Пусть онъ вѣженъ съ нимъ какъ женщина, этотъ человѣкъ—все равно, онъ спасъ его—и они неравны. Есть человѣкъ, котораго невольно долженъ Позвонцевъ признать по крайней мѣрѣ хотъ своимъ старшимъ братомъ. А онъ опять влюбленъ, влюбленъ страстно и безумно—за чѣмъ станетъ онъ скрывать это отъ себя? Да, онъ влюбленъ; но имѣетъ ли право на любовь? Онъ ужеслишкомъ старъ, чтобы подчиниться женщинѣ, — онъ еще слишкомъ молодъ, чтобы подчинить ее себѣ. Нѣтъ, нѣтъ — вонъ, съ корнемъ вонъ эту страсть изъ сердца, эту глупую безразсудную страсть. Онъ не долженъ больше любить, потому что не можетъ любить по своему. Такъ — такъ — и онъ покоренъ этому рѣшенію рока, но что же осталось ему? Жизнь такъ пустынна, такъ печальна, — будущаго нѣтъ болѣе, остается одно прошедшее, мучительное своей безвозвратностію.

Позвонцевъ поднялъ наконецъ голову и вперилъ свой мутный взглядъ въ пару пистолетовъ, висѣвшихъ на стѣнѣ.

— Да, это такъ, сказалъ онъ шепотомъ, это такъ — рано или поздно.

— Но — не теперь, раздался за нимъ звучный, знакомый голосъ.

Позвонцевъ вздрогнулъ.

— Я тебя поймалъ, сказалъ тихо Званинцевъ, положивши руку на его плечо.

Позвонцевъ глухо рыдалъ, закрывши лице руками.

— Послушай, продолжалъ кротко Званинцевъ — я тебя знаю какъ свои пять пальцевъ, но теперь, признаюсь тебѣ, я не могу догадаться, что тебя такъ взволновало.

Оставь меня ради Бога, не спрашивай меня, процепталъ Позвонцевъ.

— Я не люблю лгать, началъ опять Званинцевъ, садясь въ кресла и складывая на грудь руки — я не люблю лгать, ибо увѣренъ, что ложь слишкомъ вредна. Правдѣ, надобно смотрѣть всегда прямо въ лице. Прикажешь мнѣ, за тебя догадаться о твоёмъ внутреннемъ разстройствѣ?

Позвонцевъ опустилъ глаза въ землю передъ его испытующимъ взглядомъ.

Званинцевъ видѣлъ это. Ну да, сказалъ онъ тихо и грустно — я зналъ это, тебѣ тяжело быть обязаннымъ даже мнѣ.

Позвонцевъ вскочилъ съ мѣста и началъ ходить по комнатѣ.

— Чтожъ? продолжалъ Званинцевъ такъ же скорбно — твоя воля! Видно ужъ мнѣ суждено идти по жизни одному, видно ужъ ни на чью грудь не склонить мнѣ головы... я былъ съ тобой откровененъ, какъ съ любимой женщиной, я былъ — да — я былъ съ тобой счастливъ, — я, старый волкъ въ людской толпѣ, нашелъ въ тебѣ семейство — и вѣрь мнѣ братъ, сказалъ онъ съ глубокимъ чувствомъ — только въ это последнее время возвращался я не съ омерзениемъ подъ своей домашней кровъ — и только въ это последнее время я былъ меньше золъ на людей. Но я сказалъ тебѣ — твоя воля! Тяжело, и тебѣ и мнѣ тяжело будетъ жить однимъ, — но ужъ лучше же выносить тяжесть жизни, чѣмъ лгать, какъ рабы.

Позвонцевъ грустный и блѣдный, качалъ головою.

— Нѣтъ, началъ онъ наконецъ съ усиленіемъ — я самъ не могу тебя оставить, я привыкъ къ тебѣ, я тебя люблю... Видно такъ ужъ должно, прибавилъ онъ тихо.

— И такъ?

— Что бы ни было — я остаюсь.

— По свободному избранію.

— Благодарю, сказалъ Званинцевъ — ты и самъ не знаешь, какъ ты много дѣлаешь мнѣ добра.

— Да, отвѣчалъ медленно Позвонцевъ, — можетъ быть —

но почему я осужденъ встрѣчать въ жизни только высшихъ или низшихъ, а никогда равныхъ. Впрочемъ, это очень глупый вопросъ, прибавилъ онъ съ принужденнымъ смѣхомъ. Видно такъ ужъ надо

Вотъ передъ нами опять маленькая, чистая комнатка Сѣвскаго—и ничто не измѣнилось въ ней, — полъ кажется выметенъ только еще чище, да на столѣ прибавилось множество бездѣлушекъ—большею частію, работы нежныхъ рукъ—кузинъ вѣроятно.

—Но—бѣдный Сѣвскій, какъ онъ исхудалъ, какъ страшны его впалыя щеки, зеленый цвѣтъ лица, обметанныя дихорадкой губы, какъ уныло смотрять его свѣтлые глаза, какъ резко обозначились угловатыя линіи лба.

Бѣдный молодой человѣкъ!—бѣдное, любимое дитя природы, истерзанное людскими отношеніями; — не отвязной людской любовью, идущей всегда на переکورъ любви вѣчной матери, на переکورъ здравому смыслу человѣка!

Въ самомъ дѣлѣ—человѣкъ, существо разумное и свободное, существо высшее по своей организаціи, и потому имѣющее полное право на жизнь, сообразную съ его высшими потребностями—это существо, вслѣдствіе какой-то странной путаницы, должно ограничивать свои желанія, уничтожать свои потребности. Природа его требуетъ любви—и кажется, не все ли прекрасное стоитъ любви, равно можетъ быть ея предметомъ и источникомъ. Нѣтъ! первыя впечатлѣнія, первыя наклеенныя понятія ограничили взглядъ человѣка, давай ему не вообще прекраснаго, но такого прекраснаго, какого онъ привыкъ ожидать и желать по понятіямъ того кружка, въ которомъ онъ живетъ. Мало этаго. Онъ наконецъ встрѣтилъ прекрасное, имъ самимъ избранное прекрасное, онъ наконецъ остановился передъ избранной женщиной — и готовъ сказать ей слово любви, слово союза. И что же? ему—котораго мысль, въ единое мгновеніе облетаетъ безконечное пространство—ему, говорить другіе люди—«она не пара тебѣ» или «она не можетъ быть твоею, ибо предназначена другому.» — и пусть человѣкъ и женщина любятъ другъ друга такую любовью, которая въ состояніи уничтожить и ихъ самихъ и всѣ возможныя отношенія—попробуй они повѣрить въ силу этой любви!.. Нѣтъ силы, которую не уничтожили бы постоян-

ныя, муки и расчетливыя пытки — нѣтъ любви, которой не залили бы собственныя, выдавленные слезы.

Сѣвскій сядьлъ у стола, сжимая голову руками.

Дмитрій Николаевичъ! послышался изъ другой комнаты пронзительный и дребезжащій голосъ.

Сѣвскій не слыхалъ... онъ былъ слишкомъ углубленъ въ самаго себя.

—Дмитрій Николаевичъ, а Дмитрій Николаевичъ—снова раздался тотъ же голосъ, но гораздо повѣлительнѣй и строже. Я васъ зову.—

И вслѣдъ за этимъ въ растворившіяся двери, показалась голова матери.

—Да что ты, оглохъ что ли? сказала она, подходя наконецъ къ нему и грозно сверкая лихорадочными глазами.

Сѣвскій поднялъ голову; лице его горѣло.

—Виноватъ маменька, прошепталъ онъ, у меня голова болитъ.

Голова болитъ! вскричала мать, и что то похожее на чувство сожалѣнія, блеснуло на ея лицѣ. Она быстро приложила свою худую, костявую руку къ головѣ Сѣвскаго.

—Да, ты весь въ жару Митинька, начала она... Вотъ то-то мой голубчикъ, по ночамъ-то рыскаешь до свѣту. Погубишь ты себя со всѣмъ, со всѣмъ погубишь Дмитрій Николаевичъ, и оставишь меня одну. Ужъ я и такъ мало радости-то на свѣтѣ видѣла, а тутъ.—

Она не договорила—слезы градомъ полились по морщинамъ ея блѣднаго исхудалаго лица.

—Маминька—страдающимъ тономъ сказалъ Дмитрій, покрывая поцалуями ея руки—да полноте, полноте маминька.

Не жалешь ты меня, дружочикъ мой, говорила она рыдая. Вишь, продолжала она съ сердцемъ, голова то такъ и горитъ. Гдѣ былъ вчера цѣлую ночь мой батюшка. Знаю, знаю—не вертись, не лги, грѣхъ передъ матерью вертѣться—мнѣ дялюшка все сказывалъ, все.

И голосъ ея задрожалъ отъ гнѣва при послѣднихъ словахъ.

Знаю, гдѣ в вечеря то сидишь Дмитрій Николаевичъ, начала она опять, садясь на диванъ и утирая платкомъ слезы. Что жъ, твоя воля—я тебя не удерживаю, погуби мать, погуби—я ужъ и такъ на свѣтѣ мученица.

Сѣвскій молчалъ и тяжело дышалъ, какъ человекъ, у котораго на груди лежитъ тяжелый камень.

Послышался звонъ колокольчика.

—Небось, къ тебѣ несетъ нелегкая, язвительно замѣтила мать. Вотъ дожила до какого времени? И съ сыномъ поговорить не дадутъ, Ну, что жъ ты, вскричала она, приподнимаясь съ гнѣвомъ—поди, принимай своихъ гостей.

—Г. Званинцевъ, доложила входя рыжая дѣвка.
Сѣвскій поблѣднѣлъ.

—Это не ко мнѣ, сказалъ онъ съ живостью—я его не звалъ.

Да я то его звала, отвѣчала мать насмѣшливо. Конечно ужъ не къ тебѣ онъ прїѣдетъ, къ мальчишкѣ...

—Маменька, маменька. Да не вы ли... съ нервною дрожью началъ Сѣвскій.

—Что не я ли? что не я ли? сказала мать съ возрастающимъ бѣшенствомъ. Званинцевъ не твоимъ мерзавцамъ чета: я его не знала, такъ и говорила о немъ прежде, что и онъ такой же. У меня смотри, быстро закричала она—выдь къ нему.

Вся кровь бросилась въ голову Сѣвскому... онъ упалъ безъ чувствъ на кресла.

Когда онъ очнулся, передъ нимъ стоялъ Званинцевъ съ ласковою и грустною улыбкою.

—Вы больны, началъ онъ, взявши съ состраданіемъ его руку—

Сѣвскій выдернулъ руку и прошепталъ—оставьте меня.

—Вы видите, сказалъ Званинцевъ уныло—ваше сопротивленіе тщетно, вы въ моей власти — я вамъ говорю это, я вамъ это доказываю.

Барвара Андреевна, обратился онъ спокойно къ вошедшей матери Сѣвскаго,—вашъ сынъ боленъ, пошлите за докторомъ . . . . .

Мензбиръ, быстрыми шагами ходилъ по желтой комнатѣ. Его сѣдые волосы поднялись какъ щетина, ноздри раздулись—отъ гнѣва и волненія, на лбу его показались морщины.

Лидія сидѣла у рояля, безопасно закинувъ голову за спинку стула и по временамъ перебирала клавиши рукою.

—Да тебѣ что ли я говорю, или нѣтъ? вскричалъ наконецъ Мензбиръ судорожно, сжимая кулаки и останавливаясь передъ нею.

Лидія презрительно улыбнулась.

—Я вамъ сказала, равнодушно отвѣчала она — будетъ съ васъ.

Лидка! закричалъ Мензбирь—ближе и ближе подступая къ ней.

—Что это!.. вскричала Лидія... о! вамъ не удастся! и съ этимъ словомъ, она съ быстротою молніи вскочила съ своего мѣста и была уже на балконѣ.

Мензбирь топнулъ ногой и опять заходилъ по комнатѣ.

—Скажите вашему барону, быстро проговорила Лидія, отворяя половинку дверей балкона,—что я не буду принадлежать ему.

Мензбирь ударилъ себя по лбу.

—Скверная дѣвчонка! прошепталъ онъ сквозь зубы. Лидія, а Лидія, началъ онъ ласково—поди сюда, мы поговоримъ съ тобою посерьезнѣе.

Ну-съ, я васъ слушаю—сказала Лидія, снова отворяя половинку дверей.

—Да поди сюда... эхъ какая!

Я васъ слушаю. Чего жъ вамъ... ну-съ, говорите... да говорите же... я жду,—быстро сказала Лидія.

—Ты все на Сввскаго-то надъеешься, началъ Мензбирь ласково,—вѣдь я тебѣ говорилъ, что о немъ ужъ справлялся.. имѣніе все записано на счетъ, да и что за имѣніе-то.. Дрянъ сушая... ну, какихъ нибудь тысячъ пятьдесятъ въ ланбардъ да и тѣ едва ли наберутся—чѣмъ тутъ жить, сама ты разсуди только... А у барона-то—милліонъ, а баронъ-то хоть скушъ какъ жидъ, да за то богатъ, какъ жидъ.

Лидія задумалась.

Въ эту минуту отворились двери комнаты, и вошелъ Званицевъ ровными и тихими шагами, съ веселымъ и яснымъ челомъ.

—Здравствуйте, кивнулъ онъ головой Мензбиру... я къ вамъ въ необыкновенное время, потому что—за дѣломъ.

Что вамъ угодно Иванъ Александровичъ, съ приторно нѣжной заботливостью обратился къ нему Мензбирь.

О—дѣло не до васъ, почти презрительно отвѣчалъ Званицевъ—дѣло до вашей дочери.

—До меня! быстро перервала Лидія.

Да, до васъ, спокойно сказалъ Званицевъ, садясь въ кресла противъ нея. Я—продолжалъ онъ съ комическою важностью—приѣхалъ къ вамъ сватомъ, именно сватомъ.

Лидія быстро взглянула на него но тотчасъ же опустила глаза, встрѣтивши ихъ ослѣпительно-холодное выраженіе.

—Я приѣхалъ уполномоченнымъ отъ матушки Дмитрія Николаича, началъ снова Званицевъ.

Сѣвскаго? перебилъ Мензбиртъ.

—Теперь, продолжалъ Званицевъ, не обращая вниманія на слова отца, и пристально смотря на Лидію—все зависитъ отъ вашей воли.

Лидія опять взглянула на него, и опять увидѣла тоже безстрастное выраженіе лица, которое напоминало спокойствіе Египетскихъ сфинксофъ.

Она тихо встала.

—Скажите Дмитрію Николаевичу, сказала она тихо, что я не отрекаюсь отъ своихъ словъ.

—Только? спросилъ не много насмѣшливо Званицевъ.

Лидія опустила глаза въ землю; правая рука ея рвала платокъ—на ея щеки выступилъ румянецъ досады.

—Да-съ, прошептала она сквозь свои хорошенькіе зубки. Званицевъ засмѣялся.

—Я у Сѣвскаго посаженнымъ отцемъ, Лиди, сказалъ онъ. Вотъ видите ли—вы правы: все я, и вездѣ я... Ну, такъ дѣло въ томъ, что я могу объявить Сѣвскому о его счастьи, прибавилъ онъ съ насмѣшливымъ удареніемъ, на слово счастье.

—Кажется бы... началъ Мензбиртъ.

—Что-съ?.. строго оборотился къ нему Званицевъ.

—Нѣтъ... я ничего... я право такъ... заметилъ только, заговорилъ старикъ.

Лиди быстро встала съ мѣста и ушла въ свою комнату.

Ей было досадно, ей было больно... она въ волненіи упала на постель... Разстаться съ мыслию, что Званицевъ ее любитъ, было для нея слишкомъ тяжело.

Она его проклинала.

Она уже любила его всею силою первой дѣвственной страсти.

.....

.....

Знаете ли вы зимніе вечера, длинныя, безконечно длинныя зимніе вечера, проведенные въ одинокой комнатѣ, съ нагорѣвшей свѣчою, — когда надъ вами лежитъ что-то страшно тяжелое, и сжимаетъ и давитъ грудь — и передъ вами, какъ будто насмѣхъ, кружатся и роются свѣтлые легкіе призраки, которые дразнятъ васъ, какъ дневной свѣтъ, проникающій въ узкое отверстіе тюрьмы.

Въ одинъ изъ такихъ адски-томительныхъ вечеровъ, Антоша сидѣлъ одинъ у письменнаго стола, склонясь головою на листъ почтовой бумаги.

Онъ поднялъ наконецъ лице, залитое слезами—и съ негодованіемъ покачалъ головою.

Онъ всталъ. Въ чертахъ его высказалась роковая, неизбежная рѣшимость.

—Давно...прошепталъ онъ горестно.

Въ послѣдній разъ, прибавилъ онъ чрезъ минуту.

Онъ зарыдалъ и упалъ на колѣна.

Нѣтъ! вскричалъ онъ почти громко, съ отчаяніемъ махнувши рукою и всталъ.

Онъ быстро вышелъ.

Долго оставалась пустою комната—и что-то таинственно торжественное было въ этой пустотѣ.

Наконецъ, послышался звонъ колокольчика, и черезъ минуту вошелъ въ кабинетъ Званинцевъ.

Онъ сѣлъ на кресла у стола, и первый взглядъ его упалъ на не засохшее еще письмо Антоши, залитое слезами.

—Званинцевъ схватилъ его и пробѣжавши быстро, судорожно сжалъ въ рукѣ, на челѣ его выступилъ холодный потъ.

Вотъ что писалъ ему Антоша.

«Другъ, братъ, отецъ мой!.. ты вырвалъ меня изъ ому-та, но ты не могъ возвратитъ мнѣ моего прошедшаго. Я хотѣлъ быть выше всѣхъ, я не былъ равенъ съ тобою. я любилъ снова... но не имѣя силы быть въ любви властелиномъ, я не хочу быть рабомъ. Къ чему жить, когда я не умѣю властвовать жизнию... Быть можетъ, есть иныя сферы, гдѣ все, что сдавлено земною оболочкой, найдетъ просторъ и широкіе размѣры. Ты самъ училъ меня, что въ человѣкѣ сокрыта цѣлая вселенная. Прощай: жизнь моя была гадка,—смерть будетъ торжественна. Ты меня любилъ—пожалѣй обо мнѣ.

Есть души, которымъ въ самомъ дѣлѣ неловко въ своихъ сосудахъ, потому можетъ быть, что эти сосуды повреждены.

Мира, мира просите имъ этимъ бѣднымъ душамъ Званинцевъ тихо сложилъ письмо — и сказалъ.

Patet exitus!

Онъ приѣхалъ съ обрученія Сѣвскаго и Лидіи.

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

ОБОДРЕНІЕ

А. А. ГРИГОРЬЕВУ.

Жизнь моя теперь идетъ
Какъ съ кладью тельга.....
Какъ не грязенъ путь — везетъ
Нужда до почлега.

*

И застала грусть меня
На дорогъ дальней.
Ну, подстегивай коня
Къ старости печальной!... —

*

Тьма кругомъ, а путь далекъ,
Заночуешь въ полѣ —
Беззащитенъ — одинокъ
И въ суровой доли.....

*

Надъ головой моей висятъ
Тучи громовыя,
А въ душѣ ключемъ кипятъ
Страсти роковыя.... —

*

Нападетъ въ распахъ бѣда,
Въ помощь ждѣть напрасно:
Не посылная вражда
Тяжела, опасна!

*

Иль найдешь на обвалъ
Безнадежной страсти —
Поскользнешься и упалъ—
Раздробить на части... ,

*

Думать нечего, ступай,
Помолившись Богу,—
Осторожной проѣзжай
Грустную дорогу....

*

Ну, мой конь, скорый вези!
Потрудишься немножко!
Можетъ быть отъ насъ вблизи
Гладкая дорожка!....

А. Л. С.

СОФИ АРНУ.

ОДНА ИЗЪ АРТИСТОКЪ ПРОШЛАГО ВѢКА.

XVIII вѣкъ видѣлъ во Франціи расцвѣтъ цѣлой гирлянды чудныхъ женщинъ, напоминавшихъ собою Лавсъ древней Греціи. Всѣ онѣ почти были прекрасны, были умны, всѣ онѣ вѣрили только въ красоту и счастье. Одна изъ такихъ женщинъ — *Софи Арну*.

Софи Арну, родилась въ Парижѣ масляницей 1740 года въ старомъ отелѣ Понтье. Еще рано развился у нея голосъ—и когда она пѣла однажды въ Валь де Грасскомъ монастырѣ, принцесса Моденская сказала ей, вы прекрасны какъ ангелъ, вы умны какъ ангелъ—ваша дорога—сдѣлана.

Естественно, что опера сдѣлалась цѣлью Софи Арну. «Вступитъ въ оперу—значитъ предаться дьяволу, говорила ей мать.» Къ счастью для дьявола, слава голоса Софи Арну, разнеслась повсюду до того, что въ это дѣло вмѣшалось правительство и Софи Арну дебютировала въ оперѣ. Только мать не на шагъ не отпускала ее отъ себя даже въ фойѣ театра.

Но надзоръ былъ тщетенъ. Софи Арну самую природою создана была для любви—а ее обожалъ цѣлый Парижъ. Въ одинъ прекрасный вечеръ въ отель Лизье; гдѣ жила она съ матерью, явился молодой Викомтъ де Лораге, поэтъ именемъ провинціального поэта Дорваля, а черезъ недѣлю, поэтъ Дорваль увезъ изъ отеля молодую артистку.

Викомтъ де Лораге, былъ одинъ изъ блестящихъ героевъ XVIII вѣка, смѣявшихся нагло надъ общимъ мнѣніемъ. Связь съ нимъ сдѣлала Софи модною женщиною. У нея со-

бирались энциклопедисты, ей апплодировалъ цѣлый городъ въ оперѣ, ей удивлялся даже Гаррикъ.

И еще больше—она была искренно любима Викомтомъ. Софи Арну, какъ и угадать можно, соскучилась первая. Въ отсутствіе графа, она положила, что пора кончить; не захотѣла взять ничего изъ принадлежавшаго ему, велѣла заложить карету, нагрузила ее брилліантами, кружевами, письмами; все, что напоминало ей прежнее счастливое время. «Отвези эту карету къ госпожѣ Лорге, сказала она своему слугѣ; все, что находится въ ней, принадлежитъ ей.» Когда слуга пошелъ исполнять ея приказанія, она снова позвала его: «Погоди, сказала она, я позабыла главное.» Она позвала своихъ женщинъ: «Принесите обоихъ дѣтей графа.—Они его,» говорила она, прохаживаясь по комнатѣ. Дѣтей принесли. Одинъ изъ нихъ былъ еще въ колыбели; другой—едва начиналъ лепетать. Она поцѣловала ихъ и простилась съ ними. «Отвези и дѣтей туда-же Ла-Прери.» Ла-Прери молча повиновался и отправился прямо въ отель Лорге, гдѣ графиня была одна. Она приняла дѣтей и отослала брилліанты назадъ.

Но этимъ еще не кончилось все. Любовники снова сошлись. Это надѣлало въ Парижѣ много шума. Графъ отправился путешествовать; а сердце Софи Арну, подобно мотыльку, запорхало съ одного предмета на другой.

«Жестокая, сказалъ ей графъ, по возвращеніи, ты путешествовала болѣе меня.—На катящемся камнѣ не накаплиется моху, отвѣчала она; а въ сердцѣ моемъ, увы! накопилось много скуки. Принцъ Гененъ уморить меня своими букетами; мадригалами и золотомъ. Это настоящій дождь любви.—Погодите, сказалъ ей графъ; я освобожу васъ отъ этого принца.» Въ тотъ же день, 11 Февраля 1774 года, онъ созвалъ четырехъ докторовъ Парижскаго факультета, «Вопросъ довольно важенъ, сказалъ онъ имъ; требуется знать, можно-ли умереть со скуки.» Послѣ глубокаго размышленія, доктора отвѣчали утвердительно. «Ну, а какое есть средство?» спросилъ графъ. Они рѣшили, что должно разсѣвать больнаго, отправить его путешествовать, отстранить людей, которые окружаютъ его. Взявъ отъ нихъ такого рода свидѣтельство, графъ отправляется къ комиссару съ жалобою на принца Гененъ, будто-бы онъ до того надоѣдаетъ дѣвицѣ Арну, что она собирается умереть со скуки и требуетъ воспретить принцу посѣщеніе цѣвицы до тѣхъ поръ, пока она не избавится отъ своей болѣзни, ко-

торая, по рѣшенію факультета, можетъ умертвить ее; что составитъ какъ общественную, такъ и частную потерю.» Разумѣется, эта шутка кончилась дуэлью, хотя и не смертельною; ибо, въ тотъ же вечеръ, принцъ и графъ сошлись вмѣстѣ у Софи Арну.

Незادолго до революціи, она оставила театръ, оперныя и свѣтскія страсти и удалилась въ деревню. Она послѣдовала Вольтеру, Шуазелю, Буффлеру; пристрастилась, подобно королевѣ Маріи Антуанетѣ, къ земледѣлію; завела коровъ и овецъ; начала дѣлать масло и сыръ; сушила сѣно и варила себѣ горохъ.

Во время революціи, она продала свою маленькую землю и купила въ Люзаршѣ домъ монаховъ ордена св. Франциска. Она задумалась о смерти. Эта женщина, подобно Магдалинѣ, осквернявшая свою душу самыми страшными сумасбродствами, приготовлялась къ смерти съ какимъ-то наслажденіемъ. Въ концѣ заглохшаго монастырскаго парка, она соорудила себѣ гробницу и велѣла написать на памятникѣ стихъ св. Писанія:

*Multa remittuntur ei peccata,
quia dilexit multum.*

Но Люзаршскіе санкюлоты не оставили ея въ покоѣ, принимая ее за монахиню. Однажды, они забрались въ ея домъ. «Друзья мои, сказала она имъ, я родилась свободной женщиной, всегда была дѣятельнѣйшей гражданкой Санкюлоты, однако, не повѣрили ей на слово; они хотѣли уже вести ее въ темницу, когда одинъ изъ нихъ увидѣлъ на колоннѣ мраморный бюстъ: это была Софи Арну въ роли Ифигеніи. Республиканецъ вообразилъ, что это былъ бюстъ Марата: «Это добрая гражданка, сказалъ онъ, отвѣсивъ поклонъ статуѣ.»

У Арну оставалось тогда тридцать тысячъ ливровъ дохода и множество друзей. Менѣе чѣмъ въ два года, она потеряла состояніе и друзей. Съ небольшими остатками отъ кораблекрушенія, возвратилась она въ пристань; адвокатъ, взявшійся за ея дѣло, раззорилъ ее въ конецъ. Она впала въ крайнюю бѣдность. Кругомъ ея была мрачная пустота. Тщетно стучалась она у дверей своихъ обожателей; она стучалась у многихъ дверей напрасно: обожателей ея уже не существовало. Темницы, ссылка, эшафотъ, разсѣяли ихъ навсегда. Она принуждена была искать убѣжища у парикмахера, который убиралъ иѣкогда ея голову.

Этотъ человекъ жилъ въ улицѣ Малаго-Льва. Онъ отвелъ ей темный и холодный уголокъ, гдѣ бѣдная женщина тряслась отъ холода и медленно угасала. Дорого платила она за прежнее величіе. Впрочемъ, она пѣвала еще. Слышали, говорятъ одинъ біографъ, въ комнатѣ голосъ, гремѣвшій въ *Армидь* и замиравшій въ *Психей*; этотъ голосъ заставлялъ содрогаться, при мысли о брѣнности событій и таинственности судьбы.»

Однажды, когда она, по обыкновенію, безмолвно тряслась отъ холода въ своей комнаткѣ, не отчаяваясь, впрочемъ, безнадежно и перестраивая, въ тысячный разъ, воздушные замки своей прежней жизни, вошелъ къ ней парикмахеръ.

«Развѣ входить безъ доклада, съ гнѣвомъ сказала она ему?—Нашли время шутить! сердито отвѣтилъ парикмахеръ; знаете-ли, кто пріѣхалъ? мою парикмахерную вывѣску, принимаютъ рѣшительно за вывѣску гостиницы; графъ де Т... явился ко мнѣ.—Бѣдняга! вскричала Софи Арну. — Онъ пріѣхалъ тайкомъ изъ Германіи, безъ гроша въ карманѣ. Если всѣ, которымъ я убиралъ головы, придуть ко мнѣ просить убѣжища и хлѣба, я не знаю, что со мной станеть.»

Софи Арну сбѣжала въ лавку. «это ты? вскричалъ графъ де Т...., бросаясь къ ней на шею. — Право, сказала она, мнѣ кажется, что я читаю романъ. Вѣрно, изгнаніе слишкомъ жестоко, что вы рѣшаетесь пріѣхать въ этотъ городъ, гдѣ все дышетъ кровью и гдѣ нѣтъ у васъ болѣе друзей? Вѣрите, что вы будете болѣе въ изгнаніи въ Парижѣ, нежели у короля Прусскаго.»

Все равно, сказалъ графъ де Т..., не нашель-ли я сердца, которое помнить обо мнѣ?» Они снова обнялись и поклялись не разставаться болѣе. Парикмахеръ помѣстилъ своего новаго гостя на чердакѣ, въ пятомъ этажѣ. По утрамъ, Софи Арну, съ чашкою кофе въ рукѣ, отправлялась къ нему на верхъ; они братски дѣлили свой скудный завтракъ и болтали о прошедшемъ, чтобы забыть не много всѣ муки настоящаго. Къ обѣду, парикмахеръ сзывалъ ихъ въ лавку, гдѣ обѣдали всѣ, за однимъ столомъ. «У меня только и есть, что одинъ столъ и одна миска, говаривалъ этотъ великодушный человекъ, иначе бы я не осмѣливался обѣдать съ вами; впрочемъ, прибавлялъ онъ съ усмѣшкою, другія времена, другія нравы.»

Можно было бы составить интересную главу о образѣ жизни этихъ существъ. Сколько было въ ней философи,

сколько картинъ глубоко-человѣчныхъ. Жаль, что Софи Арну, которая писала прелестныя письма, не рассказала въ подробности своего пребыванія въ улицѣ Малаго-Льва. Не знаютъ, что сдѣлалось съ графомъ де Т...; даже его настоящее имя осталось неизвѣстнымъ.

Записки гласягъ, что въ молодости своей онъ былъ «однимъ изъ красивѣйшихъ поклонниковъ оперы.»

Звѣзда Софи Арну снова взшла. Фуше любилъ ее; въ 1798 году, будучи министромъ, онъ давалъ однажды аудіенцію женщинѣ, которая говорила, что имѣетъ сообщить ему нѣчто важное, касающееся до Государства. Онъ узналъ Софи Арну, съ смущеніемъ выслушалъ ея исторію и, тутъ же, рѣшилъ, что женщина, болѣе двадцати лѣтъ очаровывавшая своимъ голосомъ и своими глазами всѣ сердца, имѣла право на національную благодарность; въ слѣдствіе этого, онъ назначилъ ей пенсію въ 2400 ливровъ и приказалъ отвезти ей покой въ отели Анжвилмиеръ. Софи Арну, за день предъ тѣмъ, не имѣвшая ни одного друга, была окружена многочисленною толпою въ новомъ своемъ жилищѣ. Всѣ плохіе тогдашніе поэты, всѣ актеры, всѣ посѣтители погребя, (Caveau, прославленный Беранже), собирались у ней, какъ въ другой отели Рамбулле.

Можно было бы, по примѣру біографовъ, выписать нѣсколько остротъ Софи Арну; но этого нынѣ у порядочныхъ людей не водится, да и остроты эти уже устарѣли и были неумѣстны.

Она имѣла любовникама Рюльера и Бомарше; обвиняютъ ее, что она часто занимала у нихъ свой умъ; почему-жъ не обвиняютъ ея любовниковъ въ томъ, что они блистали иногда искрами ея ума?

Въ 1802 году, въ одно и то же время года, похоронены безъ шума, безъ церемоній, безъ блеска, три женщины, которыя, въ продолженіе почти половины столѣтія, наполняли Францію блескомъ своей красоты, величіемъ своего таланта или молвою о своихъ связяхъ: Софи Арну, мадемоазель Клеронъ и мадамъ Дюмениль. Софи Арну, въ предсмертной исповѣди, рассказала священнику, Сень-Жерменъ-Оксерруасской церкви всѣ свои мірскія страсти. Когда она говорила ему объшеной ревности графа Лорге, котораго она любила болѣе всѣхъ, священникъ сказалъ ей: «бѣдная дочь моя, какія то были печальныя времена!—Ахъ! вскричала она, съ слезами на глазахъ, я была очень счастлива! этотъ сердечный порывъ, переложенный однимъ поэтомъ въ стихи, заставляетъ забывать всѣ порывы ума Софи Арну.

СИЛУЕТЫ АРТИСТОВЪ.

С. Я. МАРКОВЕЦКІЙ. (*)

Изъ превосходно задуманной, и добросовѣстно исполненной, но къ сожалѣнію прошедшей уже школы драматическаго искусства, создателемъ и представителемъ которой былъ нашъ заслуженный и даровитый артистъ Петръ Андр. Каратыгинъ 2-й—и которая, руководимая образованнымъ наставникомъ, подарила намъ превосходными талантами А. А. Мартынова, и А. М. Максимова 1-го—двумя свѣтилами Александринской сцѣны,—изъ этой же Каратыгинской школы явилось новое, самобытное, свѣжее дарованіе — С. Я. Марковецкій. Шалуны—ребенокъ, малютка,—любимецъ всей школы, онъ назначался въ балетъ, но зоркій и эстетически вѣрный взглядъ П. Андр. тотчасъ же замѣтилъ драматическое дарованіе Марковецкаго и—рѣшилъ, что не балетъ поприще его дарованія, что не въ ногахъ заключенъ талантъ молодаго воспитанника, а въ головѣ и чувствѣ.

Съ отеческой заботливостью принялся Петръ Андрѣвичъ за своего юнаго любимца, съ любовью матери слѣдилъ за развитіемъ его таланта, и—до сихъ поръ не оставляетъ его совѣтами; и не надурную почву упало сѣмя Петра Андрѣвича:—Скромный, преданный искусству и своему благородному наставнику Марковецкій, въ душѣ благословляя его попеченія, оправдываетъ ихъ своимъ стараніемъ въ дѣлѣ сценическомъ, успѣхи развитія его дарованія становятся замѣтнѣе и замѣтнѣе и—публика постоянно встрѣчаетъ и провожаетъ его съ удовольствіемъ въ роляхъ, которыя выкроены по его таланту

Настоящій родъ дарованія Марковецкаго—роли протач-

(*) Въ слѣдующей книжкѣ будутъ помѣшены Силуеты А. М. Максимова 1 и Л. М. Левѣевой.

ковъ, пейзажъ и вообще наивныхъ молодыхъ людей. По выходе изъ школы онъ дебютировалъ на Александрынской сценѣ въ любовномъ зелье. (бизу), въ дезертерѣ (паца), въ мельничихъ въ марли (гильома), въ водевилѣ часть въ тюрьмѣ (миньопета), въ двухъ мужьяхъ, (риго), въ двумужницѣ (иванушки), въ женихѣ на расхватъ (пьеро) въ 5 лѣтъ въ два часа (тони) и другихъ,..

Всѣ эти роли съ самаго начала зарекомендовали въ немъ оригинальное дарованіе и утвердили за нимъ справедливую любовь публики. Въ послѣднее время онъ превосходно создалъ роли въ водевиляхъ: Корсиканская мечь, (Жакото, перев. съ Франц.) въ *лото въ клубъ*, фарсѣ написанномъ для его бенефиса Г. Славинимъ: Роль *серезжи*, такъ *ничего*, и въ охотникѣ въ рекруты, Вавилки. Наивность, натура и простота, доведены у него до *non plus ultra*,—безъ фарсовъ, безъ гримасъ, безъ фиглярства, хорошо, вѣрно, истинно.

Изъ огромно разнообразнаго Репертуара нашего Русскаго Буфе А. А. Мартынова, г. Марковецкій удачно сыгралъ нѣкоторыя роли, къ числу которыхъ принадлежитъ и роль сапожника въ водевилѣ: заколдованный принцъ, написанномъ почтеннымъ Режисёромъ Александрынскаго театра Н. И. Куликовымъ.

И между тѣмъ при всемъ нашемъ уваженіи къ таланту С. Я. мы не совѣтовали бы ему играть Левъ-гурыча Свищичкина и другія роли въ этомъ родѣ, которыя совершенно не клеятся съ родомъ его дарованія, и въ которыхъ такъ глубоко хороши А. А. Мартыновъ. У васъ—есть свой жанръ, милый С. Я.—воспитывайте же его, трудитесь надъ нимъ, формируйте его,—а дорога вамъ лежитъ обширная,—и никто еще не очистилъ ее отъ заустѣнія, потому что вамъ предстоитъ первенствовать въ этомъ очищеніи!!.. въ 1843 году Марковецкій былъ посыланъ попечительною Дирекціею Императорскихъ театровъ въ Москву, для практики; тамъ онъ переигралъ всѣ лучшія роли своего репертуара, и оставилъ въ Москвичахъ весьма лестное воспоминаніе о своемъ замѣчательномъ талантѣ. Не смотря на раздѣлъ партій, изъ которыхъ высшій слой театраловъ принадлежащій къ гостинодворамъ, былъ на сторонѣ Московскаго актера Живокина,—Г. Марковецкій изящною отдѣлкою своей натуральной игры, утвердилъ за собою любовь образованной Московской публики, которая привязана къ театру *сop amoге* и понимаетъ драматическое искусство съ ея эстетической стороны...

Москвичи, спрашивали Марковецкаго остаться въ Мо-

сквѣ, но—не Москва—поле дѣятельности Петербургскаго сокола, и онъ возвратился на свою родину... и до сихъ поръ С. Я., остается первымъ въ своихъ роляхъ на Александрынской сценѣ. Трудитесь, развивайте, совершенствуйте свой талантъ, любезный нашъ артистъ, а за нашу любовь къ вашему дарованью дѣла не станеть. Мы—Русскіе; а Русскій, если полюбить, то любовь его — безпристрастна, основательна, вѣрна и продолжительна.

Въ заключеніе скажемъ, что бодрствующій неусыпно и отмѣчающій своимъ покровительствомъ и наградами замѣчательные таланты, Его Высокопревосходительство Г. Директоръ Императорскихъ театровъ, наградилъ въ нынѣшнемъ году бенефисомъ Марковецкаго. Надѣмся, что подобная награда образованнаго сановника и достойнаго покровителя искусствъ, еще болѣе пробудятъ талантъ Марковецкаго къ дѣятельности и совершенствованію.

Занежъ — С. Я.

Петербургское общество

1741 годъ

Дамы! Денъ! Я не разкажѣю. Ахъ какое селъ не изъ
 тупило. Не прелева мов—шесть? Не у одною жинотило во
 да не выходятъ изъ рта, С'est comme la nature. Скорѣй elle en
 те la beauté. Я бы сдѣлала нива...
 Промекнере. Навъ—се, вотъ какъ, по моему мнѣнію, я
 бы фоняла—то почитаетъ по выше... не легко и относитъ
 всего сажанъ левонъ—дртой... на горъ—се. Ужъ молу съ
 зать, а нѣтъ бы горъ—се, сажанъ—сидитъ... да и ка-
 жденъ бы сажанъ нива... а то нѣтъ—са левонъ это бо нѣтъ
 и не замѣтитъ.
 Аферментъ. И въ самомъ дѣлѣ: Вѣкъ какъ какъ дѣло—
 да дѣше... а то тенеръ поди поди самую нрѣшну левонъ—
 то хитреть, а тотъ бы, да какъ это Семель. Пиване
 вамъ на голору пришло?
 Промекнере. Нивело—се. Мы в сновнѣ умннкомъ да
 сити. Вотъ, старыя нива товорятъ умъ. I. Ота.—I. М. Т. 8

ЮМОРИСТИКА.

Замѣтки Петербургскаго зъваки на Петергофскомъ гуляньи.

ГРУППА I.

Передъ фонтаномъ: Самсонъ.

Дама. Dieu! Я и не разглядѣла. Ахъ comme c'est не натурально. Не правдаль мон-шеръ? Не у одного животнаго вода не выходитъ изо рта. C'est contre la nature. Скорѣй elle entre la dedans. Я бы сдѣлала иначе...

Прожектеръ. Нѣтъ-съ, вотъ такъ, по моему мнѣнью, я бы фонтанъ-то помѣстилъ по выше... не далеко и относить, всего сажень десятокъ другой... на гору-съ. Ужъ могу сказать, и видъ былъ бы гораздо величественнѣе... да и казался бъ совсѣмъ иначе.. а то изъ-за дворца его со всѣмъ и не замѣтить.

Аферистъ. И въ самомъ дѣлѣ. Вѣдь куда какъ было-бъ лучше... и то теперь почти подъ самую крышу дворца-то хватаетъ, а тогда бы? да какъ это Семень Иванычъ вамъ въ голову пришло?

Прожектеръ. Ничего-съ. Мы и своимъ умишкомъ да сыты. Вотъ, старые люди говорятъ умнѣе были насъ, а

вѣдь не догадались поставить-то повыше. А вѣдь что тутъ кажется мудренаго.

Аферистъ. Говорятъ, хотѣли переставить. Ужъ и торги были, да видно опасно показалось. Испугались наводненія.

Прожектеръ. Помилуйте. Какого тутъ наводненія?.. это какъ дважды два... хоть по пальцамъ... Стоить только отвести воду. У меня ужъ вертится таки кое-что.— Пойдемте-ка, я вамъ расскажу... (уходятъ).

ГРУППА II.

Съ другой стороны фонтана.

Разговариваютъ: господинъ съ пошленькой физиономіей и господинъ проникнутый навосомъ глубокомысленнаго воззрѣнія.

Дама. Ахъ какой прекраснѣйшій фонтанъ. Не знаете, гдѣ онъ сдѣланъ?

Кавалеръ. Должно быть изъ-за границы душечка привезенъ.

Купецъ. Аглицкой работы-съ.

ГРУППА III.

Передъ каскадомъ.

—Какъ эти плошки попали подъ воду? какъ же ихъ зажгли?

—Право, не знаю-съ.

—Какъ можно. Да вѣдь это по вашей части.

—(обидясь). Развѣ меня только тому и учили, чтобъ плошки зажигать.

—Да это самому можно догадаться.

—Какія жъ вы не догадливые.

ГРУППА IV.

Тутъ же.

—Ахъ, въ самомъ дѣлѣ *Serge*, какъ этотъ огонь попалъ подь воду?

—Что жъ тутъ мудренаго. Вѣрно фонаремъ зажигали.

—Да какъ же фонаремъ *Serge*. Этакъ нельзя... какъ нибудь другимъ образомъ *Serge*.

—Да миѣ-то это откуда знать. Это-то вѣрно и состав-ляетъ секретную часть фейерверковъ.

Солдатъ. Это сперва зажгутъ на-сухо, а потомъ и пу-стятъ воду.

—Ну вотъ, видите ли? Вѣдь не совсѣмъ просто. Гдѣ жъ бы было догадаться?

ГРУППА V.

Передъ большимъ щитомъ:

—Какъ скоро зажгли. Я даже и не опомнилась.

—Разомъ-съ.

—Да это невозможно, чтобъ разомъ.

—Приказано, такъ возможно. По 3-ей ракетѣ. Я самъ видѣлъ. Все само собой загорѣлось, такъ ужъ устроено.

—Да я видѣла солдатъ, которые лазали.

—Это вѣрно фитили поправляли, чтобъ ярче горѣли.

—А я думала, что зажигали.

—Ну вотъ, впередъ не думайте.

—Ахъ какъ это величественно. Какой видъ. Только умри поскорѣй мой дядя... я помѣщикъ 600 душъ... и не-премѣнно сдѣлаю нѣчто въ такомъ родѣ... ахъ кабы онъ поскорѣе умеръ!

ГРУППА VI.

Т о л п а.

Гласы вопиющихъ.

Чиновникъ. Ну ужь Заглядѣлся же старый разиня на этогъ шить? какъ тугъ подвернись начальникъ отдѣленья. Прозывалъ. Не поклонился. Ей Богу, не поклонился. Вѣдь нужно же со мной непременно случиться такому казусу... Не поклонился начальнику отдѣленья! такъ морозъ и подираетъ... еще Богъ знаетъ, чѣмъ это кончится. — а все жена виновата, все она. — Отплачу же ей.

— Чго вы тамъ шиплите?.. какъ вамъ не стыдно?

— Да я вовсе и не думалъ.

— Такъ неужли и не думавши... это еще хуже.

— Да отстаньте... я васъ вовсе не знаю.

— Да за чѣмъ же вы задираете меня... я вовсе не какаянибудь.

— Хорошо что сказала... проваливай! а не то, смотри... въ самомъ дѣлѣ... Вотъ привязалась!

— Экій грубиянъ! учтиваго обхожденія не знаетъ.

Мужъ. Что ты душенька туда-то смотришь? стоитъ ли? А вотъ лучше посмотри—ка сюда... какъ искусно горять шкалики... Да мы ужь лучше пойдемъ съ тобой, гдѣ поменьше народу—знаешь, тутъ такіа невѣжи — Чего хорошаго ожидать отъ толпы?

Жена. А мнѣ бы хотѣлось тутъ остаться. — Тамъ вѣрно хуже.

Мужъ. Совсѣмъ нето душечка. Ужь если мужъ говорить, такъ вѣрно лучше.

Мать. Ахъ батюшки свѣты... Лизаньку отгери. — Совсѣмъ потеряла.. Вотъ Маша, Катя, Поля и Груня со мной. А Лизаньки нѣтъ какъ нѣтъ. Господа, не видали ли вы моей Лизаньки? бѣда ходить съ большимъ семействомъ,

ГРУППА VII.

Въ палаткѣ кафе-ресторанта.

— Дорого братецъ, ужасно дорого, вѣдь ты вчетверо запрашиваешь.

— Извольте посмотрѣть, по печатанной таксъ.

— Да что ты ко мнѣ съ печатанной—то таксой пристаешь. Мало ли есть печатнаго вздору? Меня этимъ не проведешь, я братъ ничему печатному не вѣрю... А лучше скажи-ка, что возьмешь крайнюю цѣну?...

— Ни копейки меньше.

— Что вы кожу хотите содрать, что ли? Вѣдь мнѣ не съ чѣмъ будетъ до Петербурга доѣхать.

— За чѣмъ же изволили кушать—съ.

— Вотъ ослиная—то философія! Чтожъ мнѣ съ голоду умирать, что ли?

— А если кушали, такъ пожалуйте деньги.

— Вѣдь я даю цѣлковой.

— Пожалуйте еще два.

— Ну, да уступите что нибудь.

— Немогу—съ.

— Ну, да если у меня болние нѣтъ.

— Такъ убирайтесь же поскорѣй, чтобы хозяинъ не замѣтилъ... еще исторія выйдетъ.—Мнѣ съ вами некогда толковать, посѣтители дожидаются.

— Вотъ это сходше. Какъ я самъ прежде не догадался? Нѣтъ ли гдѣ другова такого завѣденія?...

ГРУППА VIII.

У разнощиковъ.

— Самые свежія пильсины, первый сортъ, заграничныя...

— А по чѣмъ десятокъ?

— Трехъ-рублевиной... съ почину.

— Дорого. — А что дешевле?

— И то только для васъ. Свою цѣну беру. Ей Богу—съ. Въ убытокъ продаю. Себѣ дороже. Только для знакомства.

— Да отъ чего такъ дорого?

- Провозъ дорогъ, вѣдь это издалека.
 — Знаю, знаю братъ, что заграничные... за тѣмъ-то и покупаю...
 — Прикажете завернуть.
 — Нѣтъ, эти дороги... Нѣтъ ли Русскихъ?

ГРУППА IX.

Франтъ изъ купцовъ. Фи, какая скука! Здѣсь ни кто и не замѣчаетъ. Все такіи невѣжи... Неправдаль, это очень скучно?

Хоръ друзей. Правда, это очень скучно!

Одинъ изъ толпы. Это братъ на гостиниой дворъ, тутъ много и по чище вашего брата.

Франтъ. Но нѣтъ, я и здѣсь буду замѣченъ. Нужно только сделать какую нибудь штуку, будемъ пить шампанское, здѣсь, на лугу. Вы согласны господа?

Хоръ друзей. Согласны, согласны, согласны.

Франтъ (къ служителю). Эй послушай любезный, сходи пожалуйста въ эту палатку... купи.

Служитель. Самъ ступай...

Франтъ. Я тебѣ заплачу братецъ.

Служитель. Я, коли хочешь, самъ тебѣ заплачу... вотъ вишь у меня есть пятиалтынный... что привязался-то... сказалъ, ступай самъ.

Франтъ. Какой грубиянъ!... Некого послать.

1 Изъ толпы. Здѣсь братъ не абонируешся...

Друзья. Да мы принесемъ. Пожалуйста деньги — сколько!... Дюжину?

Франтъ. Сколько хотите — и останется, такъ не бѣда. Вѣдь это для меня плевка не стоитъ (*друзья уходятъ*). Какъ пріятно имѣть такихъ вѣрныхъ друзей! Какъ они охотно исполняютъ всякое мое желаніе? — О! на нихъ смѣло можно положиться.

1 Изъ толпы. Не честь же быть его другомъ!

ГРУППА X.

Разговоръ въ одной изъ каретъ.

- Посмотри, посмотри Катя, вѣдь это онъ...
 — Кто? кто? гдѣ?
 — Да вотъ, съ какой-то дамой.
 — Да съ кѣмъ же это онъ? Да еще кажется съ молоденькой... Ахъ извѣнникъ.
 — А можетъ быть съ сестрой.
 — Нѣтъ, я навѣрно знаю, что нѣтъ. Ну посмотри, что въ ней хорошаго.. пророга ужаста. Хорошо же... это ему такъ даромъ не пройдетъ,
 — Да не заслоняйте окна головой-то... я ничего не вижу.
 — А моего кажется нѣтъ. Саша ты его не видала?
 — Можетъ быть и здѣсь, да мы не замѣтили..
 — Какъ бы не такъ. — Я бы его никакъ не пропустила. Въ театрѣ, какъ только взойдетъ, первая увижу... всегда укараую..
 — Посмотри какой хорошенькій..
 — Ахъ какія страсти..
 — Не правда, премиленькій.
 — А вотъ я твоему-то скажу..
 — Знаю я тебя, ты пожалуй и вправду скажешь... рада насплетничать..
 — А вотъ когда такъ, такъ непременно же скажу.
 — Сплетница!
 — Ужъ пожалуйста. — И вы-то мастерица переносить..
 — Лжешь мерзкая!
 — Ахъ ты дрянъ этакая, еще смѣешь браниться.

А. Н. АНДРЕЕВЪ

СМѢСЬ.

МИНА МИНЫЧЪ.

За пятнадцать лѣтъ, Мина Минычъ былъ со всѣмъ не то, что теперь. Во первыхъ, онъ не былъ такимъ флегматическимъ толстякомъ; во вторыхъ, былъ гораздо моложе, а въ третьихъ, былъ еще холостъ. Въ это время Мина Минычъ отличался между сидѣльцами панскаго ряда, (Мина Минычъ былъ сидѣлецъ панскаго ряда) какъ щеголь, какъ человѣкъ образованный, и знатокъ сценическаго искусства. И надобно отдать ему справедливость. Сапоги его были всегда вычищены какъ зеркало, волосы причесаны съ особеннымъ стараніемъ. Искусно повязанный галстукъ, послѣдняго фасона сюртукъ или фракъ—и золотые часы съ репетиціею, на богатой цѣпочкѣ, довершали изящность его костюма и придавали новый блескъ его фигурѣ. А фигура—то самая была изъ самыхъ обыкновенныхъ фигуръ, препошленькая фигура! Разъ какъ—то, по дѣламъ хозяина, Мина Минычъ былъ въ Петербургѣ, и съ тѣхъ поръ панщики узнали подробно всѣ достоинства и недостатки Петербургскихъ артистовъ. Никто лучше Мины Миныча не умѣлъ разглагольствовать о театрѣ. Мина Минычъ не ограничивался сужденіями объ игрѣ того, или другаго актера. Нѣтъ, онъ цѣнилъ даже и драматическихъ писателей. Сердился на Шиллера за печальную развязку трагедіи: Коварство и Любовь, и увѣрялъ, что лучше бы умерить Вурма, а Президента заставить раскаять-

ся. Находилъ въ Недорослѣ неестественнымъ то, что Митрофанушка шестнадцати лѣтъ учится читать. Для васъ такія мнѣнія смѣшны? а сидѣльцы панскаго ряда, почитали ихъ изрѣченіями оракула, какъ нѣкогда мы, грѣшныя, мнѣнія Телеграфа и Сѣверной пчелы. Мина Минычъ почти ничего не читалъ, и между тѣмъ, по наслышкѣ, онъ былъ небольшою вольнодумецъ. Таланты его были безчисленны. Мина Минычъ хорошо плясалъ по русски и увѣрялъ всѣхъ, что выучился этому въ Петербургѣ, что только тамъ знаютъ настоящую русскую пляску. Пѣвалъ русскія пѣсни и водевильныя куплеты; декламировалъ изъ Эдипа и Фингала. Но главнымъ его талантомъ, была способность убѣждать покупателей въ достоинствѣ товара и дешевизнѣ цѣны. За эту способность онъ получалъ отъ хозяина двѣ тысячи рублей годоваго жалованья, и ежедневно до дюжины проклятій отъ обманутыхъ старухъ: отличительною чертой характера его была страсть удалничать. Мы смѣло поручимся, что онъ увезъ бы невѣсту свою, если бы родители почему нибудь не согласились добровольно отдать ее за него, и также можно сказать навѣрное, что въ этомъ похищеніи, не столько бы участвовала страсть, сколько желаніе отличиться удалствомъ, заставить людей говорить о себѣ. Наконецъ, Мина Минычъ любилъ хорошее виноградное вино, но какъ истинный патриотъ, не оказывалъ презрѣнія и къ русской настойкѣ—и—имѣлъ также маленькое расположеніе къ рому.

Однажды въ лавку Мины Миныча, или лучше сказать, въ лавку его хозяина, вошелъ старикъ, лѣтъ шестидесяти. Онъ спросилъ десять аршинъ матеріи. Матерія была тотчасъ показана и продана двадцатью процентами дороже обыкновенной цѣны. Старикъ, который, какъ видно, былъ охотникъ поговорить, объяснилъ Минѣ Минычу, что эта матерія, подарокъ къ именинамъ его дочери, которой недавно исполнилось шестнадцать лѣтъ, что онъ живетъ въ такой-то улицѣ, имѣетъ сына пяти лѣтъ и соловья, котораго цѣнятъ въ двѣсти рублей, что онъ человекъ нрава веселаго, любить въ компаніи выпить лишній бокалъ вина и прочее, и прочее.

Такія подробности для многихъ были бы скучны, но Мина Минычъ любилъ и говорить и шутить. Послѣднія слова старика, котораго мы будемъ называть Антипомъ Лукьяновичемъ Загвосдкинымъ, произвели въ немъ пріятный тре-

пегъ. Воображеніе представило ему не молодую имяниницу—цѣтъ,—сначала бутылку вина съ иностраннымъ арлычкомъ, потомъ чай съ душистымъ ромомъ. И вотъ Мина Минычъ началъ ломать голову надъ тѣмъ, какъ бы учтивѣе назваться въ гости. По счастью у Загвоздкина на достало десяти рублей, и онъ просилъ Мина Миныча пожаловать завтра къ нему на домъ, прибавивъ оговорку: *если не съ-трудъ*. Очень хорошо—съ, повторенное два раза, было отвѣтомъ Мины Миныча.

На другой день въ десять часовъ Мина Минычъ былъ уже у Загвоздкина. Онъ засталъ его за чаемъ. Послѣ длиннаго разсужденія о достоинствахъ соловья, Антипъ Лукьяновичъ имѣлъ честь рекомендовать ромъ, какъ весьма цѣлительный напитокъ въ осеннее время. Загвоздкинъ не успѣлъ еще кончить рѣчи, какъ въ комнатѣ показалась молодая барышня. Это была дочь его, Раиса Антиповна. Мы не будемъ описывать ея наружности. Да и что можно сказать словами: стройный станъ, черный или даже смоляный локонъ, жемчужные зубы, коралловыя уста и—тому подобными выраженіями? Пусть воображеніе читателей представитъ ее высокаго или средняго роста, блѣлокурой или черноволосой, съ румянцемъ на щекахъ или блѣдностью, съ голубыми или черными глазами, но непременно красавицей, потому, что Мина Минычъ отъ изумленія поставилъ на столъ поднесенное ко рту блюдо и вѣрно бѣ уронилъ его, если бѣ оно не было слишкомъ дорогаго сорта. Это впрочемъ ни сколько не значить, чтобъ онъ потерялся. Ни чуть! послѣ обыкновенной рекомендаціи Загвоздкина, онъ какъ образованный панщикъ, съ удивительною ловкостью, началъ разговоръ. Предметомъ этого разговора былъ шейный платокъ Раисы Антиповны. Мина Минычъ подробно описалъ исторію платковъ этого сорта,—первое ихъ появленіе въ свѣтъ, чрезвычайное требованіе на нихъ и высокія цѣны въ то время. Мина Минычъ показалъ тутъ себя настоящимъ знатокомъ. А между тѣмъ, онъ изрѣдка посматривалъ на Раису Антиповну и мысленно примѣривалъ къ ея блѣнной шейкѣ всѣ лучшіе платки, бывшіе въ его лавкѣ. Короче—полученіе незначительнаго долга, обошлось ему довольно дорого. Онъ истощилъ недѣльный запасъ любезностей и вышелъ отъ Загвоздкина съ сердцемъ, не совсемъ спокойнымъ. На дорогѣ онъ нѣсколько разъ повторялъ: Раиса Антиповна очень милая дѣвушка, и эта же самая фраза явилась въ его продажной книгѣ, на мѣсто: *продано*

столько-то аршинъ матеріи. Какой-то пріятель одивился вслухъ его равнодушію къ женщинамъ, и Мина Минычъ рассчитывая, что до двадцати пяти лѣтъ онъ не былъ еще ни въ кого влюбленъ, не смотря на то, что родъ торговли давалъ ему случай видать красавиць всѣхъ состояній, рѣшилъ, что теперь онъ дѣйствительно влюбился въ Раису Антиповну. Онъ такъ увѣрилъ себя въ этомъ, что тотчасъ же составилъ планъ подружиться съ Загвоздкинымъ, добиться взаимности его дочери, и если онъ не согласится на ихъ бракъ—похитить ее. Подружиться съ Загвоздкинымъ—было вичуть не мудрено. Антипъ Лукьяновичъ принадлежалъ къ числу усерднѣйшихъ хлѣбосоловъ и, если бы въ Москвѣ оказался недостатокъ въ охотникахъ даромъ поить да поѣсть, онъ за такую должность готовъ бы былъ платитъ порядочное жалованье. Черезъ двѣ недѣли Мина Минычъ сбѣгался близкимъ пріателемъ Загвоздкина. Но сбѣгаться близкимъ сердцу Раисы Антиповны, было совсѣмъ другое дѣло. Напрасно истоналъ Мина Минычъ всѣ средства нравиться. Мина Минычъ отказывался отъ рому, чтобы не показаться человѣкомъ дурнаго тону, и—какъ женщина, едва отвѣдывалъ Сотернъ; Мина Минычъ лишалъ себя удовольствія попить въ Марьиной рошѣ, уступалъ за свою цѣну товары, и—все для нея... А она? она даже и не замѣчала этого самоотверженія. Сердце ея, еще съ прошедшей осени было отдано Замыцкому, бывшему прикащику Загвоздкина. Нельзя не признаться, что Замыцкой имѣлъ много личныхъ достоинствъ... главнымъ его достоинствомъ, неоспоримо было то, что онъ первый предсталъ очамъ героини нашей въ то время, когда сердце ее ощутило потребность любить. Необходимыя причины заставили Замыцкаго отойти отъ Антипа Лукьяновича, безъ всякой впрочемъ ссоры. Любовники имѣли изрѣдка свиданіе въ домѣ одной родственницы Загвоздкина. Этихъ свиданій довольно было для того, чтобы питать страсть ихъ, которой никто не подозрѣвалъ. Осторожный Замыцкій никому не открывалъ имени своей любезной, и даже самъ Загвоздкинъ, часто хвалилъ его въ присутствіи своей дочери.

И такъ, путь къ сердцу Раисы Антиповны былъ запертъ для всѣхъ, кромѣ одного счастлива. Это было тѣмъ досаднѣе для Мины Миныча, что къ полному блаженству его не доставало одной лишь ея взаимности. Мина Минычъ былъ увѣренъ, что Загвоздкинъ съ удовольствіемъ отдастъ

за него дочь. Да сверхъ того, Мина Минычъ не задумался бы увезти ее. Ему давно хотѣлось сыграть хоть второстепенную роль въ похищеніи, и онъ двадцать разъ уговаривалъ къ такому похищенію одного влюбленнаго пріятеля. Впрочемъ мы должны замѣтить, что Загвоздкинъ не только не думалъ противиться желанію Мина Миныча, но еще самъ имѣлъ на него виды. Онъ объяснилъ дочери, что нашелъ ей жениха, прибавивъ на ея возраженіе, что она не должна умничать, а полагаться на выборъ отца, что она не знаетъ людей, что она дѣвчонка и тому подобное. Все это значило настоящій приказъ выйти за избраннаго жениха, и Раиса Антиповна полагала навѣрное, что этотъ женихъ — именно Мина Минычъ.

О слабость женщины! обращеніе ея съ Миной Минычемъ сдѣлалось гораздо ласковѣе, чтобъ не сказать иѣжнѣе. Старикъ восхищался успѣхомъ своей строгости. Онъ съ улыбкой смотритъ, какъ молодые люди толкуютъ о театрѣ. А Мина Минычъ думаетъ: я такъ и думалъ! Да и странно было бы рано или поздно не понравиться! хе! *мы вѣдь не то что на примѣръ!* «и Мина Минычъ начинаетъ перебирать въ умѣ своемъ знакомыхъ, извѣстныхъ своей недовкостью. Я очень умно поступилъ, понравившись прежде отцу. Всегда должно начинать съ отца, съ будущаго тестя, и Мина Минычъ потираетъ руки, восхищаясь ловкостью панцака.

Какъ нарочно, судьба готовила ему новое наслажденіе. Влюбленный пріятель его рѣшился на похищеніе, и Мина Минычъ приписывалъ это своимъ убѣжденіямъ. Онъ просилъ отложить это предпріятіе до окончанія ярмарки. Ярмарка была очень хорошая, и Мина Минычъ получилъ согласіе безъ него не предпринимать ничего рѣшительнаго.

Мина Минычъ собирался на ярмарку въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Передъ отъѣздомъ онъ зашелъ проститься съ Загвоздкинымъ. Старикъ былъ не много разстроены. Онъ поссорился съ хозяиномъ дома и долженъ былъ искать новую квартиру, притомъ же одинъ знатокъ увѣрялъ, что соловей его далеко не стоитъ двухъ сотъ рублей. Раиса Антиповна была задумчива. Мина Минычъ задумчивость эту тотчасъ приписалъ разлукѣ съ нимъ на все время ярмарки. Какая трогательная иѣжнѣе! думалъ онъ.

Дорогою онъ обдумываетъ то планъ своей будущей жизни, то планъ похищенія, то всѣ мѣлочи своей сватъбы; число и выборъ гостей, музыкантовъ, пѣвчихъ, форму пригласительныхъ билетовъ, меблировку комнату и тысяча другихъ бездѣлокъ. Короче, онъ увѣренъ, что непременно будетъ супругомъ Райсы Антиповны.

Ярмарка кончилась. Мина Минычъ возвратился съ кучею анекдотовъ и наличнымъ барышемъ. На другой день, онъ рѣшился сдѣлать визитъ Антипу Лукьяновичу,—но узналъ, что Загвоздкины переѣхали. Разсерженный хозяинъ, или не хотѣлъ сказать, или въ самомъ дѣлѣ не зналъ новой квартиры ихъ. Мина Минычъ рѣшился отложить поиски до слѣдующей недѣли, а между тѣмъ заняться устройствомъ похищенія. Онъ уже видѣлся съ своимъ другомъ, и почти насильно заставилъ его кончить все въ тотъ же день. Мина Минычъ взялъ на себя всѣ хлопоты, нанялъ коляску, сыскалъ квартиру не далеко отъ Москвы, куда немедленно отправилъ закуску, шампанское и знакомаго кондитера. Это будетъ сюрпризъ молодымъ, думалъ онъ. Свидѣтели есть безъ меня, и такъ мое дѣло играть роль хозяина и принять новобрачныхъ. Черезъ два часа, онъ далъ знать романическому герою, что все готово. Въ двѣнадцать часовъ къ небольшому домику*** улицы подъѣзжаетъ коляска. Изъ воротъ выходитъ хорошенькая барышня. Ее принимаетъ молодой человѣкъ, и любовники мчатся... куда? читатель вѣрно догадался.

Пока совершался обрядъ вѣнчанія, Мина Минычъ хлопоталъ, чтобы не ударить себя въ грязь лицомъ. Онъ разбираетъ вина, толкуетъ съ кондитеромъ, жалѣетъ, что нѣтъ музыки, но вотъ церемонія кончилась. Новобрачные идутъ подъ мирный кровъ дружбы. Мина Минычъ выходитъ встрѣчать ихъ съ самодовольною улыбкою. Передъ нимъ Замыцкій и Райса Антиповна... Мина Минычъ попялъ, что не всегда выгодно начинать съ будущаго тестя.

НИК.—ОВЪ.

РАЗГОВОРЪ НА ВОРОНЕЖСКОМЪ

КЛАДВИЩЪ

Неизвѣстный. Покажи братъ, гдѣ зарыли
Нашего Кольцова? —
Гдѣ могила дорогова —
Подъ плитой ли онъ лежитъ,
Иль трава съ цветами; —
Облитаь трава слезами,
Иль совсѣмъ забыть?...

※

Сторожъ. Я прозванія такого,
Что-то и не помню;
Благородный, иль чиновникъ,
Иль купецъ торговый?...

※

Неизвѣстный. Онъ купецъ, — имѣлъ *товаръ*,
Да не одѣнили;
Но не *есть* забыли;
И души высокой даръ, —
Онъ сдумь въ сердца людей
Русской пѣсню своей
Передать; — забыть Кольцова
Всѣмъ нельзя и на земль.
На родимой сторонѣ,
Долго не найди другова!

Сторожъ. Что вы сударь — не найдете!

Велика земля Господня,
И вездѣ есть люди? —
Но позвольте, догадаться
Чью могилу надо, —
Вы промолвили о пѣсняхъ,
Я и домекнулся; —
Онъ Воронежской купецъ,
А складывалъ пѣсни;
Онъ не то что бы пѣвалъ,
Только былъ пѣвака
И слылъ грамотьемъ, —
Такъ его могила,
Вотъ сюда — на право.

※

Неизвѣстный. Пришли — я низко поклонился,
Съ глубокимъ вздохомъ и слезой —
Взглянулъ на крестъ — и помоллся
Души твоей заупокой.
Такъ здѣсь Кольцова схоронили,
Съ тобой высокія мечты, —
Но вѣрь, не вся тебя забыли,
Поэта *Русскаго*, — и ты
Остался жить въ сердцахъ людей
Прекрасной пѣснью твоей!

※

Сторожъ. Хоть мало сударь понимаю,
А вижу, что взгрустнулось вамъ; —
Вамъ вѣрно былъ еродни покойникъ, —
И близкой былъ?... Молчать мой баринъ, —

※

Неизвѣстный. Да другъ, — покойникъ нашъ имѣлъ
Родныхъ и близкихъ, но любили
Его не вся, не вся цѣнили; —
Огонь, который въ немъ горѣлъ,
Не всяхъ равно здѣсь согревалъ; —

Но кто душой его знавалъ,
 Кто постигалъ его въ твореньяхъ,
 Тотъ вмѣстѣ съ нимъ душой страдалъ! —
 Тотъ былъ назначенъ отъ рожденья,
 Душой Кольцова полюбить,
 Чтобы Кольцову близкимъ быть! —
 Такихъ не много... но прощай!
 Вотъ деньги другъ, не забывай.
 Поставь свѣчу — и поминай,
 Заупокой раба Кольцова... Алексѣя.

Но кто думалъ въ ожиданьи,
 Кто ждалъ въ томъ ожиданьи,
 Тотъ вырветъ изъ души своей
 Тотъ былъ, тотъ былъ отъ радости,
 Душой Колосовъ подобенъ былъ,
 Прощай Колосовъ, вѣнчанъ былъ —
 Такъ не являлся въ жизни,
 Вотъ думалъ, вотъ ждалъ,
 Поетъ сердцу — в томъ же
 Душой Колосовъ подобенъ былъ.

О Н А

Нѣтъ, нѣтъ! Она не та!
 Я обманулся въ ожиданьяхъ,
 И жизни на пути въ страданьяхъ,
 Опять надежда отнята,
 И уничтожена мечта!
 Она не та!

*

О! какъ въ обманчивыхъ мечтаньяхъ,
 Она казалась мнѣ мила!
 Двѣла вся мои страданья,
 И слезы сладкія лила! —
 Какъ будто для меня жила! —
 Нѣтъ! Это не она была!

*

Нѣтъ! Это точно не она!
 Напрасны сердца ожиданья,
 Разочарованъ! Всѣ мечтанья,
 Минуты проклиною сна!
 И Повторяю, что она
 Не для меня здѣсь создана!!!

П. МОЧАЛОВЪ.

БЫВАЛО! БЫВАЛО!

(*Посвящ. Н. С. В.*)

Ахъ! тогь скажи: любяи конецъ,

Кю на три года въ даль уѣдетъ.

Грибедовъ.

Эти стихи любилъ часто повторять одинъ изъ моихъ земляковъ, (а покойникъ былъ не послѣднй чудакъ въ своемъ родѣ!) особенно, когда я начну утверждать, что чувство привязанности къ любимому предмету, сильнѣе и прочтѣе у женщинъ, чѣмъ у насъ. Берегитесь, господинъ дамскій партизанъ! сказалъ онъ мнѣ однажды, замѣтивъ, что не смотря на всь его краснорѣчивыя убѣжденія, я рѣшительно отказался раздѣлять съ нимъ ложное понятие о сердечныхъ качествахъ уважаемаго мною пола. Берегитесь, чтобъ не заплатить дорого за вашу дѣтскую довѣренность къ этому вѣтренному племени. Впрочемъ не думайте, чтобъ я отвергалъ цостоянство чувствъ въ ихъ полѣ по одному только слѣпому вѣрованію въ непогрѣшимость всего сказаннаго нашимъ прославленнымъ поэтомъ. Совсѣмъ нѣтъ! Такое безразсудство было бы слишкомъ непростительно въ мои лѣта. Я сужу такъ по убѣжденію собственнымъ опытомъ въ этой горькой истинѣ. Со мной случилось то же, что и съ Чацкимъ, съ тою только разницею, что я уѣзжалъ отъ своей любезной не на три года, а на три мѣсяца, и не въ даль, а за нѣсколько десятковъ верстъ. Я разскажу

вамъ этотъ случай, но съ уговоромъ: слушайте меня терпѣливо, и не сердитесь за мелочныя подробности моего разсказа, которыя по вашему мнѣнію, не будутъ относиться къ предмету нашего спора. Слово идетъ о первыхъ впечатлѣніяхъ моего счастливаго возраста, а воспоминаніе о немъ, какъ-то невольна дѣлаетъ насъ многорѣчивыми.

Мнѣ было тогда не болѣе двадцати двухъ лѣтъ, когда по окончаніи курса ученія въ Царскосельскомъ Лицеѣ, я возвращался въ Петербургъ къ моему дядѣ, отставному моряку и старому холостяку, восхищаясь трофеями, приобретенными мною на поврищъ публичнаго экзамена; а вмѣсто: шпагою и аттестатомъ, возводившими меня прямо на высокую степень чиновника 10-го класса! Шутка! Дядюшка жилъ тогда въ Коломнѣ. По смерти моихъ родителей, онъ заступилъ ихъ мѣсто въ отношеніи меня достойнымъ образомъ, соединивъ благоразумную строгость моего отца съ нѣжною заботливостію матушки. Не могу описать вамъ моего восторга и нетерпѣнія, съ которымъ свѣшилъ я предъ старикомъ показаться въ мундиръ, хотя и не блестящемъ, но все такъ въ мундиръ. Первая встрѣтила меня старая няня. «Батюшка, Яковъ Данилыч!» кричала она дядюшкѣ, которой въ это время совершалъ голичное стриженіе любимаго своего пуделя: «посмотрите-ка посмотрите: дитя-то при шпаль, офицеръ! Это не осторожное изъясненіе радости, задѣло меня за живое. Я остановился, поглядѣлъ на нее съ важностію, сквозь которую просвѣчивало явное негодованіе, и сказалъ: «послушай Максимовна! ни дитя офицеромъ, ни офицеръ дитятей, быть не должны и не могутъ.» Не знаю, поняла ли Максимовна мое лаконическое возраженіе, но пояснять его было некогда. Дядя мой, бросивъ собачью операцію, обнималъ уже меня при громогласномъ: «поздравляю, братецъ, поздравляю! А что это, Миша; торчитъ у тебя подъ мышкою?» «Аттестатъ, дядюшка.» произнесъ я со всею важностію новоотпечатаннаго чиновника; подавая ему свертокъ.» «Посмотримъ, братецъ, посмотримъ!» По прочтеніи, лобызанія возобновились съ большею силою. «Ай, да Миша, молодецъ! Максимовна! кричалъ дядя моей нянѣ, которая только что окончила послѣднюю переторжку при разлатъ съ привезшимъ меня извошикомъ,—«полюбуйся, матушка; питомецъ-то твой въ грязь лицомъ не ударилъ. Вишь какой прекрасный получилъ аттестатъ? нечего сказать, хватъ, да и только!» Само собою разумѣется; что я таялъ отъ такихъ привѣт-

ствій, съ самодовольтвїемъ поглядывая въ зеркало, въ которомъ ярко отражалась игра солнечныхъ лучей съ эфесомъ моей шраги.

«Соловья баснями не кормятъ,» замѣтилъ дядя, «согрѣйка, Максимовна, самоваръ; Миша чай передрогъ, погода такая вѣтренная. Да сходи, попроси съ нами побесѣдовать Семена Прохорыча; день же праздничной, онъ вѣрно дома. Скажи ему, что, дескать, изволили забыть старыхъ прїятелей? вотъ уже пятый день, какъ вы у насъ не бывали.» — «Семень Прохорычъ у хозяйки,» — отвѣчала Максимовна» вчера и третьягодня былъ тамъ же» — «прибавила она въ полголоса съ таинственною улыбкою.» — «У хозяйки?! давно ли онъ съ нею въ ладахъ? кажись, она не совсѣмъ его жаловала.» — «Говорятъ, батюшка, къ Лизаветѣ Николаевнѣ сватается, и дѣло-то....»

Я поблѣднѣлъ, какъ полотно. Послѣднихъ словъ Максимовны я не могъ уже разслушать, потому что въ ушахъ моихъ поднялся такой шумъ, какъ будто Иванъ Великой помѣщался у меня надъ самую голову, и звонилъ, какъ говорится, во всю ивановскую.

Прежде нежели я оправлюсь отъ смущенія, въ которое меня повергло такое неожиданное и крайне горестное извѣстіе няни, позвольте отрекомендовать вамъ, по праву разкащика, двухъ новыхъ для васъ лицъ: Семена Прохоровича и Лизавету Николаевну.

Семень Прохоровичъ Кромкинъ, квартира котораго отдѣлялась отъ нашей одними сѣнями, былъ человекъ 9-го класса и помощникъ журналиста одного изъ Министерскихъ Департаментовъ. Родоваго по формуляру его не числилось, и потому онъ въ теченіе тридцатилѣтней и безпорочной своей службы, посвятилъ всего себя благопрїобрѣтенію, а въ службу вступилъ пятнадцати лѣтъ. Занимаемый имъ постъ, посвящалъ его во все канцелярскія тайны, почему признательные искатели вакантныхъ губернскихъ мѣстъ, очень часто посѣщали его скромную хату для изъявленія своего глубочайшаго почитанія, сопровождаемаго чувствительнымъ пожатіемъ руки; и всякой разъ послѣ *таковаго* рукожатія, по наблюденіямъ дядюшки, которому неоднократно случалось при томъ бывать очевидцемъ, у Семена Прохоровича дѣлалось въ кисти правой руки нѣчто въ родъ судорогъ, отъ чего оконечности пальцевъ прилипали плотно къ ладонь. Въ слѣдствіе такого казуса, онъ обыкновенно погружалъ руку въ боковой карманъ, и по выходѣ оттуда,

она принимала снова прежнее свое положеніе. Впрочемъ Семень Прохоровичъ никогда не жаловался на своихъ посягателей; онъ былъ отменно великодушнъ. Причиною неладовъ, существовавшихъ между нимъ и хозяйкою дома, былъ его котъ, который имѣлъ не совсѣмъ похвальную привычку подвергать собственной апробаціи качество сливокъ, мастерски изготовляемыхъ Настасьею Осиповною (такъ звали хозяйку) къ утреннему кофею; а къ довершенію всего, любимый ея пѣтухъ да двѣ, или три, курицы, слѣдвали несчастными жертвами прожорливости этого въроломнаго животнаго. Мудрено ли, что послѣ такого плачевнаго приключенія, Настасья Осиповна вскипѣла справедливымъ гнѣвомъ, и немедленно потребовала отъ Семена Прохоровича выдачи виновника нарушенія правъ чужой собственности, для произведенія надъ нимъ уголовного суда, по сентенціи котораго, несчастный казненъ былъ на мѣсть совершеннаго имъ преступленія. Послѣ того Настасья Осиповна еще долго косилась при встрѣчѣ съ Семеномъ Прохоровичемъ.

Наружность его была не совсѣмъ изящна. Представьте, рыженькаго сухошаваго человѣчка, ходящаго вѣчно на цыпочкахъ, съ оловянными китайскими глазками, въ движеніяхъ котораго явственно обнаруживаются двѣ отличительныя черты его характера: робость и какая-то таинственность, и вы будете имѣть очень близкое понятіе о Семенѣ Прохоровичѣ, но все таки не полное: вы не знакомы еще съ казовымъ концемъ моего героя. Подъ этимъ словомъ, я разумю его носъ, да такой носъ, о которомъ, кажется, никто, даже лжець Крылова, не могъ бы сказать ничего иперболически, иначе это будетъ мифъ. Должно полагать, судя по его антической формѣ, что онъ обязанъ былъ изяществомъ своей постройки великимъ образцамъ глубокой древности, и, *льзя молвить на грѣша* (*), могъ бы служить украшеніемъ любому рыцарю стараго свѣта. Не смѣю утверждать одного: Греція, или Риму, принадлежала прежде слава мѣсторожденія подобныхъ носовъ; впрочемъ весьма вѣроятно, что и самой бойкой Археологъ затерялся бы въ догадкахъ при разрѣшеніи этого, истинно труднаго вопроса. Такова была лицъ-вая сторона Семена Прохоровича. Дядя мой, будучи совершенно противоположныхъ свойствъ и понятій, привязался къ нему собственно по той причинѣ, что не находилъ себѣ достой-

(*). Шолустяшн: И. А. Крылова, въ баснѣ: Собачья дружба.

нѣе его соперника въ шахматной игрѣ, склонность, къ которой переходила у него часто за границу умѣренности. Напротивъ того Семень Прохоровичъ никогда бы не имѣлъ благороднаго соревнованія состязаться съ нимъ на этомъ поприщѣ, усѣянномъ маленькими квадратами, если бы тонкая предусмотрительность дяди не сдѣлала для него эту игру занимательною. Назначены были преміи. За каждый проигрышъ Семена Прохоровича, дядя получалъ съ него по грецкому орѣху; когда же побѣда оставалась на сторонѣ перваго, ему наливалась рюмка перцовки, къ которой Семень Прохоровичъ имѣлъ, по выраженію Грибодова: «влеченье, родъ недуга,» признавая ее самую ближайшею къ цѣли. Интересно было смотрѣть на Семена Прохоровича, когда ему везло счастіе. Чѣмъ чаще въ борьбѣ съ равносильнымъ соперникомъ оставался онъ побѣдителемъ, тѣмъ быстрее переходилъ отъ восторженнаго къ созерцательному состоянію духа. Кончалось тѣмъ, что восходя на самую высшую степень блистательнаго торжества, онъ падалъ безъ чувствъ, не въ состояніи будучи выносить блеска собственной славы. Тогда дядя, съ приличною почестию, ташилъ на рукахъ почивающаго героя въ его собственной капитолій, гдѣ, по обыкновенію, и провозносилъ въ самыхъ сильныхъ, національныхъ выраженіяхъ, нѣчто въ родѣ надгробнаго слова, въ честь усопшаго.

А Лизавета Николаевна? О! Лизавета Николаевна, была жемчужина Коломны! Какимъ живымъ, всевроницающимъ пламенемъ горѣли ея черные глаза! какая плѣнительно-рѣзвая улыбка рисовалась на ея пунцовыхъ губкахъ! какъ роскошно разсыпались ея темнорусые локоны на груди и плечахъ! а грудь и плечи, а ножка — загляденье! Ей было тогда шестнадцать лѣтъ. Комната моя выходила окнами въ садъ, противъ самой спальни Лизаветы Николаевны. Случай скоро свелъ меня съ нею. (Это было во время послѣднихъ каникулъ предъ выходомъ моимъ изъ Лицея.) Узнавъ чрезъ няню, что Настасья Осиповна желала бы доставить своей Лизѣ случай поучиться живописи, я тотчасъ предложилъ свои услуги, и вызовъ мой былъ принятъ чрезвычайно благосклонно. Одно меня сильно тревожило: мои практическія свѣдѣнія въ живописи простирались не много далѣе носа. Чтò если узнаетъ объ этомъ Настасья Осиповна? чтò можетъ она подумать? Но Настасья Осиповна объ этомъ вовсе ничего не думала; она была въ страшныхъ хлопотахъ; всё ея вниманіе поглоще-

но было тогда соленьемъ огурцовъ, рубкою капусты и мякою брусники и яблоковъ, впрокъ на зиму. Лѣто было самое жаркое. Я предложилъ Лизаветѣ Николаевнѣ избрать мѣстомъ нашихъ занятій—бесѣдку. Начались первыя лекціи. Пользуясь правами учителя, я подсѣлъ къ ней очень близко, такъ что наши плечи сходились. Дрожь пробѣжала по всему моему тѣлу. Какое высочайшее наслажденіе, думалъ я, быть рисовальнымъ учителемъ Лизаветы Николаевны!

«Вамъ, кажется, не совсѣмъ ловко здѣсь сидѣть?» замѣтила она, обращаясь ко мнѣ съ лукавою улыбкою; «этотъ диванъ такъ тѣсенъ.»

«Совсѣмъ нѣтъ,» отвѣчалъ я, нѣсколько смутясь отъ такого неожиданнаго, впрочемъ очень тонкаго замѣчанія, — «вамъ угодно было посвятить меня въ званіе своего руководителя въ такомъ занятіи, которое не позволяетъ мнѣ отъ васъ удалиться.»

«Ну, какъ вамъ кажется, Михаилъ Ивановичъ, вотъ этотъ профиль глаза?» спросила она меня, указывая карандашемъ на первый свой опытъ, «не правда ли, что это еще не такъ дурно?..»

«Прекрасно, неподобно!» возразилъ я, «продолжайте же далѣе.»

«Да вы *не туда* смотрите,» сказала она, взглянувъ на меня вразплохъ, и закрывая шею большимъ шелковымъ платкомъ. На этотъ разъ, мнѣ показалось, она улыбнулась еще лукавѣе. Я покраснѣлъ до ушей, и, какъ уличенный преступникъ, совершенно смѣшался. Дѣйствительно я, новопосвященный художникъ, уже слишкомъ углубился въ свои наблюденія надъ изящными формами не глаза, на который указывала моя юная ученица, а ея собственнаго бюстика. О, сколько неизъяснимо сладкихъ ощущеній доставила мнѣ первая моя лекція.

Пользуясь свободою каникулъ, я чуть не цѣлые дни посвящалъ образованію моей милой ученицы, и это насъ чрезвычайно сблизило между собою. Между тѣмъ успѣхи въ рисованіи подвигались довольно медленно. Настасья Осиповна успѣла уже посадить огурцы, изрубить капусту, а мы всё еще трудились надъ профилемъ глаза. Однажды толкуя моей ученицѣ теорію изящнаго, и переходя постепенно отъ живописи къ музыкѣ, и отъ музыки къ поэзіи, я непримѣтно коснулся до жизни Тасса, и началъ со всею жаромъ школьнаго элиризма описывать пламенную и несчастную любовь этого вѣнцительнаго соловья Италиі.

Лице Лизаветы Николаевны горѣло, грудь сильно волновалась отъ подавляемыхъ вздоховъ, голова тихо скатилась къ спинкѣ дивана. Однимъ словомъ, Лизавета Николаевна всецѣло проникнута была силою моего вдохновеннаго разсказа. И какъ ослѣпительно-хороша была она въ эту минуту! Я не выдержалъ искушенія, и... и поцѣловалъ ее. Вы скажете: какъ такъ? да такъ-съ; прямо въ губки, въ эти очаровательныя губки, которыя давно уже соблазняли меня своею необыкновенною свѣжестью, и которыя на этотъ разъ такъ мило дрожали отъ избытка чувствъ, какъ слабо натянутыя струны отъ легкаго прикосновенія вѣтра.

«Боже мой! что вы сдѣлали?» воскликнула она, вскочивъ съ дивана, и устремивъ на меня взоръ, выразившій менѣе гнѣва, чѣмъ удивленія отъ такой нечаянности. «Признаюсь, Михало Ивановичъ, я не ожидала отъ васъ этой...»

«Дерзости? хотите вы сказать» — прервалъ я, упавъ предъ нею на колѣни, «о! не клеветайте на меня такъ жестоко! не дерзость, но пламенная, безграничная любовь увлекла меня за рубежъ приличій, этихъ глупыхъ, тяжелыхъ веригъ, возлагаемыхъ на насъ бездушнымъ свѣтомъ. Бѣдъ вы сейчасъ же вѣрили необъятности любви несчастнаго Торквата; почему жъ не хотите допустить возможности существованія ея въ моемъ сердцѣ? Скажу болѣе: я люблю васъ пламеннѣе и безкорыстнѣе, чѣмъ любилъ Тассъ свою Елеонору. Безсмертный пѣвецъ Иерусалима, можетъ быть, болѣе боготворилъ въ лицѣ Елеоноры Принцессу Феррары; но я... я люблю въ Лизаветѣ Николаевнѣ собственно Лизавету Николаевну.

И много, много еще наговорилъ я въ припадкѣ сердечной откровенности, и долго, долго слушала меня Лизавета Николаевна. Помню только, что въ составъ моего разговора уже не входили ни живопись, ни музыка, ни поэзія, ни честолюбивый Тассъ съ своею холодною Елеонорою. Любовь, только одна любовь, со всеми сладостями ея небесныхъ ощущеній, была предметомъ и безконечно-длинною нитью моего восторженнаго краснорѣчія.

«Ахъ, Боже мой, чего жъ вы отъ меня требуете?» говорила чуть не шепотомъ и въ сильномъ волненіи Лизавета Николаевна, стараясь освободить свою руку отъ моихъ горячихъ поцѣлуевъ, и между тѣмъ уступая противъ воли влеченію своего юнаго, еще не опытнаго сердца.

«Сочувствія, взлнмнстн,» — возразилъ я, возводи къ

ней умоляющіе взоры, — «этой благодатной росы, безъ оживленія которой сгорить бѣдное мое сердце въ собственномъ пламени!»

«Но могу ли я?... право не знаю.... что жъ мнѣ дѣлать?.....»

«Извольте итти разливать чай, самоваръ простылъ, машинька гнѣвается;» закричала въ окно хриплымъ басомъ кривая и толстая Maitresse d'hotel Настасья Осиповна. Лизавета Николаевна исчезла.

«Чтобъ чортъ тебя побралъ и съ твоимъ самоваромъ!» пробормотала я сквозь зубы въ порывѣ сильного гнѣва на неумышленную виновницу пресѣченія нити нашихъ взаимныхъ сердцепризнаній, и на такомъ интересномъ мѣстѣ.

Мы были счастливы, какъ нельзя быть больше. Союзъ вѣчный, неразрывный, скоро заключенъ былъ между нами, на незыблемомъ основаніи клятвенныхъ обещаній, жить только другъ для друга до гроба, даже за гробомъ. Само собою разумѣется, что при этой okazji, для вѣщаго подкрѣпленія, я не преминулъ запечатлѣть нашъ договоръ на устахъ Лизаветы Николаевны однимъ изъ самыхъ отчаянныхъ поцѣлуевъ. Прелиминарною статьею нашего мирнаго трактата, было устраненіе изъ кодекса сердечной фразеологіи всѣхъ оскорбительныхъ словъ для раздражительнаго уха нашего новоутонченнаго чувства, какъ то: вы, Михайло Ивановичъ, Лизавета Николаевна; замѣнить ихъ должны были слова: ты, Мишель, Лиза. Впрочемъ сдѣлана была оговорка, что это правило отменяется, когда въ бесѣдѣ между договаривающимися будетъ участвовать хотя одно постороннее лице. Такой предосторожности требовала отъ насъ собственная безопасность.

Тщетная предосторожность! удаленіе наше для занятій въ бесѣдку, породило тысячу ревнивыхъ опасеній и въ комъ, какъ бы вы думали? въ самомъ Прохоровичѣ, тогда какъ я всего менѣе подозрѣвалъ возможность возбудить въ немъ чувство соперничества; между тѣмъ онъ тайно наблюдалъ за всѣми моими поступками, и короткое обращеніе мое съ Лизаветой Николаевной, бывшей, по несчастію, предметомъ его собственныхъ видовъ, крайне ему не нравилось. Это вы увидите изъ слѣдующей сцены, происходившей въ его комнатѣ, чему очевидною свидѣтельницею, благодаря своему дамскому любопытству и замочнымъ скважинамъ, была моя няня.

Милостивѣйшая Государыня,

Анастасія Іосифовна!

Въ слѣдствіе глубокопитаемаго мною уваженія къ вашимъ достопочтеннымъ лѣтамъ и къ наотличнымъ душевнымъ качествамъ, я не перестаю о пользахъ вашихъ радѣть и донынѣ, не взирая на то, что, по случаю произведеннаго вами изслѣдованія по дѣлу о дерзновенномъ обращеніи моего покойнаго кота съ вашими дворовыми птицами, отчего воспослѣдовало и умерщвленіе сихъ послѣднихъ; подпавъ безъ умышленія праведному гнѣву вашему, имѣю горестную честь подлежать такому и досель. Нынѣ же предусматривая ясно угрожающую вамъ непріятность и могущій произойти отъ оной (чего Боже сохрани)! ущербъ чести, а вмѣстѣ съ тѣмъ и помраченію дражайшаго имѣнія возлюбленной дщери вашей, я, во удостовѣреніе моего къ вамъ усердія и безкорыстной расположенности, всепочтеннѣйше донести за долгъ себѣ вмѣняю, что удостоенный вашего высокаго вниманія и лестнѣйшей довѣренности студентъ Михайло Ивановичъ Струйковскій замышляетъ, какъ сіе по чинимымъ мною наблюденіямъ, а наипаче изъ прилагаемаго къ сему отрывка отъ собственнаго его письма, по содержанію своему и выраженію: «покинь дѣвичій страхъ», очевидно писаннаго къ Елизаветѣ Николаевнѣ, — явственно обнаружив...

Тутъ самъ Прохоровичъ прервалъ чтеніе своего уродливаго доноса, и началъ ходить по комнатѣ, крѣпко задумавшись. «Все это хорошо,» — наконецъ воскликнулъ онъ по долгомъ размышленіи, приставя къ своему царь-носу указательной палецъ, — «да надобно повременить. Каникулы же кончаются, онъ скоро уѣдетъ; тогда-то мы и пустимъ въ ходъ эту грамотку; а пока я и самъ покараулю молодца. Ужъ не дамъ этому молокососу поругаться надъ невинностію! Нечестивый соблазнитель! не дамъ такъ, совершенно не дамъ!»

«Пожалуйте огонька.» Просипѣла хозяйская работница, протягивая изъ полурастворенныхъ дверей свою дорожную десницу, въ которой торчала помадная банка съ салынымъ огаркомъ. Семенъ Прохоровичъ неволью вздрогнулъ при этомъ неожиданномъ посвѣщеніи.

Ахъ, это вы, Соломонида Пафнутаевна? что жъ вы въ сѣняхъ стоите? соблаговолите-съ, такъ сказать; въ мою

келью-то пожаловать. Милости просимъ. А ваши еще изъ театра не возвращались?

Нѣтъ еще, батюшка, не пріѣхали. Всѣхъ Михайло Ивановичъ сманилъ; вѣдь и Яковъ Данилычъ тамъ же.

Такъ-съ. Да что это вы осипли. Всеконечно, такъ сказать, надудо. А у меня, т. е., имѣется снадобъене ко уврачеванію всякихъ немощей. Вотъ выкушайте-ка описовочки; какъ рукой сниметъ; препозлительная вещь!

Благодарю, кормилецъ.

На здоровье! У меня есть до васъ, такъ сказать, нужда. Садитесь, пожалуйста, вотъ такъ. Охъ, Соломонида Пафнутьевна! холостая жизнь не радость; скука зашибаетъ; не съ кѣмъ позабавиться. Хочу, примѣрно, жениться.

Что ты, родимой? въ эти года? прости Господи, грѣхъ какой! и люди добрые осудятъ.

Эхъ, матушка! сами вы вѣще согрѣшаете, аще бракъ хулите. А люди — что мнѣ люди? сказано бо есть: мірская молва, что морская волна; всякъ молодець на свой образецъ. Да и, съ позволенія вашего, чѣмъ я не мужъ? А-съ?

Года-то не тѣ, сердечной! Иное дѣло, коли бы ты былъ, вотъ какъ Михало Ивановичъ.

Гм! Михало Ивановичъ! Я за вашего Михала Ивановича, будь сказано межъ нами, не въ укоръ вамъ, кухарки бы не отдалъ.

— Что такъ, родимой?

Богоотступникъ, сударыня, Богоотступникъ! какъ бы вы послушали, что онъ, такъ сказать, повсечасно про себя бормочеть: волосы дыбомъ становятся! чуръ наше мѣсто свято! то и знай: «волшебница, ласкаясь, мнѣ вручила талисманъ». — А-съ? каково-съ? И то сказать: въ томъ пуги не найти, кто съ колдуньями сдружается, да онъ къ нему ласкаются.

А, кажись, баринъ-то такой доброй.

То-то и есть: доброй! А кто, примѣрно, хоть бы Елизавету Николаевну ко грѣхопадению склоняетъ?

Ой-ли? Ахъ, онъ окаянной! да какъ это!

А вотъ видите. Намелни я возвращался изъ Департамента; было дѣло за-полночь. Глядь на его окно: горитъ свѣча, а онъ пишетъ. Что за дикованка? думаю себѣ, въ эту пору! добро бы нашъ братъ — служацій; дѣло подневольное, а то... Вотъ, знаете, я черезъ рѣшетку въ садъ, и притаился; смотрю; сложилъ бумаги, да въ столикъ, и вышелъ. А мнѣ чего звать? окно было открыто; я кой-

какъ подмостился, прыгнувъ въ его комнату, да и ну тянуть бумагу — то за кончикъ изъ ящика. Слышу: идетъ. Мѣшкать было некогда, оторвалъ доскутокъ, да и тагу. Вотъ не угодно ли прочесть его цыдулочку къ вашей барышня? вы грамотны?

«Куды! темные люди, мой отецъ.»

Ну, такъ я вамъ прочту,

«Моей мольбой (*).»

«Не оскорбись на разставань!»

«Позволь, позволь имѣть съ тобой»

«Мнѣ безмятежное свиданье!»

«Ишь мрази почи изводуть»

«И сномя глубокимъ до депшица»

«Отяжелели зеницыи»

«Твои домашніе сожмутъ»

«Приду я къ тихому приюту»

«Моей любезной: о покинъ»

«Двѣичи страхъ и на шпугу»

«Затворь досадой годивни!»

«Прииду въ безпомян печальномъ»

«Къ устамъ красавицы молодой»

«И полдужи оставляю ей»

«Я въ лобызаніи прошалномъ.»

«Рѣшисъ!»

Вишь, до чего добирается? отодвинь ему запоръ, когда домашніе спать улягутся! что, Соломонида Пафнутьевна? каковъ вашъ благопріятель-то-сь?

Ахъ, онъ окаянній грѣховодникъ! Ну да, благо сказали, я сама, нечего сказать, охулки на руку не положу. Такъ огдвляю, что до смертнаго часа не забудеть. Что еще выдумалъ: «покинъ двѣичій стыдъ!» Да, правда, барышня-то моя не таковская! Не поддастся грѣховному наущенію! небось!

Эхъ, родимая ты моя! все мы люди, выше лукаваго не быть! не нами сказано: грѣхъ сладокъ, а человекъ надокъ. Ужъ не предупредить, какъ вы думаете, Настасью Осиповну о такомъ посягательствѣ? Я такъ, признательно, и докладець ей подготовилъ.

Не равенъ часъ, Семень Прохорычъ. Подниметь шумъ.

(*). «Да». Баратынскаго.

содомъ; пожалуй еще барышнѣ достанется, да и намъ не сдобровать.

И то дѣло, матушка. Только двери-то запирайте на ночь покрѣпче, да ключъ прячьте; неравно уснется...

Будьте благонадежны; у меня ухо остро. Чу! наши прѣхали; прощайте, батюшка; благодаримъ на угошеньи.

Совѣщатели разстались. Не подозревая вовсе, чтобъ похищенной у меня отрывокъ изъ прекрасной повѣсти нашего извѣстнаго поэта, которую я переписывалъ для себя, находился въ рукахъ Семена Прохоровича, и могъ возбудить въ немъ столько ревнивыхъ опасеній, я по прежнему продолжалъ наслаждаться тѣмъ упоительнымъ счастьемъ, которое доставляла мнѣ первая моя любовь. Няня, бывшая, какъ я уже сказалъ; тайною свидетельницею описанной мною бесѣды, скрывала отъ меня все это до времени, пока было нужно, опасаясь, чтобъ сгоряча я не надѣлалъ шуму, и, надобно сознаться, поступала благоразумно. Къ тому жъ она ни сколько не сомнѣвалась, что все это клевета, и что дитя, какъ она меня величала, ни когда не рѣшится ни на какой гнусной посягочекъ. *Добрая Максимова!*

Наконецъ каникулы кончались. Мнѣ надобно было ѣхать. Прощаніе мое съ Лизаветой Николаевной было довольно трогательное. «Итакъ, Мишель, ты завтра рано поутру отправишься!» говорила она, склонивъ на мое плечо свою головку. Глаза ея были наполнены слезами. Замѣтивъ эти слезы, я старался утѣшить милую подругу своего сердца, хотя самъ и не менѣе ея имѣлъ нужду въ утѣшеніи, тревожимый мыслию о близости разлуки.

«И, мой другъ! о чемъ же тутъ грустить?» говорилъ я, цѣлуя ея руку. — «Мы расстаемся не навсегда; всего мѣсяца два, три... За то какъ радостно будетъ наше свиданіе! Воспользовавшись правами лицеиста, я тогда могу смѣлѣе искать руки твоей, и надѣюсь, что твоя маминька не откажется составить мое счастье. Такъ-ли мой Ангельчикъ.»
— «Не знаю. Мнѣ что-то грустно, очень грустно. Можетъ быть... какъ знать, что ждетъ насъ впереди?... А что, Мишель, въ Царскомъ Селѣ много хорошихъ барышень?»

«Я не замѣчалъ, моя душа. И какая мнѣ до нихъ нужда? Всѣ мое благо составляешь ты, моя милая, несравненная Лиза. Я увѣренъ, что и въ отсутствіи твоего вѣр-

наго Мишеля, ты не измѣнишь ему, даже мыслию. Не правда-ли?»

«Тыбь грѣшно сомнѣваться въ этомъ. Ахъ, Боже мой! насъ подслушиваютъ; слышимъ шорохъ за кустами?»

Съ этимъ словомъ, не въ далекомъ отъ насъ что-то упало. Я выбѣжалъ изъ бесѣдки: никого не было; обошелъ кругомъ садъ, и наконецъ примѣтилъ, что изъ-за шпалеръ акацій у садовой калитки, которая никогда не отпиралась, потому что входъ въ садъ слѣланъ былъ изъ хозяйскихъ комнатъ, кто-то выскочилъ и перелѣзъ черезъ рѣшетку. Я бросился въ ту сторону. Прижавшись къ наружной сторонѣ калитки, сидѣлъ на корточкахъ Семень Прохоровичъ, стараясь, какъ видно не быть замеченнымъ. Наконецъ, вѣроятно смѣкнувъ, что укрыться отъ меня ему рѣшительно не предстоитъ ни малѣйшей возможности, началъ напѣвать про себя жалобнымъ голосомъ:

«Какъ схватили кота
«поперѣгъ живота...»

«Что вы здѣсь дѣлаете?» спросилъ я грозно, устремивъ на него испытующіе глаза.

«Я-съ? Да такъ-съ, Михало Ивановичъ. Крѣпко стосковалось по моему покойному котикѣ; вотъ тутъ его косточки лежать.»

«Такъ вы здѣсь тризну по немъ справляете, что-ли?»

«А почему же, мой батюшка, и не вспомнить добраго челов... т. е. кота, хотѣлъ я сказать? грѣха вѣтъ.»

«Советую для этаго выбрать другое мѣсто. Эта печальная церемонія не всемъ нравится.» Семень Прохоровичъ послѣдовалъ моему благому совету, и отправился оплакивать потерю своего котика въ собственную комнату.

На другой день, рано утромъ, я выбѣжалъ изъ своего мирнаго жилища, сопровождаемый благословеніями няни и родительскими наставленіями дядюшки: стараться всеми силами окончить съ честью курсъ моего образованія, такъ какъ отъ этого зависитъ счастье цѣлой жизни. Провзжая хозяйскія окна, я примѣтилъ, что изъ-за цвѣтовъ кивала мнѣ миленькая головка. Это была Лизавета Николаевна. Глаза ея были заплаканы.

Вы уже слышали отъ меня еще въ началѣ моего разсказа о возвращеніи моемъ, по окончаніи курса ученія, къ

дядюшкѣ, и о томъ, какъ сильно поразило меня извѣстiе няни о сватовствѣ Семена Прохоровича къ Лизаветѣ Николаевнѣ. Долго я находился въ нерѣшимости: вѣрить или не вѣрить этому слуху. Я несколько не сомнѣвался, что Лизавета Николаевна, по собственному произволу, никогда бы не согласилась принадлежать Семену Прохоровичу, даже и въ такомъ случаѣ, если бы онъ, при всей своей канцелярской любезности, былъ вдвое богаче самаго Ротшильда; но меня сильно тревожила мысль: можетъ быть она гибнетъ жертвою родительской спекуляціи! Къ несчастію, эта мучительная догадка казалась мнѣ довольно основательною. Семенъ Прохоровичъ слылъ между нами за человека съ капиталомъ, а убѣжденіи, имѣющія законный вѣсъ и мѣру, были достаточны, чтобъ склонить слабѣе сердце старушки, назвать его своимъ зятемъ. Но дочь? Ахъ! что значить сопротивленіе беззащитной дѣвушки, когда на это есть воля матери, отъ которой она вполне зависитъ? Въ утѣшеніе свое я старался опереться на благоразуміе Настасьи Осиповны, которое, по моему мнѣнію, не должно было допустить ее, продавать счастье своей дочери на вѣсь золота; но и тутъ въ душѣ моей раздался зловѣщій вопросъ: все ли смотрятъ на счастье одними глазами? — Правда: къ чести Настасьи Осиповны должно сказать: она всегда была далека отъ поклоненія златому тельцу въ буквальный смыслъ. Но при всемъ томъ, нельзя было исключить ее вовсе изъ числа людей, имѣющихъ, по выраженію Крылова:

...къ несчастію, тотъ порокъ,
 Что имъ съ червонцами мѣшокъ,
 Что ни скажи, всему дивиться стаутъ.

Однимъ словомъ: положеніе мое было мучительно. Разспросить было не у кого. Одна Максимовна могла бы сообщить мнѣ некоторыя свѣдѣнія. Вѣроятно, въ мое отсутствіе, ни одна черта изъ поведенія Семена Прохоровича въ отношеніи къ хозяйкѣ, не ускользнула отъ ея тонкой наблюдательности. Но и Максимовна, какъ нарочно, съ дозволенія дядюшки, ушла къ кумъ на крестины. Ожидать ея возвращенія? могъ ли я ожидать, когда каждая минута неизвѣстности, казалась для меня вѣчностію? наконецъ я рѣшился, во что бы то ни стало, потребовать отъ своего соперника объясненія моихъ тяжелыхъ недоумѣній. Лишь только смерклося, и дядя мой, по обыкновенію, улегся отдыхать, я отправился къ Семену Прохоровичу. Увы! на-

дежда меня и тутъ обманула. Семенъ Прохоровичъ былъ въ возможности удовлетворить моему любопытству. Съ перваго взгляда очень легко было принять его за мертвеца, судя по его изумительной неподвижности, еслибъ стоявшій предъ нимъ порожній графинъ и недопитая рюмка, не докладывали наблюдателю о недавнемъ проявленіи жизненной дѣятельности въ своемъ хозяйствѣ. Матеріальная часть Семена Прохоровича наслаждалась по трудахъ самымъ вожделеннымъ спокойствіемъ. Она всецѣло погружена была въ большія волтеровскія кресла, за исключеніемъ однихъ только ногъ, помѣщавшихся горизонтально на близъ стоявшей скамейкѣ. Глаза устремлены были въ потолокъ. Фланелевая фуфайка и плетеная изъ разсученнаго морскаго каната ермолка, составляли скромныя украшенія его домашняго дезабилье, служа вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ должно полагать, и врачебными пособіями для застрахованія здоровья отъ разныхъ немощей. На всѣ мои слова онъ не отвѣчалъ ни слова; ни малѣйшее движеніе не обнаруживало въ немъ того, что онъ примѣчаетъ мое присутствіе. Нагорѣвшая свѣча слабо освѣщала лице его, выражавшее грустное расположеніе духа, а неподвижные глаза, свидѣтельствовали, что таковое расположеніе было плодомъ глубокаго, важнаго размышленія, вѣроятно, о непрочности благъ земныхъ, по поводу стоявшаго предъ нимъ пустаго графина. Наконецъ начали по временамъ вырываться изъ устъ его несвязныя, загадочныя слова, какъ то: негодная дѣвченка, прапорщикъ, пѣтухъ, проклятые усы, и послѣ каждой изъ этихъ таинственныхъ недомолвокъ слѣдовала продолжительная пауза. Все это, нисколько не разрешая моихъ сомнѣній, еще болѣе увеличивало досаду и нетерпѣніе. Потерявъ всякую надежду добиться толку отъ Семена Прохоровича, я накинулъ на себя шинель и выбѣжалъ на улицу, чтобъ сколько нибудь освѣжить себя чистымъ воздухомъ. Голова моя горѣла въ огнѣ, тысячи новыхъ подозрѣній, порожденныхъ загадочными словами моего соперника. Но вотъ окно... Она!.. она сама! Боже мой! она еще не знаетъ о моемъ возвращеніи... она не знаетъ, что я здѣсь... такъ близко!... О какъ сильно билось мое сердце! Съ какою жадностію старался я наглядѣться, какъ будто въ послѣдній разъ, на ту, которая для меня была дороже всего въ мірѣ, дороже самой жизни! Ужъ не мечта ли это? думалъ я; не воображеніе ли рисуетъ предо мною знакомой, милой мнѣ образъ? —

Чудная натура чловѣка! я былъ столько счастливъ въ эту минуту, и между тѣмъ, такъ робко довѣрялъ своему счастью. Огъ чего это? Но —

«Нѣтъ, то былъ не призракъ сна (*)

И не обманъ воображенья...»

Дѣйствительно изъ-за полупрозрачной, покрывавшей окно кисейной шторы, довольно часто выглядывала чья-то головка. Это была Лизавета Николаевна. Какъ будто она кого-то поджидала. «Лиза! другъ мой, Лиза! произнесъ я довольно громко; форточка отворилась; «тс...с...!» раздался знакомой мнѣ шопогъ, и сложенная бумажка упала къ ногамъ моимъ, форточка затворилась; Лизавета Николаевна исчезла. Схвативъ записку, я полетѣлъ въ свою комнату. Что это значить? не глаза ли меня обманываютъ? не сошелъ ли я съ-ума? Боже мой! какой неожиданной ударъ! какое ужасное разочарованіе! Записка заключала слѣдующее: «Милой Жоржъ! я получила письмо твое «чрезъ Соломониду. Теперь все отъ тебя зависитъ. Маминька видѣла тебя только разъ, но ты ей нравишься. Сосперники, о которыхъ ты спрашиваешь, для тебя не опасны. О первомъ не стоитъ труда говорить, а второй такъ еще молодъ. Маминька увѣрлетъ, что на привязанность «мужчины такихъ лѣтъ, полагаться безразсудно. Кажется, «она не совсѣмъ не права. Прости до свиданія! а когда «жъ ты къ намъ будешь?»

«Вѣтренная дѣвченка!» вскричалъ я въ порывѣ сильного гнѣва, сжимая въ рукахъ роковую записку. «И она могла измѣнить мнѣ такъ жестоко!»

Ревность, оскорбленное самолюбіе, бѣшенство, жажда мщенія, всё закипѣло въ душѣ моей, и слилось въ нечто цѣлое, ужасное, не выносимое. Физическія силы меня оставили, и я... Съ этой минуты я ничего не знаю, что мною происходило. Говорятъ, что я былъ въ жестокой горячкѣ, что меня лечили, что я безпрестанно бредилъ: Прапорщикъ, записка, проклятые усы, измѣнница. Ничего не помню. Помню только то, что когда я пришелъ къ себѣ, первое обращеніе мое было къ дядѣ, которой во все продолженіе болѣзни, не отходилъ отъ моей постели: «дядюшка! доброй дядюшка! перевезите меня поскорѣ съ

(*) Чернецъ, Козлова.

этой квартиры: она меня убьетъ.» На третій день послѣ этой просьбы, возы съ нашею мебелью, чѣмъ свѣтъ выѣхали изъ воротъ ненавистнаго мнѣ дома Зяблицевой.

На этомъ мѣстѣ разскащикъ мой остановился. «Ну чтожъ вы скажете?» — обратился онъ ко мнѣ съ вопросомъ, — «можно ли послѣ этого вѣрвать въ постоянство женщинъ?» —

Одинъ случай ничего не доказываетъ, отвѣчалъ я ему хладнокровно. Объ общемъ, по частностямъ судить не должно.

«Теперь вижу,» — сказалъ онъ съ улыбкою не притворнаго сожалѣнія, «что трудъ мой напрасенъ.» Мнѣ ничего не остается болѣе, какъ только повторить извѣстной стихъ моего любимца Грибоѣдова:

А ты, мой батюшка, неизлѣчимъ, хоть брось!

Гаарло Фонъ-Бейеръ.

ТРИ ПОНЕДѢЛЬНИКА.

С И Л Е Т Н И

Александра Бабиночки.

Я часто бываю въ Лѣсномъ Институтѣ, не по дѣламъ, а такъ—навѣщая стараго пріятеля и сослуживца. Дружба моя къ этому сослуживцу велика: иначе, что бы могло меня заставить ѣхать въ такую даль и чрезъ скучную Выборгскую сторону, по глухому безконечному Самсоніевскому проспекту; развѣ какое нибудь сердечное влеченіе?—Безконечные заборы, десятка два полу—развалившихся деревянныхъ домовъ, и три... четыре... каменныхъ дома, слѣшкомъ мало занимаютъ зрѣніе; чтобы развлечь васъ, когда вы ѣдете по неровной мостовой, въ тряскомъ извозничьемъ фэтонѣ, на парѣ хромыхъ клячъ.

Когда я по вечерамъ возвращаюсь въ городъ; то въ этой улицѣ все уже тихо и безжизненно. Марные обитатели этаго предмѣстья Петербурга, тогда уже спать крѣпкимъ сномъ. Ни въ одномъ окнѣ, вы не увидите болѣе огня. Протяжный окликъ соннаго будочника, свистокъ съ полицейской каланчи, глухой стукъ въ доску фабричнаго сторожа, и хриплый крикъ пробудившагося пѣтуха—изрѣдка нарушаютъ тишину.

Но нѣтъ правила безъ исключенія. По понедѣльникамъ, эта улица нѣсколько оживляется: второй этажъ одного изъ домовъ освѣщается до втораго, иногда—даже до третьяго часу утра. Въ освѣщенныхъ окнахъ, на спущенныхъ шторахъ, рисуются группы движущихся тѣней—дамъ и кавалеровъ. Иногда даже на улицу, черезъ растворенныя форточки, долетаютъ до вашего слуха, звуки не совсѣмъ стройной бальной музыки. У крыльца, съ зеленымъ навѣ-

сомъ, стоять — одна карета, рѣдко двѣ кареты, и три... четыре... извозничьихъ полуколясокъ, рѣдко болѣе. Не трудно догадаться, что по Понедѣльникамъ, у жильца этого втораго этажа, собираются гости; также не трудно было узнать: кто этотъ жилецъ втораго этажа? Я спросилъ, и мнѣ отвѣтили:

«Отставной Генералъ Алтонгъ... Имѣють-сь дочь на «возрастѣ... Имѣли-сь хорошее доходное мѣсто... Имѣ-«ють-сь порядочное состояніе—все благопріобрѣтенное... «Имѣли-сь много дѣтей... перемерли волею Божіею.... «Одна дочь-сь теперь наследница....»

Я познакомился съ Генераломъ и его дочерью Каролиною Вильгельмовною, и расскажу вамъ объ нихъ. Не стерплю... признаюсь: страшный болтунъ я... что слышу и вижу, непременно долженъ рассказать... что знаю, все пишу... Ужъ сколько ни каюсь, а все не закаюсь... Иногда мнѣ и достается за болтовню мою... Да нечего дѣлать: ужъ когда началъ рассказъ, нельзя же не кончить...

Люблю я новыя знакомства! Сколько новыхъ впечатлѣній, новыхъ характеровъ для наблюденія! Сколько новыхъ чувствъ, намѣреній, плановъ, надеждъ, особенно, когда въ семействѣ, съ которымъ вы вновь познакомились, есть взрослые дочери, и особенно, когда вы еще свободны, когда вы еще вправѣ строить воздушные замки, вправѣ льстить себя надеждами, когда сердце ваше еще не выбирало, когда оно еще не приковалось къ одному предмету, когда оно ищетъ!... Въ каждомъ словѣ, вамъ сказанномъ, кажется, таится намѣкъ, который приводитъ васъ въ восхищеніе!... Каждое ласковое слово, сказанное не вамъ, приводитъ васъ въ отчаяніе!... Сколько сомнѣній, сколько новыхъ чувствъ, какіе быстрые переходы отъ усладительныхъ думъ, къ разочарованію и вновь къ очарованію!... Все это,—пока ваше новое знакомство не состарѣлось,—пока сомнѣнія не приведены въ ясность, пока вы еще не предпочтены другимъ, или — другой не предпочтенъ вамъ.

Я познакомился съ Алтонгами; но я не нашелъ въ этомъ семействѣ того, чего ожидалъ, чего искалъ... Признаться, я не ищу еще партіи; но думалъ найти развлеченія, приволакиваясь за дочерью Алтонговъ. По съ перваго шага въ домъ ихъ, я долженъ былъ убѣдиться, что мнѣ нечего ожидать: что мои волокитства будутъ напрас-

ны, что ихъ не будутъ замѣчать, не будутъ отвѣчать на нихъ. Волокитства же, когда на нихъ не отвѣчаютъ, не слишкомъ занимательны... А отъ чего я такъ скоро убѣдился въ этомъ, это вы узнаете тотчасъ: вооружитесь только терпѣнiемъ и прочтите мои три Понедѣльника.

ПЕРВЫЙ ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

О чемъ говоритъ дѣвушка, живущая на Выборгской сторонѣ, не интригующая на публичныхъ маскарадахъ и незнакомая съ Итальянскою оперою.

У Алтонговъ было мало гостей. Напаятые музыканты были отпущены; потому что не было столько картъ, чтобы могъ состояться контръ-дансъ. Въ гостиной, чехлы не были сняты съ дивана и со стульевъ, что дѣлали только тогда, когда ожидали какихъ нибудь — особенно почетныхъ гостей. На диванѣ, въ самой серединѣ, сидѣла сама хозяйка; по правую и лѣвую руку ея въ креслахъ, двѣ дамы. Всѣ онѣ были одѣты въ платья яркихъ цвѣтовъ — слишкомъ яркихъ, по лѣтамъ этихъ трехъ собесѣдницъ. Ихъ занималъ очень живой разговоръ: онѣ говорили всѣ три вдругъ. Разговоръ ихъ не сопровождался жестами, не оживлялся ни взглядами, ни измѣненiями голоса. Эти дамы сидѣли, съ опущенными внизъ глазами, играя платкомъ, или вертя большимъ пальцемъ одной руки, около большого пальца другой. Вѣроятно, они говорили о дешевизнѣ иностранныхъ товаровъ въ Гельсингфорсѣ; потому что хозяйка встала, пошла въ другую комнату и вынесла столоваго бѣлья на показъ своимъ собесѣдницамъ.

Въ столовой было раскинуто два ломберныхъ стола. Оттуда слышались возгласы: «купили!... пасъ!.. сыгралъ!.. «въ чемъ?... семь въ червахъ!... вистъ! вистъ!...» — Слышался стукъ при сбрасыванiи картъ, потомъ хохотъ, послѣ вопросъ: «что это?... безъ двухъ?... еще вопросъ: «консолищiа по десяти за взятку?» Еще вопросъ: «кому сдавать?» — Потомъ отвѣтъ; «вамъ-съ!» — И опять

вопросъ: «мнѣ ли-съ?» — Наконецъ восклицаніе: «какое скверное раздѣленіе!»

Въ залѣ за роялемъ, сидѣла Каролина Вильгельмовна въ задумчивости, и по временамъ брала на клавишахъ аккорды, не всегда удачныя. Передъ нею стоялъ длинный—предлинный и тонкій—претонкій драгунъ. Всегда молчаливый, онъ и теперь молча смотрѣлъ на задумавшуюся дѣвушку. Но вотъ! онъ зашевелилъ зубами—значить, сбился говорить.

«Спойте чтонибудь!» сказалъ онъ.

Каролина Вильгельмовна раскрыла тетрадь съ нотами и заѣла:

«Кого-то вѣтъ! кого-то жаль!

«Къ кому-то сердце мчится вдалѣ!...»

—Когда она дошла до двухъ слѣдующихъ стиховъ:

«Ему привѣтъ! ему поклонъ!

«Объ немъ Спасителю молитва!...»

—Она перестала вѣтъ, привстала и поклонилась вошедшему щегольскому гвардейцу, Сергѣю Степановичу Брошину.

Задумчивость ея разсыпалась; ея большіе глаза заблестѣли и загорѣлись; она путя упрекнула его:

«Сергѣй Степановичъ!... Вамъ нельзя вовсе вѣрить!... Вы вѣчно неправду говорите. Вы хотѣли меня увѣрить, что вы каждое Воскресенье бываете на Невскомъ проспектѣ. Вчера мы были тамъ, и, признаться, раза три... четыре оглянулась, а васъ не видѣла. Народу было мало, и я бы непременно замѣтила васъ, если бы вы были тамъ.»

—«Каролина Вильгельмовна! Я не былъ на Невскомъ проспектѣ; потому что я думалъ, что вы въ такую дурную погоду, не поѣдете такъ далеко — а кромѣ того, былъ я еще связанъ и службою.»

«Сдѣлайте одолженіе! Вы вовсе не такой служака, чтобы для службы отказаться отъ чегонибудь.»

Фолькманъ приподнялъ грудь и плечи, выставилъ впередъ правую ногу и нижнюю губу, что онъ всегда дѣлалъ, когда бывалъ недоволенъ чѣмънибудь. Онъ, кажется, сердился, что Каролина Вильгельмовна такъ занялась Брошинымъ, и спросилъ ея:

— «Чтожь вы не кончили начатый романсъ? Продолжайте, сдѣлайте одолженіе!» —

«Ахъ, Monsieur Фолькманъ!» — отвѣтила она язвительно —

«этотъ романсъ уже наскучилъ мнѣ: я его уже столько разъ пѣла при васъ, что онъ и вамъ не можетъ болѣе нравиться.» Вообще я думаю, что пѣніе мое вамъ вовсе не нравится, и что вы только изъ вѣжливости меня просите, чтобъ я пѣла. Я впрочемъ спою вамъ другой романсъ; но и этотъ не понравится вамъ:

«Не улыбайся такъ привѣтно,

«Мой другъ, на взоръ холодный мой!

«Напрасно словъ любви завѣтныхъ

«Не трать такъ щедро предо мной!...» —

Съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха, она пропѣла третій куплетъ:

«Любить тебя — во мнѣ нѣтъ силы!

«Тебя обманывать — нѣтъ словъ!

«Но вѣрь мнѣ... вѣрь, что до могилы

«Я другомъ быть твоимъ готовъ!...» —

Она расхохоталась. Фолькманъ приподнялъ груди и плечи, выставилъ впередъ правую ногу и нижнюю губу. Она сказала.

«Не права ли я? Вамъ не понравились эти куплеты; я это вижу по вашему лицу.» —

Пока она пѣла: Брошинъ побывалъ въ гостиной, поклонился хозяйкѣ и поговорилъ съ нею; — побывалъ въ столовой, поклонился хозяину и поговорилъ съ нимъ, и возвратился въ залъ къ Каролинѣ Вильгельмовнѣ, которая обратилась къ нему съ вопросомъ, придавая своимъ словамъ особенно привѣтливый тонъ:

«Вы часто проѣзжали по Кирочной?... На этой улицѣ живетъ Софья Егоровна... Сама судьба покровительствуетъ вамъ; у дома, въ которомъ она живетъ, мостовая ужасно испорчена, и вы, мимо ея оконъ, должны проѣзжать шагомъ.... Въ пятницу я писала къ ней записку, и поклонилась ей отъ васъ.... Вы, конечно, мнѣ простите это маленькое своевольство.... Я даже надѣялась вамъ сдѣлать этимъ услугу....» —

— «У васъ постоянная переписка съ нею?» спросилъ Брошинъ. —

«Нѣтъ! Вотъ видите ли? Она была у меня въ Четвергъ и выпросила у меня книгу, которую вы мнѣ дали: «Le dragon rouge, par Léon Cozlan.» — Я первую часть ей тотчасъ отдала; а вторую — послала ей уже на другой день, когда сама прочла.» —

— «Вы довольно скоро читаете. Какъ вамъ понравилась книга?» —

«О! очень понравилась. Я отдаю полную справедливость вашему выбору и вкусу. Но я не слишкомъ скоро читаю... Вы книгу привезли мнѣ, кажется, въ прошлый понедельник.... Когда вы вечеромъ уехали, я тотчасъ принялась читать «le dragon rouge.» — Въ тотъ же вечеръ, хотя уже было очень поздно, прочла я страницъ тридцать. Но повѣрите ли вы мнѣ? я ничего не могла припомнить, что прочла.... Мнѣ некогда было думать объ этомъ красномъ драгунѣ....» —

Она съ улыбкою, украдкою, взглянула на Фолькмана. Рыжій драгунъ приподнялъ грудь и плечи, выставилъ впередъ правую ногу и нижнюю губу.

— «Объ чемъ же вы думали тогда?» спросилъ ее Брошинъ.

«Когда я закрыла книгу; я вспомнила, что вамъ нужно было тогда переѣзжать черезъ Неву.... Я вспоминала, что мосты еще съ утра были разведены; потому, что на Невѣ показался ледъ изъ Ладожскаго озера... Знаете ли?.. Я за васъ боялась тогда... Каково вамъ было переѣзжать чрезъ Неву — между льдинъ, — ночью?... Это ужасъ!...»

Въ дверяхъ столовой показался старикъ Алтонгъ, держа въ рукѣ двѣ колоды картъ:

— «Липочка! Вотъ тебѣ карты — мы взяли новыя.» — Онъ ушелъ въ столовую, сѣлъ за ломберный столъ и началъ новую пульку. Брошинъ спросилъ его Липочку:

— «Что вы будете дѣлать съ этими картами? Вы развѣ играете?» —

«Когда Софья Егоровна у меня, то мы играемъ въ умищи (въ дурочки); а иногда и гадаемъ.... Въ Четвергъ она была у насъ, и мы очень много гадали, сначала себя, а послѣ и некоторымъ нашимъ знакомымъ. Мы и вамъ, Сергѣй Степановичъ, гадали.» —

— «Очень благодаренъ, что вы вспомнили обо мнѣ. Что же мнѣ вышло?»

«Вы бубновый король. У васъ на сердцѣ была бубновая дама. Около васъ четыре десятки; это значитъ, что вы влюблены — очень влюблены, или въ васъ влюблены, или — и то, и другое. Червоная масть кругомъ васъ. Тутъ было и сватовство, и поларки, и деньги, и во всемъ удача. Вѣрите мнѣ и картамъ, такъ, какъ я имъ вѣрю. Была и треновая дама; значитъ — большая перемена. Но съ

червоннымъ. королемъ вы имѣли, или будете имѣть неприятность, или онъ на васъ сердится, или вы сердитесь на него.» —

— «Кто бы могъ быть этотъ червонный король? Кому изъ вашихъ знакомыхъ гадали вы на червоннаго короля?» спросилъ Брошинъ.

«Константину Ивановичу Фолькману, мы не успѣли гадать. За Соничкою былъ присланъ экипажъ, и она должна была уехать. Но если бы стали гадать для него, то не иначе — какъ на червонномъ королѣ.»

— «Что же вамъ самимъ вышло? Это вѣрно секретъ для насъ? По крайній мѣрѣ, скажите: на какую даму вы гадали для себя?... На трефовую?... На пиковую?... На червонную?...

Каролина Вильгельмовна три раза отрицательно кивнула головою, не трудно было догадаться, что она — бубновая дама, и Брошинъ пересталъ спрашивать. Онъ, внутренно смѣясь, подумалъ:

— «Вотъ кто былъ у меня на сердце!... Сватовство и деньги!... Во всемъ удача!... Любо, да и только!...» —

Каролина Вильгельмовна заиграла полку. Это вывело его изъ задумчивости. Она кончила играть и сказала:

«Знаете ли что?... Я въ среду была въ магазинъ на Невскомъ. Вдругъ вижу: вы идете по тротуару. И что же? Вы въ очкахъ. Я не повѣрила однакожъ, чтобы вы были близоруки. Вы въ очкахъ не узнали меня; а безъ очковъ, вѣрно увидѣли бы въ окнѣ. Вы вовсе не близоруки. Я никогда не повѣрю этому. У васъ очень хорошіе глаза, — во всѣхъ отношеніяхъ, прекрасные глаза!»

— «Очень благодаренъ за комплиментъ! Но позвольте вамъ не повѣрить! Я знаю очень хорошо, что у меня вовсе не прекрасные глаза. И положимъ, что я не близорукъ; но уже одинъ этотъ потухшій цвѣтъ моихъ сѣрыхъ глазъ, заставляетъ меня носить очки, чтобы сколько нибудь скрыть подъ стеклами этотъ неприятный цвѣтъ.»

«Какая скромность!... У васъ такіе голубые глаза... Ахъ!... такіе, что... не умю!.. просто, не умю сказать!...»

Она зашла:

«Не глядите на меня, вы пламенные очи!...»

Когда она перестала пѣть, то обратилась опять къ Брошину:

«На канунъ, была я тоже въ одномъ магазинъ и

купила себѣ лорнетъ, а послѣ мнѣ стыдно стало, когда я вспомнила, что вы станете смѣяться надо мною, когда увидите у меня лорнетъ... Теперь вы не имѣете права смѣяться надо мною: у васъ самихъ очки.»

— «Вотъ странный случай!... Очки я купилъ тоже во вторникъ. Покупками этими мы сошлись!»

«Очень рада, что мы съ вами, хотя въ этомъ случаѣ сошлись!» замѣтила она кокетливо.

Въ дверяхъ изъ столовой показался Алтонгъ:

«Господа!... Сергѣй Степановичъ!... Константинъ Ивановичъ!... Herr Volkmann!... Не угодно ли закусить?..»

Каролина Вильгельмовна повторила своимъ кавалерамъ предложеніе своего отца:

«Сергѣй Степановичъ, не угодно ли въ столовую?... Только не растолкуйте это въ дурную сторону: вы не думайте, чтобы я хотѣла избавиться вашего пріятнаго общества!... Константинъ Ивановичъ, не угодно ли вамъ ужинать?» —

— «А мнѣ какой смыслъ дать этимъ словамъ?» спросилъ ее Фолькманъ.

Она ничего не отвѣтила, сдвинула низкій и жеманный кивксенъ, и побѣжала черезъ гостинную въ свою комнату. Брошинъ пошелъ въ столовую; Фолькманъ въ переднюю, откуда въ сѣни, и ухаль совсѣмъ разстроенный. Послѣ закуски и остальные гости разѣхались.

УТРО ПОСЛѢ ПЕРВАГО ПОНЕДѢЛЬНИКА,

или

ПЕРВЫИ ВТОРНИКЪ.

РАЗДУМЬЕ.

На другой день, утромъ, Брошинъ небрежно лежалъ на диванѣ и, въ раздумьи, дымилъ трубкою. По временамъ, онъ хватался за книжку, Брюссельскаго изданія, въ желтенькой оберткѣ; но онъ не былъ въ расположеніи читать, и бросалъ ее опять на столъ. Раздумье до того имъ овладѣло, что онъ началъ разсуждать въ слухъ:

«Партія эта была бы не дурна. Каролина Вильгельмовна—дочь Генерала. Съ ней я получу сто тысячъ приданого. Она наследница всего отцовскаго имѣнія. Она расположена ко мнѣ: и слыной это замѣтилъ бы. И кажется, вчера, этотъ драгунъ, не на шутку, приревновалъ ее ко мнѣ. Она не хороша; но чѣмъ?... У нее неправильный профиль, неправильныя черты лица. Но я не люблю этой строгой правильности лица. У блондинки—правильное лицо, рѣдко бываетъ съ выраженіемъ: оно почти всегда бываетъ холодное,—не говоритъ сердцу,—неподвижно въ своей безчувственности. Въ правильномъ же лицѣ брюнетки, нахожу я черты, общіе всемъ красавицамъ—жидовкамъ; это дѣлаетъ на меня всегда непріятное впечатлѣніе. Маленькая неправильность даетъ лицу выраженіе. Неправильность лица не рѣдко бываетъ слѣдствіемъ глубокихъ чувствъ;—выраженіемъ испытанныхъ горестей и радостей,—уликою душевнаго томленія, или пламенной восторженности. Правильность и безчувственность лица, — неправильность и выразительность лица, — кажутся мнѣ понятіями тожественными. Одно исключеніе!... одно только исключеніе!... Въ правильномъ лицѣ Сонички сколько жизни, чувства, ума, добродушія!...»

Онъ пустилъ на воздухъ нѣсколько колець табачнаго дыму.

«Въ глазахъ Каролины Вильгельмовны какой блескъ!... сколько огня неопредѣленныхъ желаній!... Но въ глазахъ Сонички, мало того, что есть блескъ и огонь... Въ нихъ увидишь, какъ въ зеркалѣ ея чистую душу... Въ нихъ прочтешь наивную идиллію счастливой аркадіи... Въ нихъ прочтешь [цѣлую поэму — поэму безъ словъ!... Въ нихъ столько пророчества—пророчества, не земнаго счастья тому, кому будутъ принадлежать и сердце, и рука ея...» —

Изъ волнующейся груди его вырвался глубокой вздохъ.

«У Каролины Вильгельмовны—какой чудесный бюстъ!.. какая пріятная округлость плечъ!.. Но Соничка! ея станъ, ея формы — величественно хороши... Вы смотрите на нее: въ васъ утихаютъ все земныя страсти! вы забываетесь въ созерцаніи ея красоты! васъ очаровываютъ страхъ и изумленіе! вы дѣлаетесь набожными, дивясь Великому Творцу этаго изящнаго созданія!... Кто видѣлъ мою Соничку, тому что—Психея и Амуръ, произведенія рѣзца Кановы!»—

«Каролина Вильгельмовна! Въ твоей власти, дарить только земнымъ счастіемъ; но счастье небесное я найду,

если я его достоинъ, въ Соничкѣ. По это счастье — поэзія! оно несбыточно! я едва ли достоинъ его! судьба не мнѣ его предопредѣлила!... Условія общежитія — эта проза — заставила меня подумать, что она безъ состоянія, что и я не имѣю средствъ, и это не земное счастье, навсегда останется мечтою для меня!... Сама Соничка — для меня мечта!» —

Онъ вскочилъ съ дивана и широкими шагами началъ ходить по комнатѣ. Въ его отрывистыхъ движеніяхъ, въ его блуждающихъ очахъ, въ его невѣрной походкѣ, въ его нависшихъ бровяхъ, ясно выражалось бореніе страстей. Въ отчаяніи онъ опять забылся, и въ слухъ проговорилъ:

«Соничка! Необходимости я жертвую тобою, своею мечтою, своимъ счастьемъ!..., Каролина Вильгельмовна! Я притворюсь, будто васъ люблю; но простите мнѣ: я постараюсь... буду владѣть собою, чтобы вы никогда не узнали этой тайны. Вы, можетъ быть, будете счастливы моимъ обманомъ,—своимъ заблужденіемъ. Вообще счастье наше... Въ чемъ же, собственно оно состоитъ?.. Гдѣ его найти?.. Ищите его въ заблужденіяхъ. Самое счастье, есть заблужденіе, обманъ, которыя васъ очаровали. Вы прозрѣли, вы разгадали, узнали прозаическую истину — очарованіе ваше прошло и счастье ваше разлетѣлось, какъ легкій дымокъ—отъ слабаго вѣтерка. Счастье это взрѣдка потомъ, въ однѣхъ воспоминаніяхъ, явится предъ вами, какъ не ясная мечта! Каролина Вильгельмовна! Я васъ обману; но вы будете счастливы!»

Брошинъ не помнилъ вовсе своего разговора на кануи съ Каролиною Вильгельмовною. Онъ помнилъ и зналъ только одно, что она расположена къ нему, что она, предпочла его другимъ, что она, можетъ быть, даже любить его. Всѣ мужчины таковы. Если женщина расположена къ мужчине, если она любитъ его; то напрасно старается показать ему это: онъ и безъ того, по какому-то инстинкту, угадаетъ ея чувства. Выскажи она ему всю душу, всѣ чувства и мысли свои: онъ слова ея оставитъ безъ вниманія, не запомнитъ ихъ; въ немъ останется только какое-то безотчетное убѣжденіе, что онъ любимъ. Но покажи женщина свое не расположеніе къ мужчине,—выскажи она это намеками, или безъ намековъ: слова ея врѣжутся въ память его,—врѣжутся въ сердце его, въ которомъ оставятъ жестокою рану.

Костантинъ Ивановичъ Фолькманъ, какъ раненый левъ,

заключенный держимъ ловцомъ въ узкую кѣтку, метался изъ угла въ уголь комнаты. Вечеръ, проведенный наканунѣ у Алтонговъ, сдѣлалъ на него такое сильное впечатлѣнiе, что онъ еще и на другое утро не могъ опомниться. Каждое слово Каролины Вильгельмовны вѣзлалось въ память и въ слухъ его до того, что ему все еще казалось, будто она поетъ:

«Любить тебя по мнѣ нѣтъ силы!

«Тебя обманывать—нѣтъ словъ!

И будто она говоритъ съ злою иронiею на устахъ:
«Мнѣ некогда было думать объ этомъ красномъ драгунѣ!»

И будто она поетъ:

«Кого-то нѣтъ! кого-то жаль!

«Къ кому-то сердце мчится взадъ!...»

И будто говоритъ:

«Этотъ романъ уже наскучилъ мнѣ: я уже его столько разъ пѣла при васъ, что онъ и вамъ не можетъ вовсе нравиться.»

Онъ крѣпко задумался, и сдѣлалъ себѣ вопросы:

«Отъ чего же она не любитъ меня?... развѣ меня нельзя любить?.. Не уже ли я до того дурень?.. Не уже ли во мнѣ нѣтъ вовсе любезности?... Или она уже любитъ другаго?..»

Прошедшись нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ, онъ началъ опять разсуждать въ слухъ:

«Кого же она любитъ?..»

Онъ заплѣлъ, и ему показалось, будто онъ слышалъ голосъ Каролины Вильгельмовны:

«Ему привѣтъ! Ему поклонъ!

«Объ немъ Спасителю молитва!...»

«Ну такъ и есть!»—подумалъ онъ, «Она любитъ... и любитъ этаго вѣтрогона Брошина... Ему привѣтъ! Ему поклонъ!.. Да, она не на шутку, завята имъ... Да, она пѣлую недѣлю только и думала, что объ немъ: Въ понедѣльникъ — она боялась за него, чтобы онъ не потонулъ въ Невѣ подъ льдинами. Ужъ чортъ бы вынесъ его въ море вмѣстѣ съ льдинами!.. Во вторникъ—она купила морнетъ и

вспомнила, что, можетъ быть, этотъ Брошинъ посмѣется надъ нею... Въ среду—она увидѣла его въ очкахъ и обрадовалась... что онъ потерялъ права смѣяться надъ ея лорнетомъ... Въ четвергъ—она гадала для него на картахъ... Въ пятницу—она писала объ немъ къ Софѣ Егоровнѣ... Въ субботу—она замѣтила, что онъ не шелъ съ полкомъ, который попался ей на встрѣчу на Вознесенскомъ мосту.... Въ воскресенье — она надѣялась его увидѣть въ Шведской церкви.... И все это она, такъ наивно, такъ невинно, рассказываетъ, что не рѣшишься обвинить ее въ нескромности, въ безстыдствѣ... Наслушался же этотъ Брошинъ и комплиментовъ на счетъ своихъ глазъ... Да съ какимъ милымъ кокетствомъ было сказано: я очень рада, что вы съ вами, хоть въ этомъ случаѣ, сошлись... Ясно! Она любить Брошина! Терпѣть не могу этаго Брошина! Какъ славно пророчать карты Каролины Вильгельмовны! Она сказала ему: съ червоннымъ королемъ вы вмѣли, или будете имѣть непріятность, или онъ на васъ сердится, или вы сердитесь на него. Я, червонный король, серьезно взбѣшенъ... просто взбѣшенъ на этаго Брошина!

Задумался Фолькманъ, и, съ шумомъ, долго еще ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ; а потомъ,—наглядѣвшись на Руси — на Русскихъ,—запѣлъ, чтобы, какъ говорится, отвести душу. Со страху ли, съ горя ли, съ радости ли, съ тоски ли,—Русскій всегда поетъ, и, промурлыкавъ пѣсенку, онъ успокоивается и утѣшается. Фолькманъ... хоть онъ Шведъ, или Финъ, а мы назовемъ его Русскимъ Нѣмцемъ.. Онъ то же запѣлъ, чтобъ сколько нибудь развлечь себя, и запѣлъ онъ, по поламъ съ грѣхомъ, коверкая слова и фальшивя голосомъ, Русскіе мотивы изъ *Аскольдовой могилы*. Гаркнувъ во все горло:

«Люди ратные не смѣли.

Онъ всталъ въ величественную позу посреди комнаты, и грознымъ взглядомъ покосился чрезъ приподнятое правое плечо. При словахъ:

«И съ Касоговъ брали дань...»

Онъ сдѣлалъ жестъ рукою и ударился ею объ низкій ео сводами потолокъ. Это нечаянное приключеніе покажется очень естественнымъ всякому, кто знаетъ Фолькмана и его высокую, длинную и тонкую фигуру и его длинныя руки.

Фолькманъ ударившись рукою объ потолокъ, опомнился и возвратился изъ мечтательнаго міра къ дѣйствительному. Онъ вспомнилъ, что деньщика своего послалъ за извощикомъ, — что ему пора уже ѣхать въ Петергофъ, чтобы не опоздать на дежурство по конюшнямъ, — и проклялъ деньщика этаго за его медленность:

Чертъ возьми моего Стѣнку!.. гдѣ онъ теперь шляется?... Золотое время понапрасну только пропадаетъ!..»

Въ передней закричали двери, и въ блокѣ завизжала веревка съ кирпичемъ, вшитомъ въ грубую холстину. Понеслись тяжелые шаги, крахтѣніе и кашель.

«Вотъ, онъ идетъ!»

И Фолькманъ не ошибся. За стеклянными дверьми показалось красное лицо съ оледенѣвшими усами и съ бѣлыми заиндѣвѣвшими бровями. Деньщикъ ломался въ двери; но его окоченѣвшія отъ мороза руки, долго не могли справиться съ испорченнымъ двернымъ замкомъ.

«Что же?.. привелъ?..»

—«Навялъ-съ, ваше высокоблагородіе!.. Долго искалъ-съ... Не ѣдутъ мошенники, да и только... «Больно студено» говорятъ, да и только... «Вишь морозъ-то больно щиплется» говорятъ, да и только.. «безъ носу, да ушей, доѣдемъ» говорятъ... Ну, ужъ на-силу... Съ Козьяго болота Кронштадтскаго извощика уговорилъ-то я... И то-съ мѣнѣ двадцати рублевъ-съ не беретъ-съ, да и только...»

«Ну погрѣйся пока! Номерной сейчасъ придетъ; ему дашь комнату, а потомъ и вынесешь вещи.»

Мальчикъ въ длинно-поломъ сниметъ сюртукъ, съ волосами, остриженными въ кружокъ, воцелъ, держа въ одной рукѣ осьмушку бѣлой бумаги, исписанную каракулями, а въ другой—двугривенникъ и мѣдныя деньги, и насчиталъ однозвучнымъ голосомъ:

«За фатиру за трое сутокъ,—за три обѣда-съ,—три раза изволили чай брать-съ, употребили-съ бутылку мадеры-съ и рюмку водки-съ, и того-съ двадцать четыре рубля и десять копѣекъ-съ,—росписался на счетѣ буфетчикъ... Вы изволили дать бѣлую ассигнацію-съ... Вамъ слѣдуетъ сдать двугривенный и двадцать копѣекъ мѣди...»

«Возьми себѣ на водку.»

—«Покорнѣйше благодаримъ-съ... Къ намъ пожалуйста и на-предки!»

Мальчикъ этотъ, то есть: номерной, собралъ чайную посуду на пестрый подносъ, который онъ держалъ въ лѣвой

рукѣ;—сказалъ подъ лѣвую мышку грязную скатерть, снятую со стола;—поклонился,—правою рукою расчесалъ въ обѣ стороны волоса, нависшіе на глаза, и—вышелъ.

«Ну, Стенка!.. вынеси вещи въ кибитку!.. пойдѣмъ!»—сказалъ Фолькманъ и началъ кутаться въ тулупъ, шинель и въ вязанные шарфы разныхъ цвѣтовъ. Нахлабучивъ папашку (черкесскую мѣховую шапку), онъ побрѣлъ за своимъ деньшикомъ, который на головѣ несъ чемоданъ, а въ правой рукѣ кожаный шляпочникъ. Сходя по узкой лестницѣ, Фолькманъ ворчалъ:

«Не стоитъ эта дѣвочка того... Въ три дня 25 рублей въ трактирѣ... 35 рублей извозчикамъ, сюда и обратно въ Петергофъ... Да рублей 20 проѣздила здѣсь въ Петербургъ... Да какъ овозжаю на дежурство, то еще два дня ареста или лишнихъ дежурствъ... Дорого же обходится мнѣ это волокитство!.. и волочусь-то я безъ успѣха, безъ цѣли... Пѣтъ, кончено!.. Не буду больше у Алтонговъ!... Брошу волокитство, забуду любовь, займусь одною службою!.. надоѣли мнѣ эти поѣздки... Сама Каролина Вильгельмовна надоѣла мнѣ своимъ волокитствомъ... Не стоитъ эта дѣвочка этихъ непріятностей по службѣ и этихъ вздержекъ!..»

ВТОРОЙ ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

МАЗУРКА.

Я пріѣхалъ къ Алтонгамъ. Въ гостиной чехлы были сняты со стульевъ и съ дивана. Я спросилъ одного изъ официантовъ: «Приготовлено ли... будутъ ли подавать мороженаго?» онъ отвѣчалъ мнѣ: «будутъ.» и я догадался, что хозяйнѣ ожидалъ много гостей, и притомъ почетныхъ гостей. Музыканты пришли въ девять часовъ. Гости нахало больше обыкновеннаго. Танцы начались въ десять часовъ. Начали съ вальса; потомъ танцевали пять контръ-дансовъ, а въ промежуткахъ—бѣшенный галопъ; наконецъ—мазурку. Я не опишу вамъ вальса; потому что не люблю его: танцуютъ его теперь ни въ три, ни въ два такта, а совершенно безъ такта. Не люблю я,—и не любилъ и прежде, ко-

гда я еще танцевалъ,—этихъ контръ-дансовъ; потому, что они требуютъ слишкомъ много заботъ о визави, а иногда даже бываютъ причиною неприятностей, и все изъ-за визави. Не люблю я и галопа: вся цѣль этого танца состоитъ въ томъ, чтобы выказать ловкость. Выказать же свою ловкость, увертываясь и отвертываясь отъ толчковъ,—это тщеславіе слишкомъ мелочно для мужчины. Мужчина долженъ танцевать не изъ мелочнаго тщеславія, чтобы хватать своими ловкими прыжками, въ танцахъ цѣль его должна быть: сблизиться съ прекраснымъ поломъ, — блеснуть гибкимъ умомъ въ легкомъ разговорѣ, соразмѣренномъ съ понятіями его дамы. Въ мазуркѣ эта цѣль можетъ быть достигнута, и это главная причина моего пристрастія къ этому танцу. При томъ, въ наше прозаическое время, если хотите найти поэзію; то ищите ея въ мазуркѣ!.. Въ любви много поэзіи.. А любви гдѣ искать въ нынѣшнее расчетливое время?.. въ семейной жизни?.. тамъ не найдете ее.. Вы, можетъ быть, думаете, что отецъ любитъ сына, сынъ отца, жена мужа?.. ничего не бывало!.. они живутъ вмѣстѣ; потому что судьба ихъ столкнула.. Они живутъ согласно изъ приличія... Они заботятся другъ о другѣ, всякій рассчитывая въ свою очередь на попеченіе другаго... Нѣтъ!.. въ одной мазуркѣ найдете еще любовь!.. Ею увлекается молодой прапорщикъ. Не знакомый со свѣтомъ, онъ рассчитываетъ на взаимность: другихъ расчетовъ онъ еще не знаетъ. Онъ не знакомъ съ нуждами; нужды еще не испортили его, — не сдѣлали расчетливымъ, въ смыслѣ обще-употребительномъ этого слова. Расчетъ не мѣшаетъ ему любить.—Любовью увлекается Коллежскій секретарь, вновь выпущенный изъ Университета, гдѣ добро, высокая цѣль и поэзія, ему внушены профессорами. Любовью увлекается еще не опытная дѣвушка, съ которою танцуетъ мазурку такой прапорщикъ, или такой Коллежскій секретарь. Но и эта любовь, которая вспыхиваетъ въ мазуркѣ, не рѣдко отзвучитъ уже въ сердцѣ съ послѣднею нотою балльной музыки. Послѣдній ударъ смычка, не рѣдко убиваетъ эту любовь при самомъ ея загарѣ. Мазурка кончилась, музыка перестала напѣвать свои употребительные звуки; дѣвушка оставила своего кавалера, а съ нею отлетѣло отъ него и очарованіе. Молодежь вспомнила объ родителяхъ; а родители распорядятся ихъ судьбою по расчету. Мазуристы вздохнули, и изъ благоразумія (нынѣ человекъ съ пятнадцати лѣтъ—благоразумень) забыли лю-

бовъ. Больше было бы счастливыхъ партій; если бы онѣ составлялись въ мазуркахъ, а не въ кабинетахъ родителей, за счетными книгами и за письменнымъ столомъ, на которомъ подписываются и уплатныя векселя.

Люблю я мазурку; въ мазуркѣ и я любилъ: послѣ мазурки и меня обдало холодомъ, при взглядѣ на монахъ родителей. Но одно мнѣ не нравилось въ этомъ танцѣ: танцуешь съ хорошенькою, — думаешь разговориться—а ее безпрестанно выбираютъ, и нить разговора разрывается, а связать ее уже не такъ ловко.

Опишу вамъ мазурку у Алтонговъ; можетъ быть, мой любимый танецъ и васъ заинтересуетъ.

Въ первой парѣ, фигуры начиналъ Брошинъ съ Каролиною Вильгельмовною. Онъ успѣлъ рассказать ей нѣсколько столичныхъ новостей, — нѣсколько анекдотовъ о самомъ себѣ, а еще больше о другихъ, передать невинныя сплетни своихъ знакомыхъ, — посмѣяться надъ нѣкоторыми кавалерами, — осмѣять и нѣкоторыхъ дамъ, что особенно нравилось Каролинѣ Вильгельмовнѣ. Послѣ такой милой болтовни, онъ вдругъ замолчалъ и разсѣянно смотрѣлъ, самъ не зная, — на что. Его дама замѣтила это и напомнила ему о себѣ, выбравъ новую тему для разговора.

«Сергѣй Степановичъ! вы большой оригиналъ и ужасно неровнаго характера: то вы чрезъ мѣру веселы, — болтливы, — любезны; то вдругъ молчаливы, какъ наука, — холодны, какъ нашъ скучный сѣверъ. Право! вы такъ странны!....»

— «То есть, вы хотите сказать, что я смѣшенъ. Мы, мужчины, всегда смѣшны, когда любимъ; а особенно, когда любимъ и намъ не отвѣчаютъ. Тогда замѣчается неровность въ нашемъ поведеніи. Иногда наше самолюбіе насъ обманываетъ; намъ кажется, что мы поняты и что въ насъ берутъ живое участіе; тогда мы веселы и болтливы, но не надолго: самое ничтожное обстоятельство. — одинъ взглядъ, — одно слово, — и мы возвращаемся къ нашимъ прежнимъ сомнѣніямъ, тоска грызетъ по прежнему наше сердце; тогда мы скучны и молчаливы. И мой характеръ не ровень отъ того, что люблю безъ надежды.»

— «Развѣ любите — замужнюю?» — спросила она, лукаво улыбулась и взглянула сперва на Брошина, а потомъ на Олегу Васильевну Леоновскую, которая въ то время смотрѣла на разговаривающихъ.

— «Такая любовь не всегда — безнадежная,» — отвѣтил смѣясь Брошинъ — «но я люблю безъ надежды; потому что меня не любятъ, — мнѣ не отвѣчаютъ. И я не такъ самоувѣренъ; чтобы надѣяться настойчивымъ искательствомъ, и натянутою любезностью возбудить чувства къ себѣ, которыхъ не чувствуютъ ко мнѣ по капризу.»

«Развѣ уже вы открыли не умолимой особѣ свои чувства; иначе какъ могла она вамъ дать замѣтить: расположена ли она къ вамъ? или нѣтъ?... Объяснитесь! и можете быть, все еще объяснится въ вашу пользу.»

— «Но какъ рѣшиться на объясненіе; когда я не могъ замѣтить и малѣйшаго къ себѣ расположенія.»

«Мы-дѣвушки-такъ связаны приличіемъ, мнѣніемъ свѣта, бдительнымъ надзоромъ не своихъ, а чужихъ матушекъ, что не можемъ слишкомъ замѣтно показывать своего расположенія: оно тотчасъ замѣтится и тѣмъ, отъ которыхъ мы хотѣли бы скрыть. Замѣчайте разныя мелочныя обстоятельства, изъ нихъ выводите свои заключенія. Васъ могутъ любить до безумія; но не покажутъ этаго. Если бы и счастье дѣвушки, зависѣло отъ этаго: она все-таки не рѣшилась бы танцовать съ вами два контръ-данса сряду; потому, что все это замѣтятъ, все заговорятъ объ этомъ. Жертвовать собою, — сдѣлаться предметомъ злословія, ни за что не рѣшится она; если бы и была безъ памяти отъ васъ. Любить васъ — она готова; но жертвовать собою... Но развѣ это не жертва?... Любить и молчать... Развѣ для этаго не нужно столько же самоотверженія, какъ для всякой другой жертвы?... Заговорите первый, вамъ отвѣтятъ; потому — что тогда вправѣ вамъ отвѣчать... За чѣмъ отчаяваться?...»

Брошинъ вспомнилъ, что онъ въ началѣ бала, въ разѣянности, ангажировалъ Каролину Вильгельмовну на два контръ-данса сряду, и что она танцевала съ нимъ только одинъ. Онъ понялъ этотъ намекъ, и смѣло приступилъ:

— «Послѣ вашего совѣта, въ случаѣ неудачи, не я виноватъ, а вы будете виноваты. Я люблю!... Люблю до безумія!... Отъ этой любви зависитъ мое счастье!... Если любовь эта не найдетъ отголоска въ другомъ сердцѣ; то нѣтъ счастья для меня! Я люблю ва...»

Онъ не кончилъ, не досказалъ: его даму выбрали въ фигурѣ. Когда она возвратилась къ нему; то онъ затруднился, какъ продолжать прерванный разговоръ. Онъ даже не помнилъ, на чемъ остановился, и минутный его энту-

зіязмъ дошелъ до точки замерзанія. Мысли его путались. Всегда покорныя слова не повиновались ему теперь и не связывались. Сама Каролина Вильгельмовна вывела его изъ затруднительнаго положенія и начала его спрашивать.

«Говорятъ, что у мужчинъ—первая любовь самая сильная, — что они на нее истощаютъ всю силу своихъ нѣжныхъ чувствъ, и что сердце ихъ, когда они опомнятся послѣ этой первой страсти, уже не можетъ горѣть тѣмъ огнемъ, и что это перегорѣлое сердце, послѣ только слегка тлѣетъ, какъ уголь, который исполоволь уничтожается своимъ слабымъ, тусклымъ красноватымъ огнемъ, и не можетъ вспыхнуть прежнимъ яркимъ пламенемъ. Но ваша любовь жжетъ ваше сердце;—это видно изъ вашихъ словъ: по вашимъ глазамъ, по вашимъ безпокойнымъ движеніямъ: значить, что пора первой любви у васъ еще не прошла. Не такъ ли? Въ этомъ случаѣ, я удивляюсь вашему постоянству. Вы четыре года тому назадъ, ѣздили на Кавказъ, и причина этой поѣздки мнѣ извѣстна. Вы любили; родители не позволили вамъ жениться; вы, съ отчаянія, поѣхали искать смерти въ войнѣ съ Горцами; но судьба вамъ предопредѣлила жизнь еще долгую; вы возвратились, и по всему видно, что чувства ваши не измѣнились; но вы перестали съ прежнимъ отчаяніемъ призывать смерть, потому что льстите себя надеждою, что родители ваши обдумаются, не станутъ болѣе препятствовать вашему счастью, и эта полуувѣренность въ согласіи вашихъ родителей, — эти сомнѣнія, эта боязнь, встрѣтить новыхъ препятствій со стороны ихъ, все болѣе и болѣе разжигаетъ вашу страсть. Признайтесь! Вы любите Соничку Лиманскую?... угадала ли я? . . . . .

Повторю вамъ опять, что я знаю изъ книгъ и отъ женщинъ, поопытите меня: мужчины могутъ любить, какъ вы любите, только ту женщину, которая первая внушила имъ любовь. Не лицемерьте предо мною! Признайтесь откровенно! Вы любите Софью Егоровну? Она здѣсь, и хотя вы во весь вечеръ ни слова еще не говорили съ нею, все-таки это не обманетъ меня. Вы съ нею не говорили и не танцовали, потому-что вашъ отецъ здѣсь и слѣдить за каждымъ вашимъ шагомъ; а онъ, помнитъ мнѣ, когда-то запретилъ вамъ танцовать съ нею. Признайтесь! У меня какое-то внутреннее, хотя ни на чемъ не основанное, убѣжденіе, что вы ее любите, что вы не можете любить другой! Вы ухаживаете за другими отъ скуки, говоря съ чувствомъ;

но это чувство внушено не тою дѣвушкою, которой вы говорите любезности, а внушено тою, съ которою вамъ запрещено говорить. О, вы мужчины, очень не загадочны! И не думайте, что мы бы всегда вѣрили вашимъ любезностямъ; мы ихъ только охотно слушаемъ, такъ-отъ нечего дѣлать, — для развлечения, — отъ скуки.»

Не ясно ли изъ этихъ словъ, что Каролина Вильгельмовна любила Брошина? Не ясно ли въ каждомъ словѣ выразились — рѣвность, — боязнь ея вдаться въ обманъ, если повѣрить его словамъ, — боязнь выслушать его предложеніе, не увѣрившись, что она не имѣетъ соперницы. — не увѣрившись, что любовь къ ней вытѣснила изъ сердца его — его первую любовь со всѣми ея милыми воспоминаніями. Она пристально посматрѣла на Брошина, — ея грудь сжалась боязливымъ ожиданіемъ, она ждала новыхъ увѣреній, что первую любовь онъ забылъ для нее; — она бы подсказала ему, чѣмъ убѣдить ее въ своей любви, — чѣмъ увѣрить ее, что Софья Егоровна забыта имъ; — но какъ это сдѣлать?

— «Каролина Вильгельмовна!» — сказалъ онъ — «вы судите, какъ женщина. Вы судите по себѣ — по женщинамъ. Женщина, слабое существо, можетъ истощить всѣ душевныя свои силы въ первой любви. Всѣ мечты ея о будущемъ, привязываются къ мысли о томъ, который первый сдѣлалъ на нее впечатлѣніе. Но рѣдко мечты и надежды, взлѣлянные этою первою любовію, сбываются. Рѣдко эта первая любовь оканчивается бракомъ. Дѣвушка выходитъ за другаго, и она не чувствуетъ себя столь счастливою, какъ надѣялась быть съ первымъ любимцемъ своего сердца. Любивши уже разъ, она дѣлается строже въ своихъ требованіяхъ: она требуетъ отъ мужчины, чтобы онъ, при всѣхъ достоинствахъ своихъ, имѣлъ бы непременно сверхъ того еще тѣ милыя качества, которыми увлекалъ ее первый любимецъ; но всякій мужчина имѣетъ своего рода достоинства, рѣдко сходныя въ двухъ разныхъ лицахъ. Дѣвушка, вышедши за-мужъ, при первомъ недоразумѣніи, при первой малѣйшей семейной непріятности, начинаетъ себя чувствовать несчастливою, начинаетъ жалѣть, что она не вышла за перваго любимца: она никакъ не хочетъ понять, что маленькія разочарованія, суть неизбежныя слѣдствія всякаго брака. Она свое мнимое и превеличенное несчастье приписываетъ человѣку, который виноватъ только тѣмъ, что не первый обратилъ на себя ея

вниманіе. Въ мечтахъ ея, первый любимецъ остается всегда въ свѣтломъ видѣ; хотя мужъ ея, стоитъ и выше его по своимъ достоинствамъ. Мечты; несбывшіяся надежды, воспоминанія, не удовлетворенныя желанія, и не уничтоженное очарованіе — на всю жизнь привязываютъ ее къ первому любимцу ея сердца, и эта привязанность, не даетъ развиться новой страсти. . . . .

Съ мужчинами со всѣмъ не то! мужчина, въ первой порѣ любви, не занятъ однимъ этимъ чувствомъ, не предается исключительно одному этому чувству! Жизнь для него нова; — кромѣ любви, на каждомъ шагѣ своемъ встрѣчаетъ онъ обстоятельства, которыя занимаютъ его своею новостью, — ставятъ его въ положенія незнакомыя. А эти положенія, приковывая его вниманіе, и заставляя его думать, развлекаютъ его и не даютъ ему заняться одною любовью. Кромѣ любви, сколько надеждъ у него еще въ будущемъ. Одно честолюбіе, едва ли не больше любви, увлекаетъ его и заставляетъ его строить воздушныя замки, которые еще болѣе счастливятъ его, чѣмъ надежды, возрощенныя его первою любовью. Когда же мужчина полюбилъ во второй... въ пятый... или въ десятый разъ; то онъ уже въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Настоящая жизнь, въ которой онъ встрѣчаетъ уже все знакомыя и предъугаданныя обстоятельства и положенія, не въ состояніи болѣе развлекать его. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ, когда карьера мужчины уже получила опредѣленное направленіе, — когда честолюбію его уже положенъ предѣлъ, за которымъ для него нѣтъ надеждъ; тогда остается для него еще одно не испытанное имъ—положеніе въ жизни, одно не разгаданное положеніе, которое еще можетъ ему льстить надеждами. Это положеніе — положеніе семьянина. Онъ ищетъ себѣ подруги; находитъ наконецъ дѣвушку, которая своимъ милымъ характеромъ можетъ составить его счастье; онъ привязывается къ ней всѣмъ умомъ и всѣми душевными силами; на ней основаны всѣ надежды его въ будущемъ, всѣ планы его. За постоянство этой привязанности, уже можно ручаться; потому, что характеръ челоѣка, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, уже не такъ гибокъ; не такъ послушенъ обстоятельствамъ, не такъ скоръ на новыя впечатлѣнія. Въ нашъ вѣкъ, когда такъ торопятся жить, двадцать шесть лѣтъ — лѣта уже зрѣлыя! Мнѣ минуло двадцать шесть лѣтъ.... я ручаюсь за свое постоянство. . . . .

Первая любовь мужчинъ—чувство эгоистическое, осно-

важное на тщеславіи. Дестно молодому человѣку, что ему отвѣчаютъ взаимностью; а въ особенности, его самолюбію льститъ то, если эту взаимность и другіе замѣчаютъ. Онъ любить не столько женщину, какъ самую любовь, какъ эту увѣренность, что онъ любимъ. Только позже, въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ, онъ можетъ любить, ни какъ эгоистъ, а съ самоотверженіемъ. Онъ привязывается уже къ самой женщинѣ; цѣлью его дѣлается не собственное счастье, а счастье любимой женщины; онъ откажется отъ собственного счастья, не женится на ней, если чувствуетъ, что не можетъ составить ея счастья; на это нужно великое самоотверженіе! Такая безкорыстная любовь, не должна ли быть лучше награждена, чѣмъ первая любовь? Такая любовь, не выше ли любви молодого человѣка, съ такъ называемыми свѣжими чувствами? Но человѣкъ, съ свѣжими чувствами, пользуется всегда болѣею довѣренностью женщины, пользуется чаще взаимностью, чѣмъ человѣкъ, который уже не въ первый разъ любить. Это несправедливо!...

Вотъ исторія первой моей любви: я началъ ухаживать за дѣвушкою, самую красивую въ томъ городкѣ, гдѣ стоялъ нашъ полкъ. Она отвѣчала мнѣ. Я, изъ благодарности, сталъ еще болѣе за нею ухаживать, и, незамѣтнымъ образомъ, вкралась въ сердце мое страсть — не къ дѣвушкѣ этой, а къ тѣмъ маленькимъ приключеніямъ, которыя сами по себѣ невинны, но которыя таки вредятъ доброй славѣ дѣвушки. Мое самолюбіе было подстрекнуто тѣмъ, что дѣвушка пожертвовала для меня этою доброю славою, и не мало возвышало меня въ собственныхъ глазахъ — сознаніе, что отъ меня же зависитъ поправить ошибки этой дѣвушки и заставить молчать злословіе. Не отвѣчай мнѣ она! не подстрекни она мое тщеславіе! и я бы не полюбилъ. ее . . . . . Теперь я иначе люблю: мнѣ не отвѣчаютъ; а я съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе привязываюсь къ жестокой, и, не смотря на свои страданія, я чувствую, что былъ бы несчастливѣе, если бы пересталъ любить. Если судьба не мнѣ назначила составить ея счастье, а другому: я не бѣжалъ бы на Кавказъ, какъ я это сдѣлалъ, чтобы дать болѣе трагическую развязку и кончину моей первой любви; я остался бы аплодирующимъ зрителемъ ея счастья, съ участіемъ сталъ бы я смотрѣть на нее, хотя бы она и нѣжилась въ

объятіяхъ другаго; я не почувствовалъ бы собственнаго несчастія, я жилъ бы тогда ея счастіемъ!»

«Какое самоотверженіе! Какое глубокое чувство въ вашихъ словахъ! Ваши слова должны убѣдить! Ваша любовь должна составить счастье дѣвушки!»

— «Каролина Вильгельмовна! повторите еще разъ собственные слова ваши!... Я не вѣрю своему слуху!... Такъ ли я слышалъ?... Правда ли: моя любовь можетъ ли составить счастье всякой!...»

Она въ нерѣшительности опустила глаза, замедлила отвѣтомъ, и разговоръ этотъ былъ опять прерванъ: Брошинъ былъ выбранъ въ «confident» Ольгою Васильевною Леоновскою. Онъ всталъ за стулъ, на которомъ она сидѣла въ срединѣ зала, наклонился къ ней, спросилъ ее объ избранномъ кавалерѣ, и она отвѣтила ему коротко: «кого хотите.» Кавалеръ Леоновской началъ подводить по одному кавалеру и по одной дамѣ. Брошинъ долго отрицательно кивалъ головою; пока не наговорился съ Леоновскою. Она начала этотъ разговоръ вопросомъ: «отъ чего вы такъ странны сегодня?» На это онъ отвѣтилъ почти тѣмъ же, съ малыми только измѣненіями, что онъ уже сказалъ Каролинѣ Вильгельмовнѣ. Онъ, безъ зазрѣнія совѣсти, рассыпался въ любезностяхъ предъ Леоновскою, которая наконецъ спросила его: «не правда ли: сестра моя «Annette» сегодня удивительно, какъ похожа на меня? у нее такой же «coiffure», какъ у меня.»

Кстати скажу объ Леоновской, что она очень любитъ своего мужа, что, она очень счастлива съ своимъ мужемъ; потому что онъ человѣкъ, достойный всякаго уваженія: милъ даже въ холостомъ обществѣ, образованъ, хоть и далекъ отъ учености, уменъ безъ насмѣшливости, добръ до такой степени, что не ссорится даже въ преферансѣ. Но, не смотря на любовь свою къ мужу и на семейное свое счастье, она ужасно кокетничаетъ; но ея кокетство чуждо всякаго эгоизма; она кокетничаетъ въ пользу своей младшей сестры «Annette.» Ея кокетство кончается всегда замѣчаніемъ, что «Mademoiselle Annette.» какъ двѣ капли воды, похожа на нее. Цѣль этаго кокетства обратить вниманіе на «Mademoiselle Annette,» влюбить въ «Mademoiselle Annette» тѣхъ, которымъ вздумалось бы влюбиться въ замужнюю ея сестру, выдать «Mademoiselle Annette» за-мужь...

Брошинъ возвратился къ своей дамѣ, и чрезвычайно удивился, когда нашелъ ее въ дурномъ расположеніи духа

послѣ того, что она такъ благосклонно слушала его длинныя разсужденія о первой любви, о свѣжести чувствъ и о любви въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ. Гнѣвъ Каролины Вильгельмовны не былъ шуточный; она сердито сказала ему:

«Я устала... Вы, тоже я думаю, довольно наговорились... Пора кончить мазурку... Пусть, эта фигура будетъ послѣдняя...»

Брошинъ имѣлъ полное право спросить Каролину Вильгельмовну: отъ чего вы такъ странны сегодня? У васъ, кажется, ужасно неровный характеръ? но онъ этаго вопроса не сдѣлалъ; потому, что ея вопросъ объяснилъ ему эту неровность характера:

«Вы, кажется, съ большимъ чувствомъ говорили Ольгѣ Васильевнѣ? Нельзя ли узнать: о чемъ? Со стороны казалось, будто бы ей объяснялись въ любви.»

Она ревновала Брошина къ Леоновской; онъ успокоилъ ее нѣсколько, когда сказалъ:

— «Чувство, съ которымъ я говорилъ Леоновской, было мнѣ внушено не ею, а другою, болѣе интересною особою.»

«Скажите наконецъ: кто же эта особа, имѣющая счастье васъ интересовать?»

— «Эта особа...»

Онъ не досказалъ; языкъ не повиновался его усилямъ. Онъ былъ очарованъ томнымъ взглядомъ дѣвицы Лиманской, глаза которой встрѣтились съ его глазами. Этотъ томный взглядъ прояснился. Софья Егоровна Лиманская, замѣтила то впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на Брошина. За то брови Каролины Вильгельмовны сдвинулись, и легкая морщинка вѣздась между ними. Она ревновала Брошина—уже не къ Леоновской, а къ Софьи Егоровнѣ.

Мазурка кончилась. Пары встали съ своихъ мѣстъ. Дамы и кавалеры въ безпорядкѣ смѣшались. Дамы начали по-парно обѣ руки расхаживать по залу. Кавалеры сторонились, давая мѣсто дамамъ; толкали при этомъ другихъ кавалеровъ; послѣ раскланивались, извиняясь другъ предъ другомъ; два... три кавалера подносили воды дамамъ, которые размахивали вѣерами и платками; послѣ эти кавалеры сами допивали недопитые стаканы.

Въ это время начинается безсловесная роль одного Штабсъ-Капитана, котораго вы можете видѣть каждый понедѣльникъ у Алтонговъ; потому что онъ родной братъ хозяйки. Тотчасъ по окончаніи мазурки, онъ

начинаетъ суетливо переходить отъ одного окна къ другому, будто ищетъ своей шляпы между грудями шляпъ, которыя тамъ валяются. Кавалеры бросаются къ своимъ полу-саблямъ и шляпамъ, если они военные, къ однимъ шляпамъ, если они статскіе, и спѣшатъ раскланываться съ хозлиномъ и съ хозяйкою. А Густавъ Захарьевичъ, такъ зовутъ этаго Штабсъ-Капитана, возвращается съ своею простосердечною улыбкою безъ шляпы къ своему обыкновенному посту, къ однимъ изъ трехъ дверей зала. Съ этаго поста, онъ наблюдаетъ обыкновенно за всѣмъ обществомъ, а преимущественно за своею племянницею — Каролиною Вильгельмовною и за ея танцорами. Прежде я всегда жалѣлъ объ немъ, когда видѣлъ его, съ самаго начала вечера, прислоненнаго къ дверямъ съ полу-закрытыми, маленькими, сѣренькими, сонными глазками: но когда я съ нимъ покороче познакомился; я узналъ, что его сѣренькіе глазки всегда, даже съ самаго утра, уже сонные, что это вовсе не значить, чтобы ему сильно хотѣлось спать, что онъ вовсе не скучаетъ на этихъ вечерахъ, что онъ даже часто влюбляется, тѣломъ прикованный къ дверямъ, духомъ порхая за какою-нибудь пригуней — блондинкою (блондицы въ его вкусѣ), что стоя у дверей безъ движенія ревниваго сердца, которое чуетъ соперника въ каждомъ, кто только въ танцахъ прикоснется къ рукѣ его блондинки. Не смотря на свою влюбчивость, Густавъ Захарьевичъ не женатъ еще, хоть ему уже сорокъ лѣтъ, и никогда не женится; потому что онъ никогда не постарается сблизиться съ прекраснымъ поломъ, надѣясь, что его свѣжее румяное моложавое лицо, сдѣлаетъ такое сильное впечатлѣніе, это прекрасный полъ самъ станетъ искать сближенія съ нимъ. Однажды, онъ очень расхваливалъ одну дѣвушку и заключилъ свою похвалу этими словами: «если бы она меня тогда спросила: правлюсь ли я вамъ сегодня? я бы тогда отвѣчалъ ей, что я просто влюбился въ нее, что я готовъ на ней жениться» Такъ какъ нельзя ожидать, чтобы дѣвица когда нибудь сдѣлала подобный вопросъ, то я увѣренъ, что онъ никогда и не женится.....

Маневръ Густава Захарьевича не подѣйствовалъ ни на меня, ни на Брошина; мы не брались за свои шляпы, а памѣривались дожидаться ужина. Когда большая половина кавалеровъ разъѣхалась; захлопнулись двери изъ зала въ столовую. Началась возня со столами; заскрипѣли выдвиг-

путья ножки у столовъ; забѣгали официанты; стучалъ фаянсъ; дребезжала стеклянная посуда; ронялись по временамъ ножи и вилки; и весь этотъ шумъ, который доходилъ до насъ чрезъ затворенныя двери, не мало радовалъ нашъ слухъ, а еще болѣе наши желудки. Въ залѣ отперли форточку. Большая часть дамъ, испугавшись сквознаго вѣтра, ушли въ гостиную; наконецъ, только четыре изъ нихъ продолжали расхаживать по залу.

Въ серединѣ шли подъ руки Ольга Васильевна Леоновская и сестра ея Анна Васильевна Штилева; онѣ горячо говорили и много смѣялись. Съ правой стороны ихъ, шла Каролина Вильгельмовна, съ лѣвой—Софія Егоровна Лиманская. Обѣ слушали со вниманіемъ двухъ сестеръ. Но разговоръ сестеръ производилъ различныя впечатлѣнія въ обѣихъ: первая, казалось, сердилась; вторая—привѣтливо улыбалась. Вѣ четыре безпрестанно взглядывали на Брошина, который, заложивъ руки за спину, задумчиво расхаживалъ, и, въ разсѣянности, разговаривалъ съ самимъ собою:

—«Видно судьбѣ не угодно; чтобы Каролинѣ Вильгельмовнѣ я сдѣлалъ предложеніе. Три раза былъ я на волосокъ отъ объясненія; но каждый разъ волосокъ обрывался и начать прерванный разговоръ удавалось только послѣ долгихъ предисловіи и введеній, такъ что, какъ коснешся казуснаго дѣла, смотришь: опять подоспѣла новая помѣха. Отъ чего же такъ легко было объясниться съ моею Соничкою? Мы какъ-то лучше другъ друга понимали; какъ будто были созданы другъ для друга. Да, сама судьба кажется, предназначила Соничку мнѣ; но родители насъ разлучили. Однакожъ люди слабѣе судьбы: Соничка будетъ моею! Я не умѣю притворяться въ любви. Ясно вижу: Каролина Вильгельмовна замѣтила, что мои чувства мнѣ внушены не ею. Она не захочетъ быть моею; потому что знаетъ, что я люблю другую.»

Крикливый голосъ Анны Васильевны, вывелъ его изъ задумчивости:

«Сергѣй Степановичъ! Знаете ли, о чемъ мы смѣялись съ Олинкой? Мы другъ другу рассказывали, что намъ говорили наши кавалеры. Со мною вы танцовали третій контръ-дансъ, и въ мазуркѣ вы были «confident» Олинки. Намъ обѣимъ вы говорили одно и тоже, почти слово въ слово. Послѣ этого, вы однако же ужасно односторонни.»

Глаза ея заблестѣли злостью. Она притворно засмѣялась. Брошинъ имѣлъ полное право сказать; «и вы тоже

хороши! Дѣлаете мнѣ всѣ одинъ и тотъ же вопросъ: «отъ чего вы такъ странны сегодня?» а хотите, чтобы я всякій разъ иначе отвѣчалъ. Тогда бы пришлось еще больше врать вамъ, чѣмъ я вралъ теперь.» Онъ, чтобы сколько нибудь оправдаться, сказалъ:

— «Не мудрено, что вамъ и Ольгѣ Васильевнѣ я говорилъ одно и то же: вы такъ похожи другъ на друга.»

«Перестаньте, пожалуйста, оправдываться. Вы Каролинѣ Вильгельмовнѣ говорили то же самое, что и намъ; а она вовсе не похожа на насъ. Значитъ: вы всѣмъ дамамъ своимъ говорите одно и то же.»

— «Это значитъ, что меня постоянно занимаетъ одна и та же мысль, — что меня постоянно тревожитъ одно и то же чувство. Я откровенно, признаюсь, что это чувство, которое завладѣло всѣми моими мыслями, всѣмъ моимъ чувствомъ, внушено мнѣ одною изъ васъ четырехъ. Кѣмъ именно?... я не скажу. Предоставляю вамъ самимъ угадывать; если это васъ можетъ интересовать.»

Онъ взглянулъ, будто нечаянно, на Софью Егоровну и отошелъ. Въ глазахъ Софьи Егоровны онъ прочелъ: «Ты, во весь вечеръ, не говорилъ со мною; но ты говорилъ со мнѣ, не называя меня, говорилъ о нашей любви, любезничая съ другими.» — Она угадывала его чувства.

Отъ подозрительнаго вниманія Каролины Вильгельмовны не скрылось, что глаза Брошина и Лимаиской встрѣтились. Она знала теперь также хорошо, какъ и Софья Егоровна кого онъ любитъ? Но въ ея головѣ составилъ отчаянный планъ: она разсудила такъ:

«Брошинъ не можетъ жениться на Лимаиской; отецъ ему не позволяетъ. Онъ чуть-чуть не посватался за меня сегодня; а въ другой разъ, я сама заставлю его мать говорить о своей любви ко мнѣ. Я выйду за него за-мужъ, хоть онъ любить другую. Онъ, женившись на мнѣ, узнаетъ меня лучше, отдастъ мнѣ справедливость, забудетъ Лимаискую, увидитъ мои преимущества, полюбитъ меня, убедившись въ моей любви къ нему.»

Пошли къ ужину. Драгунъ нашъ Фолькманъ—выдержалъ характеръ, остался вѣренъ своему слову, не былъ на этомъ вечерѣ у Алтонговъ.

УТРО ВТОРАГО ПОНЕДѢЛЬНИКА,

ИЛИ

ДРУГОЙ ВТОРНИКЪ.

ТРИ СОПЕРНИЦЫ.

Леоновская сидѣла за пяльцами и вышивала по красному грунту сѣренькіе цвѣты. Этою работою, она занималась уже второй годъ, и все еще не могла кончить ее. Сестра ея Анна Васильевна, разбирала цѣлую кипу нотъ. Когда она отобрала всѣ Русскіе романсы; она ихъ унесла въ другую комнату и спрятала въ свой комодъ.

У дверей забренчалъ колокольчикъ. Въ передней щелкнулъ ключъ въ замкѣ наружныхъ дверей, и въ комнату вошла Каролина Вильгельмовна Алтонгъ. — Обѣ сестры побѣжали ей на встрѣчу съ ласками, и на перерывъ сообщали ей свои новости, которыя онѣ успѣли уже набрать, не смотря на то, что онѣ наканунѣ видѣлись на вечерѣ у родителей Каролины Вильгельмовны. Одно восклицаніе вырвалось у обѣихъ сестеръ:

«Обрадовать ли васъ? Милашка—Линочка! Сергій Степановичъ будетъ сейчасъ къ намъ.

Оленька }
я . . . } вчера у васъ за ужиномъ просила къ себѣ на кофе Брошина и Пустомилова.

Алтонгъ перемѣнилась не много въ лицѣ, сначала от радости, а послѣ—отъ досады, что она по домашнему, не довольно нарядно одѣта, и что она не такъ хорошо причесана. Она объяснила двумъ сестрамъ свое безпокойство на этотъ счетъ и побранила ихъ за то, что онѣ не предварили ее о томъ, что будутъ распивать не однѣ, а съ своими бальными кавалерами. Сестры извинялись предъ своею огорченной гостью и старались исправить свою ошибку. Леоновская повела ее въ свой будуаръ и перемѣнила ей прическу. Она причесала ей волосы «à l'enfant,» завивая ихъ въ крупныя локоны и зачесывая ихъ за уши. Леоновская знала, что Брошинъ не любилъ вычурныхъ причесокъ; потому что при красивенькомъ личикѣ, онѣ только обнаруживаютъ лишнее стараніе нравиться, при неправильномъ лицѣ, онѣ только еще больше выставляютъ недостатки лица. Анна Васильевна принесла шелковый пунцовый платочекъ, обвила имъ полную шею Каролины Вильгельмовны, и продернула концы его сквозь огромное

кольцо съ берузою, гранатами и жемчугомъ. Сестры взяли ее—одна за одну, а другая—за другую руку, и подвели къ зеркалу. Оригинальность Шведскаго вкуса одобрила и вычурную прическу, и яркій пунцовый цвѣтъ, и пестроту кольца . . . . .

Колокольчикъ у дверей забренчалъ въ другой разъ, и въ залъ вошелъ Сергѣй Степановичъ Брошинъ. При первомъ взглядѣ на Каролину Вильгельмовну, онъ тотчасъ замѣтилъ всю странность ея наряда, и прическа *à l'enfant*, и пунцовый цвѣтъ и пестрое кольцо, на которыя она такъ надѣялась, произвели на него самое неблагопріятное для нея впечатлѣніе. Леоновская и Штилева замѣтили это, и торжествовали; но торжество ихъ достигло высшей степени, когда ихъ гостя, съ обыкновенною ей самонадѣянностью, сѣла за рояль играть и пѣть. Передъ нею разложили ноты: романсы были французскіе. Обѣ сестры помнили мнѣніе Брошина, на счетъ французскихъ романсовъ, что они съ успѣхомъ могутъ быть пѣты только нѣжнымъ картавымъ голоскомъ француженки, что игривыя слова ихъ получаютъ значеніе только въ милыхъ устахъ хорошенькой француженки, что сладость ихъ вдыхается только нѣжными губками хорошенькой француженки. Русскіе романсы и пѣсни были спрятаны; но Каролина Вильгельмовна до того самонадѣянна, до того увѣрена въ своемъ знаніи французскаго языка и въ своемъ произношеніи французскихъ словъ, и въ искусствѣ своего пѣнія, что смѣло запѣла какіе-то куплеты одного моднаго водвиля — любимыя куплеты посѣтителей Михайловскаго Театра, куплеты, которые на сценѣ нѣсколько разъ сряду повторяются любимую актрисою Петербургской публики. Каролина Вильгельмовна и—и—и лучшая пѣвица Михайловскаго Театра, поютъ однѣ и тѣ же куплеты! Признаться: параллель эта не выгодна для первой. Къ тому еще, Каролина Вильгельмовна не имѣла нѣжныхъ губокъ француженки, не картавила, а шепелявила, и голосъ ея, смотря потому — выше—ли ртуть въ Барометрѣ, или ниже переменной погоды, бралъ только или самыя высокія, или самыя низкія ноты. Это свойство ея голоса было слѣдствіе Скандинавскаго ея происхожденія и не постоянства Петербургскаго климата. Она пѣла. Она одна была въ восторгѣ отъ своего пѣнія. Штилева въ глаза хвалила ее; а исподтишка смѣялась. Леоновская спросила Брошина шопотомъ и съ ироніею:

«Не правда ли? она очень мило слѣла эти французскіе куплеты.»

Онъ отвѣтилъ то же шопотомъ:

— «Мнѣ показалось сначала, будто она Шведскими куплетами воспѣвала Фритгюфа.»

«Не правда ли? она сегодня очень интересна» продолжала она шептаться.

— «Женщинамъ, кажется, нравится оригинальность. Прическа, пунцовый платочекъ, пестрое кольцо, манера нѣтъ, мужская самонадѣянность — все въ ней оригинально. Женщинамъ, можетъ быть, она нравится.»

Анна Васильевна, съ какою-то злою радостью, замѣтила, что Брошинъ совершенно охладѣлъ къ Каролинѣ Вильгельмовнѣ, что если она прежде ему и нравилась, то очарованіе это уже прошло. По расчетамъ Анны Васильевны, въ сердцѣ его должна быть пустота послѣ этаго разочарованія, и эту пустоту хотѣла занять она. Но она ошиблась въ расчетѣ: Каролина Вильгельмовна и мысль о женитьбѣ на ней, занимала только голову его; а въ сердцѣ его, завѣтное мѣсто постоянно занимала его Соничка. Да сверхъ того, онъ терпѣть не могъ насмѣшливости въ женщинѣ, и онъ ненавидѣлъ теперь Анну Васильевну: она слишкомъ зло смѣялась надъ Каролиною Вильгельмовною.

Брошинъ или задумался слишкомъ, или былъ въ дурномъ расположеніи; только всѣ три — Леоновская, Штилева и Алтонгъ — имѣли право жаловаться на его холодность. Самолюбіе послѣдней до того было оскорблено его поведеніемъ, что она, не дождавшись кофе, уѣхала домой, извинясь тѣмъ, что къ ней общалась бытъ пріятельница одна, о которой она, было, совсемъ забыла. Леоновская и Штилева были утѣшены пріездомъ Пустомилова, который раскланиваясь съ ними, до того вертѣлъ своею шляпою, что цѣлый пукъ черныхъ перышекъ высыпался изъ его султана на полъ на память имъ. Онъ самъ вертѣлся, не менѣе шляпы своей. Но такой вертунъ не долго усидитъ на мѣстѣ; онъ отговорился десятками визитовъ, которые ему предстояли еще въ это утро, и уѣхалъ. Леоновская и Штилева опять остались одиѣ съ молчаливымъ Брошинымъ, и терялись въ догадкахъ, какъ объяснить себѣ его поведеніе. Онъ совершенно забыли о своей двоюродной сестрѣ Софьѣ Егоровнѣ Лиманской, которая у нихъ жила и которую онъ, можетъ быть, ждалъ съ такимъ терпѣніемъ, не

зная то, что она своими двоюродными сестрицами осуждена была на все утро быть собесѣдницею больной тетки. Прямой расчетъ: Софья Егоровна милѣе Анны Васильевны, такъ пусть она и не выходитъ къ гостямъ, — пусть она, по влеченію своей попечительной привязанности къ больной теткѣ, остается въ ея спальнѣ — у ея Вольтеровскихъ кресель. Тѣмъ важнѣе и необходимѣе эта мѣра, что Ольгѣ и Аннѣ Васильевнамъ не объяснилось еще надлежащимъ образомъ, точно ли Брошинъ забылъ Софью Егоровну, пересиливъ свою страсть изъ послушанія къ строгой и непоколебимой волѣ своего отца. Пусть въ любви къ старой теткѣ бѣдная дѣвушка ищетъ себѣ утѣшенія отъ неудачной любви къ непостоянному любовнику, который за то послушный и достойнѣйшій сынъ.

Опять вышло не по расчету сестеръ. Вошла Софья Егоровна: за одною изъ обѣихъ сестеръ была она прислана больною теткою, которая ихъ съ самаго утра еще не видѣла. — Сестры досадовали на тетку свою и на Софью Егоровну; смѣялись надъ обѣими; называли тетку свою притворщицею, которая только надѣдаетъ имъ своею мнимою болѣзнію, а Софью Егоровну — сестрою милосердія. Сестры заспорили между собою, кому идти къ больной. Леоновская отговаривалась, что ея мужъ скоро возвратится съ ученья, и что она должна для него заказать завтракъ. Анна Васильевна увѣряла, что послѣ веселой бесѣды Пустомилова, о которомъ она безъ смѣха не могла вспомнить, она не въ состояніи заняться брезгливою старухою, которая ей до смерти всегда наскучаетъ разсказомъ о своихъ припадкахъ. Софья Егоровна хотѣла уже возвратиться въ спальню больной, не предвидя, чѣмъ кончится споръ, и боясь больную оставить одну; но Брошинъ остановилъ ее:

— «На одно слово! Софья Егоровна!... я не долго задержу васъ!...» Онъ поцѣловалъ ея ручку, которая дрежала; взглянулъ на ея милое личико, съ котораго свѣжій румянецъ сбѣжалъ при этомъ, и спросилъ: — «Софья Егоровна!... Вы любите ли меня по прежнему? Вашъ отвѣтъ рѣшитъ мою судьбу!...»

Она ничего не отвѣчала. Она потеряла голосъ, теряла послѣднія силы, едва удерживаясь на ногахъ. Брошинъ подставилъ ей стулъ, на который она опустилась, почти безъ чувствъ. Но слухъ ея сгорожилъ. Въ сердцѣ ея отозвались слова Брошина. Каждый звукъ этаго милаго ей голоса доходилъ до этаго сердца.

— «Вы не отвѣчаете?... Но я понялъ васъ!.. Мы всегда понимали другъ друга!.. Мы безъ словъ другъ друга понимали!.. Я ухаживалъ за другими; но вы поняли, что все это я дѣлалъ только для того, чтобы своего отца ввести въ заблужденіе, будто я забылъ васъ... Я ухаживалъ за другими, иногда минутно увлекаясь; но я всегда очень скоро разочаровывался, и вы поняли это, просили меня и продолжали любить меня по прежнему!.. Только васъ любилъ я, никогда не разочаровываясь!.. Клянусь! отнынѣ моя жизнь посвящена тебѣ одной!.. Ты моя!.. Одна смерть можетъ препятствовать моему счастью!»

Эта сильная клятва и слово «ты», которому любовь дала магическую силу, привели ее въ чувства. Она слабымъ голосомъ сказала:

— «Но у васъ есть родители!.. Вы забываете свои обязанности къ нимъ!.. Вашъ отецъ не согласится вступить въ родство со мною: мой отецъ былъ подъ судомъ, умеръ, и не успѣлъ оправдаться!.. Отецъ вашъ не соглашался и не согласится на нашъ бракъ!..»

— «Въ глазахъ моего отца, это не препятствіе нашему браку, что вашъ отецъ былъ подъ судомъ; а то препятствіе, что имѣніе вашего родителя конфисковано, что вы лишились богатаго приданого!.. Но если отецъ мой корыстолюбивъ; то не должно еще заключить то же и обо мнѣ!.. Я люблю тебя, и изъ любви къ тебѣ, отказываюсь отъ безпечной и лѣнливой жизни, на которую мой отецъ мнѣ давалъ средства, но за которую я до сихъ поръ слишкомъ дорого—своею независимостью платилъ отцу... Трудами отнынѣ буду себѣ списывать назависимое положеніе... Труды эти не пугаютъ меня, не утомятъ меня: твоя любовь заставитъ забыть всю тяжесть ихъ!..»

Онъ опять поцѣловалъ ея ручку, которую съ нѣжностью жалъ въ своей рукѣ.

— «Ты будешь—моею!.. О, какъ я буду счастливъ!.. Не будь столько препятствій, я, можетъ быть, не умѣлъ бы цѣнить своего будущаго счастья!.. Но нужно ждать.... еще годъ, — можетъ быть, еще два года!.. У тебя нѣтъ приданого!.. Въ теченіи этаго времени я накоплю столько, что не нужно будетъ приданого!..»

«Не нужно ждать!.. годъ!.. два года!.. приданого нѣтъ у нее?... Кто тебѣ сказалъ?... А я—то на что?... Кто велитъ копить тебѣ на приданое?.. Я должна ей дать приданого!.. сказала хриплымъ голосомъ старушка—тетка, которая подкралась сзади, не замѣченная — «А почему

я должна дать ей приданого?... Вотъ, сейчасъ расскажу: Я у матери Сонички отбила жениха — моего покойнаго мужа, Царствіе ему Небесное!.. Ужъ покойная матушка Сонички горевала — горевала; да вышла за другаго нелюбого ей; да въ первыхъ родахъ, благословивъ новорожденную — Соничку, и умерла съ горя. Грѣхъ мой, что я отбила у нее любого жениха, палъ тяжелый камень на сердце мое. Да и Богъ наказалъ меня и не далъ мнѣ собственнаго дѣтища. Вотъ наконецъ въ Небесахъ услышали мою молитву и дали мнѣ возможность искупить мой грѣхъ: Соничка осталась круглою, безпріютною сиротою; она отнынѣ будетъ моею дочерью: я пристрою ее; выдамъ ее за тебя; дамъ ей богатое приданое; а послѣ смерти моей — она единственная наследница всего моего имѣнія. Имѣніе-то это было благопріобрѣтенное у моего мужа — покойника. Царствіе ему Небесное!... Дѣтки! чтожъ вы стоите?... Обнимитесь! Я васъ благословляю! Поцѣлуйтесь! Вотъ такъ! Ахъ! Соничка! Если бы покойница — твоя мать могла теперь васъ видеть; она бы простила мнѣ!»

Брошинъ обнялъ свою Соничку, поцѣловалъ ее и шепнулъ ей:

— «Я былъ бы счастливѣе съ тобою безъ твоего приданого. Мнѣ кажется, ты стала бы меня болѣе любить: если бы я долженъ былъ трудиться изъ любви къ тебѣ.»

Леоновская и Штилева, нѣмая свидетельницы этой сцены, теперь только опомнились. Они хотѣли смѣяться; но смѣхъ ихъ исказился въ самыя непріятныя и злыя гримасы, которыя не были вовсе къ лицу имъ. Одна шептала: «Какой пустой человѣкъ!» другая: «что онъ въ ней нашель? За что онъ такъ любитъ ее?» Подозрительная тетка объяснила себѣ ихъ смѣхъ иначе, и сказала имъ:

«Оленька и Анненька! Я по всему видѣла, что вы не знали, что пріѣзжая уѣздная лекарша имѣетъ порядочный капиталъ. Я и теперь вижу, что вамъ еще не вѣрится, что я могу дать Соничкѣ приличное приданое, и что есть у меня чѣмъ распорядиться и послѣ смерти моей. Но знайте же, что покойный мужъ мой самъ захотѣлъ быть уѣзднымъ лекаремъ; когда ему уже наскучило и не нужно было болѣе шарлатанить въ Петербургѣ; когда онъ уже накопилъ себѣ порядочное состояніе; когда онъ достигъ уже преклонныхъ лѣтъ, въ которыхъ всѣ желанія человѣка ограничиваются однимъ покоемъ. Простите, душки, что я ничего не назначаю вамъ; — но я не могу: — Соничкѣ я

должна отдать все; чтобы искупить свой грѣхъ, чтобы примириться съ прахомъ ея матушки!»

Леоновская и Штилева взглянули другъ на друга, и шопотомъ сказали въ одинъ голосъ: «Какая злая женщина! Она, вѣрно, подслушала насъ!»

ТРЕТІЙ ПОНЕДЕЛЬНИКЪ.

Три невесты и три жениха.

Я вошелъ въ залъ къ Алтонгамъ, въ которомъ стояли группами и бродили взадъ и впередъ попарно нѣсколько молодыхъ людей. Прямо противъ дверей гостиной сидѣла Каролина Вильгельмовна въ ярко-розовомъ платьѣ, съ пунцовымъ платкомъ на шеѣ, съ прическою «à l'enfant.»

Этотъ нарядъ обнаруживалъ ея намѣреніе поправиться въ этотъ вечеръ, но не высокому драгуну Фолькману, который, измѣнивъ своему слову — не бывать болѣе у Алтонговъ, сидѣлъ возлѣ нее и, играя своимъ султаномъ, старался занять ее своими любезностями. Но она, въ то время, не занималась ни имъ, ни ими. Все вниманіе ея было обращено на двери зала и на вновь являвшихся гостей. И признаться, мое самолюбіе было сильно подстрекнуто, когда я замѣтилъ, что при моемъ входѣ, разсѣянное лицо ея прояснилось; но какое разочарованіе!... ея вопросъ тотчасъ объявилъ, что мой приходъ обрадовалъ ее только потому, что она отъ меня надѣялась узнать о третьемъ лицѣ, которое ее занимало:

«Вы сегодня видѣлись ли съ своимъ пріятелемъ?»

— «Кто же этотъ пріятель?.. У меня презадорный характеръ. Есть у меня соперники, и даже одинъ смертельный врагъ; но пріятеля не имѣю ни одного.»

«Будто нужно спрашивать, кто вашъ пріятель?... Кажется — Сергій Степановичъ Брошинъ.»

— «Были мы нѣкогда пріятелями; но, съ тѣхъ поръ, какъ имѣю причину завидовать ему и ревновать его, наша дружба кончилась: мы теперь смертельные враги.»

«Но какъ свѣтскіе люди, вы оба скрываете эту вражду и пожимаете другъ другу руки при встрѣчѣ, рассказываете

другъ другу новости и сговариваетесь не рѣдко провести вмѣстѣ вечеръ у кого-нибудь изъ вашихъ общихъ знакомыхъ. Вы пріѣхали сегодня къ намъ одни—безъ него... это не по обыкновенію. Онъ вѣроятно у Леоновскихъ. Я знаю, что онъ теперь почти безвыходно живетъ у нихъ. Сама Леоновская интересна; но, можетъ быть, ея двоюродная сестра...»

— «Сюда къ вамъ, хотѣлъ онъ быть.»

Каролина Вильгельмовна, послѣ этаго отвѣта, отвернулась отъ меня и продолжала смотреть на двери зала; въ ея лицѣ замѣтно было какое-то нетерпѣливое ожиданіе каждый разъ, когда эти двери отворялись, и когда въ нихъ являлись опять новые гости. Я не на шутку разсердился на нее, — когда увѣрился, что она ожидала другаго, а не меня, когда я увѣрился, что она обрадовалась моему пріѣзду только потому, что надѣялась отъ меня узнать — будетъ ли этотъ другой! Слѣдовало бы сердиться мнѣ на самого себя, что я повѣрилъ льстивому голосу собственнаго самолюбія. Но я до того разсердился на Каролину Вильгельмовну, что тутъ же хотѣлъ отметить ей.

— «Когда я утромъ видѣлъ Брошина; то онъ собирался къ Леоновскимъ, у которыхъ онъ хотѣлъ провести весь день до вечера; а послѣ пріѣхать къ вамъ съ ихъ теткою и съ Софьею Егоровною Лиманскою.»

Брови Каролины Вильгельмовны судорожно сдвинулись. Она была недовольна тѣмъ, что я сказалъ ей; но рѣшительный ударъ хотѣлъ я нанести ей новою, печальною для нее вѣстью:

— «Знаете ли новость?...»

Но я не успѣлъ досказать то, чѣмъ я хотѣлъ нанести этотъ ударъ и на ея самолюбіе. Вошли, пріѣзжая уѣздная лекарша (тетка Леоновскихъ), а за нею—Софья Егоровна и Брошинъ. Каролина Вильгельмовна послѣ короткихъ и холодныхъ привѣтствій этимъ дамамъ, спросила Брошина съ кокетливою веселостію:

«Мы очень рады вамъ, хоть и знаемъ, что вы сегодня пріѣхали къ намъ не для насъ. Признайтесь!... Если бы не пріѣхали эти дамы къ намъ, то мы не имѣли бы удовольствія видѣть васъ у себя.... Признайтесь!... Это — правда?...»

По лицу ея, которое выражало въ это время вопросительную мину, видно было, что она съ нетерпѣніемъ ждала отвѣта и комплиментовъ. Но она не дождалась ни отвѣта ни комплиментовъ отъ Брошина; сначала онъ сто-

ялъ въ нерѣшимости, не зная, какъ отвѣтить ей; а послѣ взяла его за руку лекарша и повела на средину гостиной; другою рукою держала она Лиманскую и обратилась къ дамамъ:

«Рекомендую вамъ Соничку — племянницу мою, и нарѣченную дочь мою, и наслѣдницу мою послѣ смерти моей. Да, впрочемъ, нечего вамъ рекомендовать ее, вы безъ того уже знаете ее. Но вотъ, рекомендую вамъ еще и этого молодого человѣка — Сергѣя Степановича Брошина. Хоть и его вы уже знаете, но я рекомендую его вамъ, какъ жениха моей Сонички. Не правда ли?... Удачная, премилая парочка!... Взгляните на нихъ, какъ они счастливы!... Да я и сама не менѣе ихъ счастлива, глядя на нихъ!... А ихъ счастье — мое дѣло!... Вѣрите ли мнѣ? Когда я ихъ благословила, я почувствовала, что небо и меня грѣшную благословило!... Тутъ же забыла я свою бользнь!... Слава Богу, теперь я здоровехонька!»

Послѣ этого она продолжала рассказывать о своей бользни. Гости подходили съ поздравленіями къ жениху и къ невѣстѣ; которые съ замѣшательствомъ отъ рекомендацій тетушки, не знали, какъ благодарить и отвѣчать на всѣ приторныя привѣтствія и однообразныя желанія пожизненнаго счастья.

Я, во все это время, наблюдалъ за Каролиною Вильгельмовною. Она судорожно мjala свой батистовый платочекъ, — веселость оставила ее: — въ глазахъ ея горѣлъ огонь и блистала слеза, которую она не могла скрыть, — морщина сильно отгвѣсилась между бровями ея; но цвѣтъ лица ея не перемѣнился — румянецъ ея горѣлъ прежнею свѣжестью. Однимъ словомъ, кто бы ее увидѣлъ въ эту минуту, и не зналъ, что она рассчитывала на Брошина, какъ на жениха; тотъ бы сказалъ, что кто-нибудь наступилъ ей на мозоль и не извинился. Но я зналъ, что она страдала не отъ физической боли, а отъ нравственной, отъ внутренней, и потому не мало удивился, что румянецъ не сбѣжалъ съ лица ея.

Впрочемъ, она, по видимому, скоро успокоилась, сѣла опять на прежнее мѣсто, и начала опять смотрѣть на двери зала. Я долго терялся въ догадкахъ, кого бы послѣ этого она ждала, и вспомнилъ, что она обыкновенно — на вечерахъ, на которыхъ не бывалъ Брошинъ, занималась преимущественно Иваномъ Васильевичемъ Пустомыловымъ. Но ждать ли она его?... подумалъ я. Вдругъ лицо ея пробивалось, повеселѣло. Въ гостиную вошли — Леоновская,

Штилева и Пустомиловъ. Они знали, что Брошинъ—женить, что Лиманская—невѣста. Леоновская сообщила обществу другую новость, которая не была еще извѣстна даже уѣздной лекаршѣ и Софьѣ Егоровнѣ, которая жила у Леоновскихъ.—Леоновекая объявила новость и сообщила извѣстие объ вещи, которая была рѣшена, пока карета, въ которой пріѣхали лекарка, Софья Егоровна и Брошинъ,—сѣздила за Леоновской. Она сказала:

«Поздравьте же и нашего жениха!» — и показала на Ивана Васильевича Пустомилова,

Вдругъ шумъ. Всѣ обернулись. Каролина Вильгельмовна безъ чувствъ—на рукахъ драгуна Фолькмана. Онъ вынесъ свою, признатся, не легкую ношу въ другую комнату и положилъ ее на диванъ. Всѣ въ испугѣ. Всѣ кричатъ: «воды!—воды!»—А въ другой комнатѣ кто-то закричалъ: «пожаръ!.. пожаръ!..» вѣроятно, полагая, что воды требовали, чтобы тушить пожаръ.—Эти крики засуетили всѣхъ, гости бросились изъ угла въ уголъ; а никто не приносилъ воды. Сама хозяйка—мать безчувственной Линочки, сохранила болѣе всѣхъ и хладнокровія, и присутствія духа. Она побѣжала за водою. Но и ея хладнокровіе, и ея присутствіе духа, измѣнили ей; когда она возвратилась съ водою и увидѣла свою дочь въ рукахъ Фолькмана съ разорваннымъ назади платьемъ и корсетомъ. Фолькманъ обмахивалъ обнаженную шею Каролины Вильгельмовны своимъ платкомъ, стараясь освѣжить ее этимъ искусственнымъ вѣтеркомъ. Мать залилась слезами:

«Константинъ Ивановичъ! Помилуй! что вы надѣлали? При гостяхъ .. при такомъ множествѣ постороннихъ!..»

—«Виноватъ, Теодора Захаревна!.. въ торопяхъ, я, право, не зналъ самъ, что дѣлалъ... Желаніе привести въ чувства, оживить дочь вашу... Подъ рукою не было другого средства... Я думалъ, что тѣснота корсета всему причиною: я разорвалъ его.... Впрочемъ все это можно заглядывать... Я поправлю свою ошибку; если вы не станете препятствовать!.. Уговорите только Каролину Вильгельмовну...»

Теодора Захаревна была успокоена и утѣшена словами Фолькмана; но гости дождались только, когда Каролина Вильгельмовна пришла въ чувство, и разъѣхались. Остались только Фолькманъ и еще трое, которые доканчивали свою преферансовую пульку. Между послѣдними былъ и старикъ Брошинъ, отецъ, Сергѣя Степановича; онъ былъ въ духѣ, много разговаривалъ во время игры, очень радовался женитьбѣ своего сына и увѣрялъ, что онъ никогда не

сталь бы препятствовать своему сыну жениться; если бы его выборъ палъ на дѣвушку и менѣе достойную Софи Егоровны Ляманской.

Меня ужасно удивило то, что Каролвна Вильгельмовна и въ обморокъ сохранила всю свѣжесть своего румянца,

УТРО ПОСЛѢ ТРЕТЬЯГО ПОНЕДѢЛЬНИКА.

или

ТРЕТІЙ ВТОРНИКЪ.

Или догадка, или разгадка, или сплетни.

Я что-то ужасно заспался. Когда я проснулся, солнце было уже высоко, и пахально глядѣло мнѣ въ лице. Самоваръ, въ другой комнатѣ, кипѣлъ и шипѣлъ на разные лады, будто выходилъ изъ себя отъ нетерпѣнія, что я его долго не требовалъ. На улицѣ народъ толкался, суетился; разношники кричали—одни, вертась посреди улицы и взглядывая на окна верхнихъ этажей, другіе—подъ самыми окнами нижнихъ этажей.

Первая моя мысль, когда я проснулся, была: который часъ? Но часы мои, по какой-то симпатіи со мною, тоже заѣлились—и остановились... Вторая мысль: Отъ чего бы я такъ заспался? Я вспомнилъ о вечерѣ у Алтонговъ и о приключеніи на этомъ вечерѣ, которое мнѣ не давало долго заснуть,—занимало все мои мысли, — заставляло меня дѣлать разные предположенія—и предъугадывать развязку. Третья мысль: отъ чего бы я проснулся, когда мнѣ все еще хотѣлось спать?... солнце ли меня разбудило?... или денщикъ мой, который стучалъ чайною посуду?... или разношникъ, который пронзительнымъ голосомъ, кричалъ: Помада, мыла, васа—хорошія?..

Мой денщикъ спросилъ меня, былъ ли я у Нѣнца въ магазинъ и купилъ ли я заморскаго мыла съ духами. Я велѣлъ ему позвать разношника, который все еще стоялъ подъ окномъ, какъ будто угадывая, что я, по забывчивости своей, сдѣлаюсь покупщикомъ его плохаго товара.

Разношникъ раскрылъ передо мною свой красный ящикъ—этотъ подвижный косметическій магазинъ для прачекъ—щоголихъ и лакеевъ—щегодей, Испаренія розъ, купо-

роса, резеды, дегтя, миндаля, жасмина, составили какую-то смѣсь въ этомъ ящикѣ, не совсѣмъ пріятную для обонянія. Выбирая себѣ мыла, я въ любопытства пересмотрѣлъ всѣ возможные и разные разноцвѣтныя, росписанныя золотыми и серебрянными надписями, бумажки, въ которыя завернуты были куски мыла. Наконецъ попался мнѣ въ руки пакетикъ безъ надписи. Я спросилъ разнощика: «А это что такое?» Поглаживая подбородокъ, на которомъ выступилъ только первый пушокъ — тѣнь настоящей Русской бороды, онъ отвѣтилъ мнѣ съ улыбкою: «это старушечья красота, дѣвичья забава.» Я съ любопытствомъ развернулъ пакетъ, и что жъ? Это были игорныя карты, обмазанныя какимъ-то кирпичнаго цвѣту составомъ, который въ этомъ подвижномъ косметическомъ магазинѣ продавался за румяны. Я поближе рассмотрѣлъ верхнюю карту, и съ трудомъ узналъ десять очковъ трефовой масти, которые едва эквезились подъ краснымъ составомъ. Трефовая десятка, по гаданіямъ Каролины Вильгельмовны, значить — перемѣна. Вспомнивъ, при видѣ этой разрумяненной карты, Каролину Вильгельмовну, я разгадалъ наконецъ свою загадку: это трефовая десятка объяснила мнѣ, отъ чего въ лицѣ Каролины Вильгельмовны не было замѣтно никогда и никакой перемѣны.

Но эту разгадкою я не былъ еще удовлетворенъ; любопытство... чѣмъ кончилось вчерашнее приключеніе?... до того заняло мои мысли, что я чуть не забылъ сдѣлать своей покупки. Я взялъ на угадъ первое, попавшееся мнѣ подъ руки, мыло, и отпустилъ разнощика.

Вошелъ въ комнату М., бывшій мнѣ школьнымъ товарищемъ. Въ дѣтствѣ, онъ былъ въ классахъ — ужаснѣйшій болтушъ, за что его частенько ставили на колѣни, на экзаменахъ — большой говорунъ и смѣлый лгушъ, за что, случалось, ему ставили хорошіе балы. Теперь, на тридцатомъ году, онъ вѣстовщикъ, подъ часъ даже сплетникъ, занимательный для однихъ, несносный для другихъ. Увидѣть его, значить — узнать новую вѣсть. Такъ и теперь:

«Я сей часъ отъ Фолькмана...» сказалъ онъ — «Заѣзжалъ къ нему за карточнымъ должкомъ. И чтожъ я узналъ? Седьмого Марта свадьба его, а восьмого — онъ расплачивается со всѣми своими кредиторами. Онъ получитъ хорошее приданое. Его невѣста какая-то Алтонгъ. Все это составилось такъ печально, такъ неожиданно для всѣхъ. Его нынѣшняя невѣста, упала въ обморокъ. Онъ подбѣжалъ къ ней на помощь, разорвалъ ее корсетъ

Мать вывѣшней его не вѣсты — въ отчаяніи. Чѣмъ Фолькману исправить дерзость его зрѣнія? Онъ проситъ руки пристыженной дѣвушки. Требуя трих-дневной отсрочки для размышленія. Онъ не даетъ этой отсрочки, солгавъ матери и дочери, что онъ подалъ прошеніе о переводѣ на Кавказъ, и что на другое утро только еще можно будетъ воротить это прошеніе, а послѣ уже — поздно, и что только въ случаѣ неотказа, онъ намѣренъ воротить его. Отецъ его не вѣсты кончилъ пульту въ преферансѣ, пришелъ въ кабинетъ свой за деньгами для расчета съ своими партнерами, и узналъ только тогда, что его дочь не вѣста, что женихъ ея — Фолькманъ, и что свадьба будетъ 7-го Марта. Все уже было рѣшено въ тотъ же вечеръ.»

Послѣ всего этого, разгадавъ Каролину Вильгельмовну, я болѣе уже не занимаюсь ею. Совѣтую и читателямъ моимъ забыть о ней и не требовать продолженія разсказа, потому что она будетъ самая не занимательная женщина, — самая обыкновенная жена: послѣ первой ссоры съ мужемъ, она вспомнить о Брошинѣ; послѣ второй — разсердится на судьбу за то, что она назначила ей въ мужа не Брошина; а послѣ третьей — разсердится на мужа и дастъ ему замѣтить, что она досталась ему съ хорошимъ приданымъ, что она дочь Генерала, а неизвестно, о какихъ родителяхъ.

РОЗАНЪ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ИГРУШКА ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Дарья Семеновна Захарьина, вдова . . . . . Г-жа Валбергова.
Софья Петровна, ея дочь . . . . . Г-жа Самойлова 2.
Властевна, ихъ служанка . . . . . Г-жа Гусева.
Николай Ильичъ Воиновъ, отставной генералъ . . . . . Г. Брянскій.
Владиміръ Ивановичъ Бенскій, мичманъ, его племянникъ. Г. Смирновъ 2.
Климъ Климычъ Безпардонный, } сосѣди Захарьиной . . . . . Г. Третьяковъ.
Анна Лаврентьевна Сплетаймова } . . . . . Г-жа Лискаля.

Дѣйствіе въ какомъ-то приморскомъ городѣ.

Чисто меблированная комната, двои дверей: въ серединѣ и налѣво отъ зрителя, у задней кулисы; направо три окна; на нихъ цвѣты, на крайнемъ же, у аванъ-сцены, большой розанъ. Утро.

ЯВЛЕНИЕ I.

СОФЬЯ И ВЛАСЬЕВНА.

(Софья вышивает въ пальцахъ у раствореннаго окна, гдѣ розанъ; Власьевна обметаетъ пыль съ мебели, отворяетъ и затворяетъ окна и проч.)

ВЛАСЬЕВНА *(смотря въ открытое окно)*. Вотъ какъ! ни свѣтъ, ни заря, а ужъ соседка на балкошчикѣ изволить кофе-екъ распивать!—А! да и соседъ выглянулъ въ окошко; расклавиваются.... ну, скоро начнется беседа.

СОФЬЯ *(переставая шить)*. Страшное утро!... За что ни при-мусь, ни что не дается; чтобы ни начала, все какъ изъ рукъ вонъ. Это не даромъ. Въ институтѣ называли меня мечтательницей, суевѣркой... Нѣтъ, это не суевѣріе; это—предчувствіе.. Скучно, ужасно скучно.

ВЛАСЬЕВНА. Видно отъ того, барышня, что вчера повеселились.

СОФЬЯ. Вчера?

ВЛАСЬЕВНА. А какъ же!... А на именинахъ у супруги гене-рала Николая Ильича.

СОФЬЯ. О! лучше бы я проспала дома... вотъ у этого окна....

ВЛАСЬЕВНА. Почему же такъ?

СОФЬЯ. Потому... потому... ты очень любопытна.

ВЛАСЬЕВНА. Ахъ, барышня, барышня! Да съ кѣмъ же мнѣ и словцо—то перемолвить, какъ не съ вами, родная моя.... Отъ барыни, вотъ ужъ который день, хоть бы какія тебѣ рѣчи. Кажись ни чѣмъ не разсердила, а все такая суровость... Да и вы—то туда же... *(про себя)*. Тутъ что нибудь да не такъ.

СОФЬЯ *(срывая одинъ розанъ и нюхая)*. Власьевна!

ВЛАСЬЕВНА. Что прикажете?

СОФЬЯ. Что ты думаешь объ этомъ розанѣ?

ВЛАСЬЕВНА. Что я думаю объ этомъ розанѣ?

СОФЬЯ. Да; что ты думаешь?

ВЛАСЬЕВНА. Я думаю, что онъ... Хорошо пахнетъ.

СОФЬЯ. И только?

ВЛАСЬЕВНА (*про себя*). Ахъ, я старая дура! изъ головы вонь, что цвѣтокъ—то подарилъ Владиміръ Иванычъ. (*Софья*). Постойте, барышня, придумала, придумала.. такъ—какъ вы изволите нюхать розанчикъ, то и значить, что вы изволите вспоминать.... про одного человѣчка.

СОФЬЯ (*улыбаясь*). Да про кого же, говори.

ВЛАСЬЕВНА. Ужъ извѣстно про кого: про Владиміра Иваныча... угадала?

СОФЬЯ (*улыбаясь*). Нѣтъ... ну, а что ты думаешь о Владиміръ Иванычъ?

ВЛАСЬЕВНА. Я думаю, во первыхъ, что онъ, сердечный, безъ ума отъ васъ, барышня...

СОФЬЯ. Вотъ!... а во вторыхъ?

ВЛАСЬЕВНА. Во вторыхъ... и вы то же.

СОФЬЯ (*отрицательно качаетъ головой, но съ такой улыбкой, которая совершенно противорѣчитъ ея движенію*).

ВЛАСЬЕВНА. Полноте, полноте, барышня; не кивайте головой; я не спяна... а въ третьихъ...

СОФЬЯ. Такъ есть еще и въ третьихъ?...

ВЛАСЬЕВНА. Безотмѣнно есть: безъ трюцы и домъ не строится.

СОФЬЯ. Что же, третье?

ВЛАСЬЕВНА. Да ужъ извѣстно что: корабль сколько ни плаваетъ, а все—таки къ берегу пристанетъ. Такъ—то и вы, барышня, вѣдь не вѣкъ же вьковать въ двинцахъ.

СОФЬЯ (*грустно*). О!... да.

ВЛАСЬЕВНА. Помните мое слово, барышня. Ужъ я знаю, что знаю.

СОФЬЯ. Нѣтъ, Власьевна, ты многого не знаешь,—вотъ ужъ ровно двѣ недѣли и пять дней, какъ онъ... какъ Владиміръ Иванычъ.. позабылъ насъ со всемъ.

ВЛАСЬЕВНА. Э, барышня... можетъ статься... ну... вѣрно не здоровъ.

СОФЬЯ. А вчера?... Вообрази, что онъ сдѣлалъ вчера. — Послѣ объѣда, Николай Ильичъ далъ своимъ гостямъ двѣ большія шлюбки, покататься. Вотъ мы и поѣхали; я думала, онъ съ нами сядетъ, ни чуть не бывало — сѣлъ въ другую. Приѣхавши назадъ, все мы вздумали потанцовать немножко на открытомъ воздухѣ, въ саду; и каково тебѣ покажется? Владиміръ Ива-

нычъ танцовалъ... рѣшительно съ другими; со мной ни одной кадрили; и во весь вечеръ я не слыхала отъ него ни одного слова; я замѣтила даже, что онъ какъ будто старался убѣгать меня... я спросила маменьку, что это значитъ, но маменька...

власъевна. Что же маменька?

софья. Она какъ-то странно отвѣчала: «ты здѣсь не первая; есть лучше тебя, а главное—богаче». Какъ ты скажешь, Власъевна?... ведь маменька говоритъ правду... (*задумывается*).

власъевна (*про себя*). Что правда, то правда. Нынче вишь ты, все денежки... (*къ Софьѣ*). пустое, барышня, со съемъ не то... (*развеселясь*). Владиміръ Ивановичъ немножко вътряникъ... Охъ, еслибъ я была на вашемъ мѣстѣ...

софья. Что жъ бы ты съдѣлала?

власъевна. Да я бы его вотъ какъ!.. булавками бы исколола.

софья (*смѣется*). Не лучше ли иголками...

власъевна. На что это похоже, въ самомъ дѣлѣ!.. съ другими кружится, а съ нами... охъ, вътряникъ этакой!.. Вотъ ужъ и видно что морякъ...

софья. А развѣ моряки?...

власъевна (*притворно сердита*). Вътрегоны такіе, что и Боже упаси; на то на свѣтъ родились; ихъ бы всѣхъ въ воду, въ море.

софья. И его туда же?

власъевна. Туда же... на самое дно... Охъ, ужъ вы мнѣ, барышня, барышня, чего-то съ вами не соврется... Какъ можно такого молодчика... Ведь правду сказать, Владиміръ Ивановичъ настоящій соколккъ, красавчикъ такой, что ну поди! Да къ тому же одинъ сынокъ у батюшки; а батюшка-то, говорятъ, генералъ, да еще и богатый...

софья. Такъ онъ тебѣ нравится?

власъевна. Ахъ, ты Господи Боже мой! Этакой милашка пирожокъ разсыпной! Да я бы его живаго съела...

софья. Ой, ой, ой!... А мнѣ чтожъ останется? (*объсмѣются*.) А какъ тебѣ нравится, Климъ Климычъ?

власъевна. Климъ Климычъ?

софья. Ну да; Климъ Климычъ, нашъ соседъ?

власъевна (*заливается смѣхомъ*; Софья то же смѣется). Климъ Климычъ! Вотъ херувимчикъ-то расписной!.. Голова, что твоя тыква... бакенбардищи какъ щотки; такъ и торчатъ; усѣщи вотъ такіе, (*дѣлаетъ примыръ*) носъ точно у индѣйскаго

пѣтуха, а голосокъ—то его, голосокъ! (*говоритъ басомъ*) «добро-го здоровья, сударыня, Дарья Семеновна!.. Мое почтеніе, сударыня Софья Петровна!—Здравствуй Власьевна!»—Ха-ха-ха! софья. Какая ты насмѣшница.

власьевна. Да какъ же не смѣяться! вѣдь онъ, прости Господи, настоящій козель.

софья. Что же бы ты сказала, еслибъ этотъ козель предложилъ мнѣ... выйти за него за мужъ?

власьевна (*хохочетъ, передразнивая Безпардоннаго*). «Честь имью поздравить васъ, барышня, съ законнымъ бракомъ; дай вамъ Богъ советъ да любовь.»—Ну ужъ, барышня, чего только не вздумаете.... Да что съ вами? Вы никакъ плачете...

софья (*печально*). Ахъ, Власьевна, добрая Власьевна! Я говорила тебѣ, что ты ничего не знаешь!.. Я готова бѣжать отсюда на край свѣта!.. Готова!.. въ воду броситься.

власьевна. Богъ надъ вами, моя голубушка!.. Да неужели вы не шутите?

софья. Хорошо, еслибъ это была шутка!

власьевна (*про себя*). Ахъ, онъ пугало нечесаный!.. дожилъ до сѣднѣ, да вздумалъ чужой вѣкъ забывать. (*Софья*). Но скажите, какъ же это случилось, когда же?

софья. На прошедшей недѣль. Маменька была скучнѣе обыкновеннаго; у насъ въ тотъ вечеръ сидѣлъ Климъ Климычъ; онъ ушелъ; маменька сдѣлалась еще задумчивѣе, молчала!.. Но наконецъ я должна была выслушать!.. О! Этыхъ словъ я никогда, никогда не забуду.

власьевна. Что же такое?

софья (*вставая*). «Софья» — сказала маменька, — Климъ Климычъ давно желаетъ войти въ нашу семью, онъ человекъ хорошій; на выгодномъ мѣстѣ, имѣетъ деньги; конечно, онъ не очень молодъ, однакожъ и не старикъ!.. ему не больше со-рока!.. Ну, а ты!.. Тебѣ пойдетъ скоро девятнадцатый!.. Мы бѣдны, не имѣемъ ничего кромѣ нашего домишка, да и тотъ въ закладъ!.. у Клима Климыча!.. Онъ два уже раза отерочивалъ, а въ третій, Богъ знаетъ, согласится ли!.. (*Остнавливается, подавляемая печалью.*)

власьевна (*про себя*). Алгынякъ проклятый! Вишь какъ подъехалъ.

софья (*продолжая*). «Пенсіона нашего одного становится очень недостаточно; по этому, ты видишь, само благоразуміе

заставляет нас не отвергать этого человека.... О других.... не нам думать.... Между тем, он может составить счастье девушки.... Софья! Он просит... твоей руки.... Согласись, Софья, не отказывай... Ты будешь счастлива и меня успокоишь на старости.... Видитъ Богъ, какъ я желаю сдѣлать тебя счастливою.... вѣдь я люблю тебя; не правда ли, ты вѣришь, что я люблю тебя, что я желаю тебѣ добра?... первая моя радость — ты; первая моя забота — все ты-же; это самое завѣщаль мнѣ.... и покойный отецъ твой». (*Софья отъ слезъ не можетъ говорить. — Власьева то же хнычетъ*). О, маменька, маменька!.. (*бросается на стулъ*).

ВЛАСЬЕВНА (*всхлипывая*). Что же, вы-то, голубушка, отвѣчали?

СОФЬЯ (*оправясь*). Отвѣта моего ждутъ сегодня.... И пусть только явится этотъ человекъ, я найду отвѣтъ приличный и для него и для меня. (*Принуждаетъ себя улыбнуться*) Власьева!..

ВЛАСЬЕВНА. Чего изволите, моя красавица?

СОФЬЯ. Ужъ и красавица!... Послушай, Власьева!... перестань утираться, скучно смотрѣть.... Я тебѣ сказала все свое горе, и теперь мнѣ такъ легко, легко.... Смотри на меня: все прошло, какъ не бывало; я весела и спокойна... а знаешь ли, отъ чего?

ВЛАСЬЕВНА. Не разумью васъ, милая моя барышня — причудница: на одномъ часу и слезы и....

СОФЬЯ (*перебивая*). И смѣхъ.... Чтожъ? Такъ всегда бываетъ въ жизни.. Видишь ли — я философствую; ты понимаешь?

ВЛАСЬЕВНА. Ума не приложу.... Да ужъ правду ли вы сказали?

СОФЬЯ. Разумѣется.... А не правда ли: вѣдь мы, вдвоемъ.... составимъ преннтересную парочку?

ВЛАСЬЕВНА. Вы и онъ — (*показывая на сосѣда*). Парочка?

СОФЬЯ. Да, я и... онъ... Только не тотъ, на котораго ты показываешь.

ВЛАСЬЕВНА. Вы сегодня, барышня, загадки загадываете.

СОФЬЯ. Я люблю загадки.... Вспомни маменькины слова: «не намъ думать о другихъ.» — А я такъ иначе думаю; да и почему же намъ, то есть мнѣ, не думать о другихъ, то есть о другомъ....

ВЛАСЬЕВНА. Продолжайте, барышня, я васъ слушаю.

софья. Только чурь молчать; даже маменька не знает. — Вчера за ужиномъ, подходитъ ко мнѣ (*показываетъ на спинку стула*) Николай Ильичъ и говоритъ на ухо: «вы на отрывъ откажите Климъ Климычу?» — Отъ кого узналъ Николай Ильичъ о намѣреніяхъ его, — я не знаю, — потомъ продолжалъ: «завтра, — значитъ сего дня, — вы навѣрное поблагодарите меня за пріятную новость.» — А? Что ты скажешь?

власьевна. Да какая же новость?

софья. Какая ты не догадливая: вѣдь Николай Ильичъ — родной дядя Владиміра Иваныча.

власьевна. Ахъ, я старая, старая... Ну, теперь понимаю, разгадала... Ахъ, вы барышня, барышня, и не грѣшно вамъ мучить бѣдную Власьевну! Ну, ужъ только проказницы: плачете, а у самихъ на сердцѣ совсѣмъ другое... Вотъ теперь-то посмотримъ, какъ начнетъ горланить индѣйскій пѣтухъ!... Говоритъ басомъ.» Да что же это такое, сударыня, Дарья Семеновна, вы меня обнадежили, а сами и на попятный дворъ; у васъ на нелѣль семь пятницъ.» (*Смѣется и кривляется, Софья тоже смѣется*)

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И ЗАХАРЬИНА:

захарьина. (*Одѣтая для выхода со двора, выходитъ изъ боковыхъ дверей*). Это что такое? Это что такое? (*Власьевна оторопѣла; Софья принимается за шитье*.) И тебѣ, въ твои лѣта не стыдно кривляться?

власьевна. Извините, сударыня, я только такъ...

захарьина. Что такъ, что такъ... Отъ тебя однѣ глупости видишь... Поди, приготовься, соберись; пойдемъ со мной. (*Власьевна уходитъ въ среднія двери*). А ты, Соничка... Ну годится ли...

софья. Что же, маменька: вы сами желаете, чтобы я старалась быть повеселѣе.

захарьина. Оно такъ, но за чѣмъ... такой неумѣренный смѣхъ... окно растворено... (*въ сторону*). Впрочемъ, я рада, что она сегодня въ веселомъ расположеніи; это даетъ мнѣ надежду, что дѣло кончится безъ особенной печали... Охъ, Климъ Климычъ, не знаешь ты моего горя. Ужъ еслибъ не обстоятельства... Но... Богъ вѣсть, можетъ оно и лучше. Вѣрно ужъ та-

кая судьба моей Сонѣ. Пусть будетъ, что будетъ... Не понимаю однакожь, что значить смѣшная гримаса генерала, когда я еказала ему о предложеніи Клема Клемыча...

Власьева *(въ дверяхъ)*. Готова, сударыня.

Захарьина. Я сейчасъ вернусь. Если безъ меня придетъ Клема Клемычъ... да нѣтъ, онъ не придетъ теперь: еще рано, — ну, до свиданія, Соничка. *(Уходитъ)*

ЯВЛЕНІЕ III.

Софья *(одна)*.

(Въ раздумьи сидитъ, отодвинувшись отъ пялецъ къ спинкѣ стула).

Какъ только вздумая про этого гадкаго... немогу даже имени выговорить: такъ онъ мнѣ страшенъ и противень... Сегодня я услышу... пріятную новость... неужели я обманываюсь?—Нѣтъ, Николай Ильичъ не такой человекъ... Но если и предположить, что я обманываюсь, то все же... слова его что нибудь да значать.. *(склоняясь къ пяльцамъ и играя розаномъ, который лежалъ на нихъ)*. А если я не ошибаюсь?.. если онъ намекалъ именно на Бенскаго... О, какъ я люблю его!.. да и онъ меня... то же любить; да, я знаю, что онъ любить... одно только непонятно: преждебывалъ онъ у насъ по крайнѣйму черезъ день, а тутъ какъ въ воду канулъ... Двѣ недѣли и пять дней, глазъ не покажетъ... А вчера?—Это непостижимо. Маменька говоритъ: «богаче меня.» — Въ самомъ дѣлѣ, что такое — бѣдная дѣвушка?—Жалкое созданіе, не имѣющее никакихъ правъ... Но развѣ она не смѣетъ надѣяться, не можетъ желать?.. Какъ скучно и досадно, когда не знаешь на чемъ остановиться, чему вѣрить...

Бенскій *(у окна, идъ Софья)*. Софья Петровна!

Софья. Ахъ! *(въ испугъ вскакиваетъ со стула и бѣжитъ къ авансценѣ)*.

Бенскій *(тамъ же, осматривая комнату)*. Софья Петровна! вы одне?.. Рѣшусь!.. *(отходитъ)*.

Софья. Это его голосъ... голосъ Бенскаго... онъ здѣсь... въ такую пору... что это значить? *(увидя входящаго Бенскаго, вскрикиваетъ)*.

ЯВЛЕНИЕ IV.

СОФЬЯ И БЕНСКИЙ.

БЕНСКИЙ (*быстро входит*). Софья Петровна, я вас испугал!..

СОФЬЯ. Владиміръ Ивановичъ... вы такъ неожиданно...

БЕНСКИЙ. А вы по обыкновенію мечтали... простите, Софья Петровна; я шелъ, я бѣжалъ къ вамъ... я зналъ, что матушки вашей нѣтъ... я видѣлъ, какъ она вышла, и потому рѣшился... О, эта невѣзѣность мучитъ меня, скажите: вы раздѣляете мнѣніе матушки?..

СОФЬЯ. Я васъ не понимаю.

БЕНСКИЙ. Какъ! развѣ вы не знаете, почему я не бываю у васъ?

СОФЬЯ. Не знаю.

БЕНСКИЙ. И не знаете, что мнѣ запретили показываться въ вашемъ домѣ?

СОФЬЯ (*съ удивленіемъ*). Запретили?

БЕНСКИЙ. И не знаете, что запретила—ваша матушка?..

СОФЬЯ. Маменька?

БЕНСКИЙ. Да, ваша матушка. в вотъ отъ чего я такъ давно не видѣлъ васъ; вотъ отъ чего вчера у дядюшки, на вечерь... Не правда ли, вамъ казалось странно... ..

СОФЬЯ. Даже очень странно.... но, постойте, вы говорите, что маменька....

БЕНСКИЙ. Выслушайте. Слишкомъ двѣ недѣли назадъ, матушка ваша, прощаясь со мной, — васъ при этомъ не было, — объявила мнѣ, что по нѣкоторымъ важнымъ для нея причинамъ, она не можетъ болѣе принимать меня; что она желаетъ прекращенія нашего знакомства, сколько для моего собственнаго благополучія, столько же для ея и вашего спокойствія; однимъ словомъ, она самымъ строгимъ тономъ, просила меня оставить вашъ домъ... навсегда. Такое требованіе вашей матушки, высказанное совершенно безъ шутокъ, удивило, оскорбило меня; я просилъ объясниться, но меня этого не удостоили, а повторили рѣшительно, что этого требуютъ важныя причины.

СОФЬЯ. Что же это такое, Боже мой.... Что же вы сдѣлали?

БЕНСКИЙ. Я рѣшительно не знаю за собой никакого проступка, который бы хоть сколько нибудь оправдывалъ приказаніе вашей матушки. Я повѣрялъ себя, повѣрялъ другихъ, расцѣл

шивалъ, узнавалъ, и наконецъ , — вчерашній вечеръ все открылъ..

софя. Что же? Говорите!...

бенскій. Меня оклеветали, очернили передъ вашей матушкой, самымъ низкимъ образомъ.

софя. Оклеветали?.. Но кто, и за что?

бенскій. Вашъ сосѣдъ — господинъ Безпардонный, и ваша сосѣдка, госпожа Сплетанмова.... За что? О, у такихъ людей найдется, за что и для чего. По словамъ Сплетанмовой, — я, игрокъ, дуэлистъ, неголай, котораго за какія-то непростительныя шалости выслали изъ столицы въ злышній городъ на покаяніе... Безпардонный пошелъ еще далье,—по его мнѣнію и рѣчамъ, я разстроилъ — гдѣ, не знаю — нѣсколько почтенныхъ семействъ, погубилъ многихъ изъ своихъ товарищей, для которыхъ былъ соблазномъ; промоталъ половину отцовскаго имѣнія, который, въ слѣдствіе этого, стѣ меня отказался...., онъ даже осмѣлился сказать, что посѣщенія мои опасны для того семейства, гдѣ нѣтъ ни отца ни брата.... Вы понимаете?....

софя. Это ужасно... За чѣмъ же вы вчера не поспѣли об-
наружить.

бенскій. Это было не возможно. Сегодня другое дѣло. Дядя мой поправитъ все.

софя (*въ сторону, весело*). Его дядя!.. (*Бенскому*.) Если такъ, — я вамъ ручаюсь за маменьку: она, я... Мы уважаемъ вашего дядюшку... Но, — извините меня, Владиміръ Ивановичъ, вы пока все еще находитесь подъ запрещеніемъ; а такъ какъ я одна....

бенскій. Понимаю, и сію же минуту оставляю васъ, чтобъ прежде времени не встрѣчаться съ вашей матушкой.. Но, только два слова: вчера у дядюшки мнѣ стало извѣстно, что г. Безпардонный... что вы... вы краснѣете.... такъ это правда?

софя. Да!

бенскій. И вы?...

софя. Прежде — я его ненавидѣла, теперь презираю.

бенскій (*нѣжно*.) А... меня?

софя. Васъ?

бенскій. Да, Софя Петровна, я пришелъ къ вамъ не за тѣмъ, чтобъ оправдываться противъ клеветы; я пришелъ сказать вамъ... Софя Петровна! Я такъ горячо, такъ благородно

люблю васъ... Скажите же и вы мнѣ отъ чистаго и невиннаго вашего сердца, скажите: вы не отвергаете меня?...

(Софья потупляетъ глаза).

БЕНСКИЙ. Скажите прямо: ошибаюсь я, или нѣтъ?

СОФЬЯ. Чего вы отъ меня требуете..

БЕНСКИЙ. Откровеннаго признанія, только одного вашего слова... будьте искренни, Софья Петровна; только одно слово: любите ли вы меня — говорите?

(Софья уклоняясь отъ ответа, подаетъ Бенскому правую руку; которую тотъ, разумеется, целуетъ 100000 разъ.)

БЕНСКИЙ. О!.. вы меня любите!... я больше не сомнѣваюсь... Теперь съ этой минуты, я не боюсь моихъ клеветниковъ... О, повторите, повторите, что вы любите меня.

СОФЬЯ. Извольте, Бенскій, я скажу вамъ откровенно: я люблю васъ; я не стыжусь моего признанія, потому что вы... не станете играть чувствами бѣдной дѣвушки.

БЕНСКИЙ. Вѣрите, Софья Петровна, намѣренія мои чисты и святы, какъ чиста и свята любовь моя... Сегодня я и дядюшка....

ЗАХАРЬИНА *(за кулисами)*. Власьевна! Да иди же проворнѣй.

СОФЬЯ *(въ испугѣ)*. Маменька....

БЕНСКИЙ *(тоже)*. Ваша матушка! — Я еще не смѣю ее видѣть.. Прощайте, до свиданія. *(Идетъ къ среднимъ дверямъ Софья его удерживаетъ).*

СОФЬЯ. Здѣсь вы встрѣтитесь.... Боже! Что изъ этого выйдетъ....

БЕНСКИЙ *(возвращаясь, видитъ отворенное окно)*. А! окно открыто.... такъ и быть! *(Бросается въ окно, сбросивъ сперва на улицу розанъ).*

СОФЬЯ. *(Увидавъ это, вскрикиваетъ, и подбѣгая къ окну, падаетъ на стулъ).*

ЯВЛЕНИЕ V.

ЗАХАРЬИНА, за нею Власьевна *(съ узломъ, входя въ среднія двери, проходитъ въ боковыя).*

ЗАХАРЬИНА *(въ дверяхъ, Власьевицъ, которая еще не показывается)*. Ты всегда отстаешь за версту... Соничка! Приди ко мнѣ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

СОФЬЯ (одна).

(При словахъ матери, она сначала встала, но опять опустилась на стулъ, находясь подъ вліяніемъ прежняго впечатлѣнія, какъ послышался голосъ Захарьиной. Сцена эта идетъ живо.)

ЗА КУЛИСАМИ.

Сплетаимова, а за нею Безпардонный, нагло хохочутъ. Это поражаетъ Софью; она прислушивается. Велѣдъ за хохотомъ, начинается слѣдующій разговоръ, отъ котораго Софья приходитъ въ ужасъ.

СПЛЕТАИМОВА. Видѣли, любезнѣйшій сосѣдъ?

БЕЗПАРДОННЫЙ. Видѣлъ, любезнѣйшая сосѣдка.

СПЛЕТАИМОВА. Какова благовоспитанность?

БЕЗПАРДОННЫЙ. Это видно наклонная нравственность.

СПЛЕТАИМОВА. Не худо бы обрадовать матушку.

БЕЗПАРДОННЫЙ. Идетъ. Да мнѣ оно и кстати... А славно, бестія, выскочилъ.

СПЛЕТАИМОВА. Да и просидѣлъ—то долговко!.. (оба хохочутъ).

СОФЬЯ. Что я слышала, Великій Боже!.. Эти зловѣщія рѣчи..

ЗАХАРЬИНА (за кулисами). Соничка! Соня!

СОФЬЯ (не слыша зова). Они говорили про меня!.. Хохотали!... О!...

ЯВЛЕНИЕ VII.

СОФЬЯ И ЗАХАРЬИНА.

ЗАХАРЬИНА (въ дверяхъ). Что это, Соничка! Зову, зову — не дозовусь.

СОФЬЯ (вставая, про себя). Маменька!

ЗАХАРЬИНА (идя ко Софьѣ весело). Поди, Соничка, посмотри тамъ на мои покупки, они вѣрно тебѣ понравятся.

СОФЬЯ (бросаясь въ объятія матери). Маменька!...

ЗАХАРЬИНА (цалуя Софью въ голову). Что съ тобой, дитя мое?

(Софья, бѣжитъ въ боковую комнату. — Захарьина съ участіемъ и грустно смотритъ ей въ слѣдъ).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ЗАХАРЬИНА (одна).

Да; да... для меня все ясно; я все понимаю... О, Софья, Софья! и мнѣ не легче твоего... Однакожъ меня даже страшитъ ее чувствительность; я понимаю, она не можетъ еще пріучить себя къ мысли... Мнѣ не слѣдовало отходить отъ нее сегодня... одна, — она перебрала въ воспоминаніи своемъ все прежнія мечты, все дѣтскія удовольствія и радости... что дѣлать, Софья!.. надо пересилить себя и покориться необходимости... Но, Богъ милостивъ... станемъ на него надѣяться; онъ не погубитъ сироту... Власьевна!

ВЛАСЬЕВНА (въ среднихъ дверяхъ). Что угодно, сударыня?

ЗАХАРЬИНА. Воды для цвѣтовъ.

(Власьевна уходитъ, и скоро возвращается съ лейкой, отдавъ ее Захарьиной, уходитъ).

ЗАХАРЬИНА (между тѣмъ временемъ и потомъ поливая цвѣты.) Она еще такъ проста.. спрашиваетъ про Бенскаго... надо заставить ее думать... надо сказать, что онъ... и сама не знаю, что придумать... вчера онъ былъ какъ чужой... это хорошо... Разумѣется, я и въ половину не вѣрю, что толкуютъ о немъ... да и не въ томъ дѣло... ужъ одно то, что онъ—сынъ заслуженнаго генерала, молодецъ, хорошъ и богатъ... тутъ о партіи, о родствѣ и думать нечего... онъ не для нашего круга... слѣдовательно, посѣщенія его повели бы только къ тѣмъ сплетнямъ, до которыхъ сосѣдки наши большія охотницы.

ЯВЛЕНИЕ IX.

ЗАХАРЬИНА И БЕЗПАРДОННЫЙ.

БЕЗПАРДОННЫЙ. Честь имѣю свидѣтельствовать мое низжайшее почтеніе, сударыня Дарья Семеновна.

ЗАХАРЬИНА. Ахъ, Климъ Климычъ, какъ вы меня перепугали.

БЕЗПАРД. Не имѣлъ намѣренія, отнюдь не имѣлъ.

ЗАХАРЬИНА. Но вашъ голосъ... до сихъ поръ не могу привыкнуть, — извините пожалуйста.

(продолжаетъ ходить около цвѣтовъ).

БЕЗПАРД. Прирола, сударыня; служба, сударыня!...

ЗАХАРЬИНА. О, нисколько... однакожъ, говоря откровенно, я

ожидала васъ къ себѣ по позже... вотъ почему вы и находите меня въ занятіи.

БЕЗПАРД. Пріятное занятіе, сударыня.

ЗАХАРЬИНА. Да... отъ нечего дѣлать. Впрочемъ я страстная любительница цвѣтовъ.

БЕЗПАРД. Это пріятно—съ, *(въ сторону)*. Какъ бы половчье начать *(Захарьиной)*. Я тоже, сударыня, Дарья Семеновна, имѣю маленькую склонность... особенно люблю розы, *(въ сторону)* отпустилъ!

ЗАХАРЬИНА. Скажите!... Я и не знала.

БЕЗПАРД. Дѣйствительно такъ—съ *(въ сторону)*. Предосадно, канальство!.. Безъ Анны Лаврентьевны, какъ безъ рукъ. *(Обертывалась къ Захарьиной, которая въ это время приближалась къ послѣднему окну, и, не найдя розана, осматриваетъ снова все цѣпты)*. А, брависсимо! сама добралась. Теперь можно этакъ... каламбурецъ какой нибудь... Хм—хм—хм, —

ЗАХАРЬИНА. Странно, нигдѣ нѣтъ.

БЕЗПАРД. Хмъ, хмъ... Вы, сударыня, Дарья Семеновна, чего-то ищете, кажется?...

ЗАХАРЬИНА *(продолжая оглядывать цѣпты)*. Да... такъ... пустяки... розанъ... всегда стоялъ на этомъ окнѣ.

БЕЗПАРД. А теперь пожалуй что и за окномъ. *(Смотритъ за окно)*. Представьте себѣ, такъ и есть—за окномъ! посмотрите.

ЗАХАРЬИНА. Въ самомъ дѣлѣ! Какъ же это такъ?

БЕЗПАРД. Вѣрно какъ нибудь... вѣтромъ *(въ сторону)*. Хе, хе..

ЗАХАРЬИНА. Какой вѣтеръ!...

БЕЗПАРД. А можетъ быть... и... толкунуль кто нибудь.

ЗАХАРЬИНА. Кому, за чѣмъ... Власьева! Власьева! *(Власьева входитъ)*. Скорѣе! *(Захарьина показываетъ ей за окно, Власьева бѣжитъ за цѣпткомъ, Захарьина у окна)*.

БЕЗПАРД. *(въ сторону)*. Эхъ, досадно, канальство, что Анна Лаврентьевна мышкаетъ; вмѣстѣ, мы славно бы разыграли эту амурную штуканцію... нѣтъ, голубчикъ, Климъ Климычъ, поворачивай оглобли назадъ.. бери: жену попроче, по натуральнѣе, а не то что... *(дѣлаетъ глупую гримасу, воображая, что передразниваетъ улыбку хорошенькой дѣвушки)*. А тамъ пожалуй, и вотъ еще что!... *(вертитъ пальцами около лба)*. Съ такимъ розанчикомъ того и смотри, что тебя какъ вотъ этотъ горшокъ—фитъ!... *(Выбрасываетъ руками воздухъ)*. Что сударыня, Дарья Семеновна, не узнали, кто напроказилъ?

ЗАХАРЬИНА. Помилуйте, кому напроказить.

БЕЗНАРД. Не хорошо... не хорошо. Вы, можно сказать, почтенная дама; а тутъ — горшки летятъ на улицу. Пожалуй еще въ голову кому.

ВЛАСЬЕВНА (*принимаетъ цвѣтокъ безъ горшка, и отдавалъ Захарьиной.*) Тамъ одни осколки; пойду и подберу. (*Идетъ.*)

СОФЬЯ (*выплывавая изъ боковыхъ дверей и подзывая къ себѣ Власьевну шопотомъ.*) Власьевна! Власьевна! (*та подходитъ — Софья отдаетъ ей письмо.*) Скорѣй, какъ можно скорѣй! (*Власьевна уходитъ.*)

ЗАХАРЬИНА (*осматривая цвѣтокъ*). Чудеса! Развѣ съ улицы кто... Быть не можетъ... Сколько времени стоялъ на одномъ мѣстѣ... никто не трогалъ... не понятно.

БЕЗНАРД. (*нюхая цвѣтокъ*) Чудесный запахъ!... славно пахнетъ!... махровый!... Однакожъ не много поизмялся... позагрязнился... Ну, да бѣда не большая; можно снова посадить... а крѣпко жаль горшка... кажется былъ фарфоровый...

ЗАХАРЬИНА. Фарфоровый, да, фарфоровый, (*смотритъ на Безнардниаго наблюдательно.*)

БЕЗНАРД. Ну, жаль, жаль! (*въ сторону*). Хе, хе, хе! убытокъ отъ горшка-то не великъ; а вотъ если оно, то есть, другой кто профарфорился... такъ оно, такъ сказать... (*щелкаетъ языкомъ*) Жаль, Дарья Семеновна, жаль!

ЗАХАРЬИНА. Я замѣчаю, Климъ Климычъ, что вы какъ будто подшучиваете надъ этимъ случаемъ.

БЕЗНАРД. Помилуйте, сударыня, Дарья Семеновна, за чѣмъ мнѣ подшучивать. А впрочемъ чтожъ? И тужить-то много не изъ чего.

ЗАХАРЬИНА. Оно такъ,.. конечно... розанъ вещь не важная... (*про себѣ*). Опъ какъ-то двусмысленно объясняется.... какъ будто чего-то не договаривается... возлѣ окна сидѣла Софья... спрошу. (*Хочетъ идти, но въ эту минуту входитъ Сплетанмова.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ И СПЛЕТАНМОВА.

ЗАХАРЬИНА (*въ сторону*). Вотъ и еще гостя не во время.

БЕЗНАРД. (*въ сторону*). Наконецъ! Ну, теперь пошла писать!

СПЛЕТАИМ. Здравствуйте, добрыйшая и почтеннейшая, Дарья Семеновна! Здоровы ли? Какъ поживаете? Что новинькаго? Ахъ, что это? Розанъ? Что съ нимъ?

ЗАХАРЬИНА. Да вотъ, отлучилась изъ дому на четверть часа; прихожу, смотрю—розанъ за окномъ.

СПЛЕТАИМ. А! такъ это тотъ самый?

ЗАХАРЬИНА. Какой—тотъ самый?

СПЛЕТАИМ. Простите, за простоту, добрыйшая и почтеннейшая, Дарья Семеновна. Вы меня давно знаете, я васъ тоже; мы старинные сосѣдки, между нами никакихъ ссоръ, никакихъ сплетней: я ссоръ не люблю, а сплетней и того пуше... Ну, а все же случаются случаи, что и радъ бы промолчать, да по дружбѣ не утерпишь, скажешь; при томъ, знаете, и по долгу Христіанскому, обязанность наша предостерегать всякаго ближняго, а тѣмъ еще паче, короткую пріятельницу и сосѣдку... и такъ, вотъ видите ли... А!.. Климъ Климычъ! еще здравствуйте.

ЗАХАРЬИНА (про себя.) Начала молоть!

БЕЗПАРД. Мое почтеніе!

СПЛЕТАИМ. Вотъ видите ли, добрыйшая и почтеннейшая, Дарья Семеновна. Я сижу на балконѣ, пью кофій, а Климъ Климычъ насупротивъ меня,—наши строенія, вы знаете, vis-a-vis,—на-супротивъ меня, смотритъ въ окно и куритъ трубку; онъ курилъ трубку, а я допивала послѣднюю чашку; вдругъ смотримъ—швыркъ!.. Вотъ этотъ розанъ, швыркъ туда, за окно; и какъ сильно! я просто, испугалась; не знаю, какъ Климъ Климычъ; просто—таки за окно и полетѣлъ, какъ будто какая невидимая сила швырнула его; потомъ, смотрю, вслѣдъ за горшкомъ... у меня даже руки опустились и чашка выпала...

ЗАХАРЬИНА. Да говорите дѣло. Ну чтожъ вслѣдъ за горшкомъ?

СПЛЕТАИМ. Вотъ видите: когда выпала чашка, я смотрю... Ахъ, Создатель небесный! Кто бы смѣлъ вообразить...

БЕЗПАРД. Ни кто не смѣлъ вообразить.

ЗАХАРЬИНА. Ну, ну, что же такое?

СПЛЕТАИМОВА. Не гнѣвайтесь, добрыйшая и почтеннейшая Дарья Семеновна! не сердитесь; гнѣвомъ не поможете, а только себя разстроите. Вы знаете, я сору изъ избы не вынесу, это не въ моемъ характеръ, у меня все шито да крыто; да и Климъ Климычъ...

БЕЗПАРД. Не вынесу.

ЗАХАРЬИНА. Да кончите ли вы? Что вы видите?

СПЛЕТАИВ. Будьте во мнѣ увѣрены, добрыйшая и почтеннейшая, Дарья Семеновна, да что и говорить, вы меня давно знаете; ни отъ кого я не слыхала о себѣ дурнаго слова; конечно, есть всякіе люди на свѣтѣ, особенно изъ нашей братьи; на всѣхъ не угодишь; ты желаешь имъ какъ бы лучше, а отъ нихъ только и слышишь—брань да поношеніе, ну, да эти люди не стоятъ вниманія: собака лаетъ, вѣтеръ носитъ, — а что касается до моего уваженія, я васъ уважаю. Всѣмъ матерямъ въ примѣръ ставлю и сама пользуюсь... Вотъ, говорю, — Дарья Семеновна,—мать, такъ мать; у ней не смѣй шагу сдѣлать безъ спросу; да и не то, что безъ спросу, а таки просто, не отпускаетъ безъ себя; вотъ это мать! Оттого и Софья Петровна у нее настоящая незабудка, настоящій розанчикъ! всѣмъ взяла: и скромность и послушаніе, и благонравное поведеніе, и все такое...

ЗАХАРЬИНА. Да къ чему вы свели рѣчь на дочь мою?

СПЛЕТАИМОВА. А вотъ, слушайте....

БЕЗПАРДОННЫЙ. А вотъ слушайте. (*Въ сторону*). Бой-баба!

ЗАХАРЬИНА. Извините, господа, вы говорите загадками; признаюсь, мнѣ что-то дико.... Ужъ не сговорились ли вы?...

БЕЗПАРДОННЫЙ и СПЛЕТАИМОВА. Ха, ха, ха! Сговорились!

ЗАХАРЬИНА. Но мнѣ наконецъ страшно становится; кончите, ради Бога!

СПЛЕТАИМОВА. Сію секунду.

БЕЗПАРДОННЫЙ. Сію секунду.

ЗАХАРЬИНА (*съ досадою Безпардонному*). Вы,—точно эхо Анны Лаврентьевны.

СПЛЕТАИМОВА. Вмѣстѣ видѣли.

БЕЗПАРДОННЫЙ. Вмѣстѣ видѣли.

ЗАХАРЬИНА. Я съ ума схожу! Что вы видѣли? Говорите. (*Обращаясь къ обоимъ.*)

СПЛЕТАИМОВА. Вы знаете, я лгать не люблю, да и сама не терплю лгуновъ; у меня правило: хлѣбъ соль ѣшь, а правду рѣжь; правда, конечно глаза колетъ, и особенно нынче ужъ куда не въ ходу она, да мнѣ-то какое дѣло? Я живу по старинѣ, на распахку, вся тутъ — какъ видите... Ну да, это въ сторону....

ЗАХАРЬИНА. Да о чемъ вы говорите, скажите на милость?

СПЛЕТАИМОВА. Объ розанѣ.

БЕЗПАРДОННЫЙ. Объ розанѣ.

СПЛЕТАЙМОВА. И такъ извольте видѣть, добрыйшая и почтеннѣйшая, Дарья Семеновна: когда горшокъ съ розаномъ полетѣлъ, то вслѣдъ за нимъ..... Но позвольте.... (*Захарьина показываетъ нетерпѣливѣе.*) Вамъ извѣстно, что въ нашемъ городишкѣ довольно всякой дряни, а ужъ про франтовъ и говорить нечего; на каждомъ шагу — какъ саранча какая, успѣвай только сторониться; не посторонись — съ ногъ собьютъ. Вотъ когда вы вышли прогуляться, или тамъ можетъ и по дѣламъ какимъ, только что вы вышли, вдругъ — шашть въ ту же самую дверь — в онъ.....

ЗАХАРЬИНА (*въ изумлении обращается то къ той, то къ другому.*) Кто? Что? Кто онъ? Кто?

СПЛЕТАЙМОВА. какой-то молодой человекъ.

БЕЗНАРДОННЫЙ. молодой человекъ.

ЗАХАРЬИНА (*съ прежнимъ чувствомъ*). Какъ? Что? Кто?

СПЛЕТАЙМОВА. А лишь только вы воротились, только что въ дверь, въ ту же секунду и онъ — хватъ горшокъ за окно, да и самъ туда же.

ЗАХАРЬИНА. (*Осматриваетъ ихъ съ ужасомъ, потомъ схвативъ Сплетаймову за руку, увлекаетъ ее въ уголъ аван-сцены, на льво отъ зрителей.*) Анна Лаврентьевна! Анна Лаврентьевна!

СПЛЕТАЙМОВА. Вы ужасно жмете руку.

ЗАХАРЬИНА. Анна Лаврентьевна! Ты понимаешь, что говоришь?

СПЛЕТАЙМОВА. Понимаю, добрый.... Но пустите... Больно...

ЗАХАРЬИНА. Я тебя спрашиваю серьезно: ты подумала, что сказала сію минуту? А?

СПЛЕТАЙМОВА. Увѣрю васъ.... Но оставьте пожалуйста.... На рукѣ будутъ синеты.

ЗАХАРЬИНА (*выпуская ея руку*). Анна Лаврентьевна! Посмотри мнѣ въ глаза, смотри прямо.... Прямо въ глаза.. Вотъ такъ... отвѣчай мнѣ, но... Тсъ.. Чтобы никто не слыжалъ: (*въ полосу.*) Кто былъ у моей дочери? Тсъ!

СПЛЕТАЙМОВА. Съ чего же вы берете, что у дочери вашей..

ЗАХАРЬИНА. Тсъ... Она оставалась дома одна.. Слышишь ли.. одна. Говори: кто былъ? а?

СПЛЕТАЙМОВА. Извините, добрыйшая....

ЗАХАРЬИНА (*тресетъ ее за руку*). О! Не мучь меня! Не убивай! Скажи мнѣ скорѣе: кто былъ у моей дочери?

СПЛЕТАЙМОВА. Офицеръ.... Ахъ, какъ ломить... Ей — ей офицеръ....

ЗАХАРЬИНА. Анна Лаврентьевна! Душечка!.. пощади меня.... Ты сама имѣешь дѣтей; у тебя тоже есть дочь.... Еслибъ тебѣ сказали въ глаза, прямо въ глаза, что у твоей дочери... О! *(Плачетъ)*.

СПЛЕТАЙМОВА *(притворяется расчувствованною)* О! Я знаю каково материнскому сердцу.... Охъ, дѣтки, дѣтки!.... Съ вами только горе да слезы.

ЗАХАРЬИНА *(прядя въ себя)*. А что, если ты безстыдно солгала?

СПЛЕТАЙМОВА. Хоть побожиться.... Да и Климъ Климычъ....

ЗАХАРЬИНА *(про себя)*. Ахъ, да!... Она не одна.... Ихъ здѣсь двое... Оба видѣли... Оба говорятъ одно и тоже.... Я не постигаю... Я теряю голову... Анна Лаврентьевна! подойди ко мнѣ..... Ты не замѣтила, когда онъ выходилъ.... Каковъ онъ....

СПЛЕТАЙМОВА. Да тотъ самый, что къ вамъ такъ часто хаживалъ.... Котораго еще изъ Петербурга-то выслали.

ЗАХАРЬИНА. Бенскій!...

СПЛЕТАЙМОВА. Ну, да, онъ и есть.

ЗАХАРЬИНА: *(подзывая къ себѣ Безпардоннаго, который подходитъ)*. Послушайте, Климъ Климычъ! Вы не ждете?

БЕЗПАРДОННЫЙ. Признаюсь, сударыня, Дарья Семеновна, я бы желалъ, чтобъ эта была ложь... Но, къ несчастію, это сущая правда. Здѣсь, у васъ, именно былъ Бенскій, извѣстный похититель чувствительныхъ сердець.... Лишь только вы въ дверь, онъ далъ тягу въ окно.... Извините сударыня, Дарья Семеновна... Я человекъ не важный... Но послѣ такого пассажа... всякій на моемъ мѣстѣ.... Извините... Мое предложеніе... вы понимаете... Извините.... объ закладной поговоримъ въ другое время.. *(дѣлаетъ Сплетаимовой знаки уйти)*.

ЗАХАРЬИНА *(пораженная тѣмъ, что слышала, про себя)*. Дочь меня обманывала.... У нихъ были сношенія.... Ея протота — искусное притворство.... О, Боже мой, Боже мой! За что я наказываюсь! *(въ изнеможеніи падаетъ на первое кресло)*.

ЯВЛЕНИЕ XI.

тѣ же и Софья.

(Сплетаимова и Безпардонный, тихонько пробираются къ дверямъ. Въ эту минуту, Софья, наблюдавшая

всю эту сцену из своей комнаты, выбывает оттуда и запираетъ на ключь среднія двери.)

СОФЬЯ. (Безпардонному и Сплетаймовой.) Остановитесь! Вы не должны уходить.

СПЛЕТАЙМОВА и БЕЗПАРДОННЫЙ. (Одинъ другому.) Это что значитъ? Насъ заперли. Посмотримъ, что будетъ.

СОФЬЯ (бѣжитъ къ матери, становясь передъ нею на колѣни.) Маменька! Маменька! Выслушайте меня... Не обвиняйте, не подозревайте вашей дочери.

ЗАХАРЬИНА (приходя въ чувство, страдательно смотритъ на дочь свою и хочетъ что-то сказать, поднимаясь съ кресель, но въ это время стучатъ въ двери, крича:) «отоприте.»

СОФЬЯ. А!.. вотъ мой защитникъ! (Бѣжитъ и отворяетъ двери.)

ЯВЛЕНИЕ XII.

ТЪ ЖЕ и ВОИНОВЪ.

БЕЗПАРД. и СПЛЕТАЙМ. Генераль! (отходитъ въ сторону къ окнамъ).

ЗАХАРЬИНА. Что я вижу?.. Воиновъ! Бенскаго дядя... (опра-вляется).

ВОИНОВЪ (Софья, которая у дверей.) Прежде всего дайте поцѣловать васъ, милая Софья Петровна (цалуетъ въ лобъ). Теперь, отрите слезы и вспомните вчерашнія мои слова. (Софья уходитъ.—Воиновъ, обращаясь къ Сплетаймовой и Безпардонному.) Господа! ни съ мѣста! (Захарьиной) Дарья Семеновна, прошу васъ, успокойтесь. Я пришелъ къ вамъ съ пріятными вѣстями.

ЗАХАРЬИНА. Генераль! знаете ли вы...

ВОИНОВЪ. Знаю, знаю все. Знаю, что въ ваше отсутствие былъ у васъ мой племянникъ, что онъ разбилъ горшокъ съ розаномъ и чуть не разбилъ себѣ носа.

ЗАХАРЬИНА. И вы говорите объ этомъ равнодушно? шутя...

ВОИНОВЪ. Когда вы узнаете въ чемъ дѣло, вы сами будете смѣяться.

ЗАХАРЬИНА. Вы удивляете меня, генераль; да вашъ племянникъ...

ВОИНОВЪ. Честный и благородный мальчикъ; а выходка его,—

собственное мое изобрѣтеніе. Я побился съ нимъ объ закладъ: онъ выигралъ и сейчасъ явится сюда за полученіемъ выигрыша.

Захарьина. Я васъ рѣшительно не понимаю.

Войновъ. Повторяю, я пришелъ къ вамъ съ пріятными вѣстями, слышите ли? но напередъ я обязанъ кое-что разсказать вамъ, и (*указывая на Безпардоннаго и Сплетаймову*) вотъ этимъ добрымъ людемъ.. садитесь.

(Захарьина и онъ садятся.)

Захарьина. Да для чего вы ихъ оставовили?

Войновъ. А вотъ для чего!... слушайте... Въ нашемъ маленькомъ городкѣ (*обращаясь къ Сплетаймовой и Безпардонному*) пожалуйста поближе. (*Тѣ подходятъ.—Генералъ имѣетъ съ правой стороны Захарьину, съ лѣвой ихъ*.) Въ нашемъ маленькомъ городкѣ, между прочими оригиналами, есть двѣ пребезподобныя особы: одна женскаго рода, другая—мужескаго.. случится ли, на примѣръ, кораблю съѣсть на мель, они говорятъ—его посадили; случится ли, на примѣръ, кому умерѣть, они говорятъ—его уморили; случится ли, на примѣръ, вамъ проигратъся, они говорятъ—васъ обыграли... и тому подобное, все въ томъ же родѣ... следовательно, для этихъ двухъ особъ выдумки, сплетни и клевета, какъ насущный хлѣбъ. Конечно, такимъ особамъ ни въ чемъ не должно вѣрять; отъ нихъ надо удаляться на пушечный выстрѣлъ; но съ кѣмъ не бываетъ ошибокъ. — И вотъ, на примѣръ, что я слышалъ недавно: одинъ флотскій офицеръ, прекрасный молодой человекъ, по просьбѣ своего отца и по собственному желанію, переведенъ изъ Петербурга на службу въ нашъ городъ;.. казалось бы о чемъ тутъ толковать! Такъ нѣтъ—за языкъ такъ вотъ и тянется. Двѣ особы вывели цѣлую исторію. Они безъ стыда утверждали, что флотскій офицеръ — картежникъ, гуляка, забѣлка, развратилъ многихъ своихъ товарищей, разстроилъ нѣсколько честныхъ семействъ, прокутилъ отцовское имѣніе, соблазнилъ цѣлую фалангу.. и пр. и пр. и прочее. Однимъ словомъ, хуже этого негодяя нѣтъ ни на сушѣ, ни на морѣ, и что за все эти достоинства выслали его изъ столицы, какъ заразу.. къ сожалѣнію, а можетъ быть и не безъ умысла, со стороны двухъ особъ, эти нелѣпыя слухи дошли до свѣдѣнія одной почтенной женщины, вдовы съ прехорошенькою дочерью; она повѣрила имъ, и ни съ того, ни съ сего, отказала молодому человеку отъ дому.

ЗАХАРЬИНА. Извините, генераль, она слышала это по другимъ причинамъ.

ВОИНОВЪ. А по какимъ, если смѣю спросить?

ЗАХАРЬИНА. Эта женщина замѣтила, что молодой человекъ слышалъ на ея дочь впечатлѣніе, да кажется и самъ былъ къ ней не равнодушень... а какъ онъ единственный сынъ богатаго и знатнаго отца...

ВОИНОВЪ (*перевивая*). А она единственная дочь доброй и уважаемой матери, то и выходитъ, что эти молодые люди одинъ другаго стоятъ, а если стоять, да къ тому же и любить другъ друга, то ихъ слѣдуетъ обвинять; а чтобъ обвинять, для этого нужно согласіе матери, потому что съ другой стороны, нѣтъ никакого препятствія...

ЗАХАРЬИНА (*встала*). Генераль! вамъ угодно забавляться...

ВОИНОВЪ (*вставая*). Если не вѣрите мнѣ, такъ повѣрьте хоть этому письму (*вынимаетъ изъ кармана и подаетъ ей письмо*). Вы читайте, а я кончу свой рассказъ.

ЗАХАРЬИНА (*читая, обнаруживаетъ радость и удивленіе и потомъ убѣгаетъ въ комнату Софьи, произнося*). Софья! Софья!

ВОИНОВЪ (*садясь*). Молодой человекъ, оклеветанный, Богъ знаетъ по какимъ расчетамъ, располагалъ было лично отдѣлать своихъ пріятелей, но, разсудивъ хорошенько, предоставилъ эту честь своему дядѣ, а дядя, встрѣясь съ ними въ домъ одной почтенной женщины, тутъ же придумалъ для нихъ пріличное вознагражденіе... онъ всталъ, (*встаетъ*) подошелъ къ клеветникамъ (*подходитъ къ Безпардошному и Сплетаймовой*) взялъ ихъ за руки, вотъ такъ, какъ я теперь васъ и сказалъ имъ точно такъ, какъ я говорю вамъ: «негодян вы, негодян!» изъ чего вы хлопотали, понося молодаго человека, котораго знаете по одному только имени? изъ какой прибыли терзаете вы добрую мать своими мерзкими подозрѣніями на счетъ невинной дѣвушки?... Развѣ вы не знаете, что въ моей власти наказать васъ самымъ щегольскимъ образомъ? а? говорите?

БЕЗПАРД. Ваше превосходительство! виноваты!

СПЛЕТАИМ. Ваше превосходительство! не буду!

ВОИНОВЪ. Развѣ вы не знаете, что отъ меня зависить, тебя (*шепчетъ на ухо Безпардошному*) а васъ... (*тоже шепчетъ Сплетаймовой*).

БЕЗПАРД. Ваше превосходительство, простите!

СПЛЕТАИМ. Ваше превосходительство, простите!

воиновъ. А! теперь простите!—Ну, ладно, благопріятел... я не злопамятенъ; преслѣдовать васъ не стану: но за то прошу и васъ сослужить мнѣ маленькую службу.

ова. Что угодно, генералъ, приказывайте.

воиновъ. Для васъ это ничего не значить; а меня оно повеселитъ. Да при томъ же, долгъ платежѣмъ красенъ... Извольте видѣть: давеча вы любовались на племянника, теперь я хочу полюбоваться на васъ... понимаете? *(указываетъ на окно.)*

сплетаимъ. Какъ, ваше превосходительство? въ окно?

безпард. Ваше превосходительство, это не возможно...

воиновъ. Маршъ, маршъ, господа! Другимъ путемъ не выйдете.

сплетаимъ. Поцадите, я убьюсь.

безпард. Ваше превосходительство, это опасно.

воиновъ. Господа! вы знаете—я упрямъ.

сплетаимъ. Помилуйте, ваше превосходительство это стыдъ, срамъ, я не перенесу; это публичное поношеніе.

безпард. Ваше превосходительство, избавьте, не хорошо.

воиновъ. Не упрямтесь... а не то... у меня съ собой команда. *(Показываетъ на дверь.)*

воиновъ, $\left\{ \begin{array}{l} \text{безпардонный. Ваше превосходительство не конфузьте.} \\ \text{сплетаимова. Команда? Ваше превосходительство, я} \\ \text{благородная дама!} \end{array} \right.$

воиновъ. Знаю, знаю; но все таки полезайте.

сплетаимова. Я не могу, я не пойду, я не хочу; это насиліе, я буду жаловаться.

воиновъ. Ну, ну, ну, господа... Проворный.

безпардонный. Ваше превосходительство, я человекъ служашій.

воиновъ. Знаю... Маршъ!

безпардонный. Могутъ увидѣть подчиненные...

воиновъ. Какіе подчиненные — курьеры да сторожа.

сплетаимова. Помилуйте — что это за выдумка.

воиновъ. Ну, братецъ, покажи примѣръ своей соседкѣ.

(Сплетаймова и Безпардонный, въ критическихъ обстоятельствахъ вертятся около генерала; порываются уйти въ дверь; онъ не допускаетъ; требуетъ своего.)

сплетаимова. Вишь выдумалъ, безстыдникъ! Я не соглашусь.

безпардонный. Разбойникъ! дѣлать нечего — пушусь. Благо

не высоко. Благослови Господи! (*Разблѣается и выскакиваетъ при смѣхѣ Воинова.*)

воиновъ. Ну, мадамъ Сплетанмова, ваша очередь.

СПЛЕТАНМОВА. Помилуйте генераль, это вина что не похоже.

(*Хочетъ урваться въ дверь, но Воиновъ загоняетъ ее къ окну, такъ что она принуждена встать на стулъ. Воиновъ смѣется.*)

СПЛЕТАНМОВА (*на стуль.*) Я благородная дама; вы не можете; я буду жаловаться, кричать.

воиновъ. Сколько угодно... а все таки маршъ, маршъ!... (*онъ загоняетъ ее на косякъ окна.*)

СПЛЕТАНМОВА. Говорю вамъ, я убьюсь... меня увидятъ... вы не смѣете... это скверно... (*увидавъ входящую Захарьину и дочь, вскрикиваетъ и выскакиваетъ. Воиновъ хохочетъ.*)

ЯВЛЕНИЕ XIII.

ВОИНОВЪ, ЗАХАРЬИНА И СОФЬЯ.

ЗАХАРЬИНА (*смѣясь.*) Что вы дѣлаете?

воиновъ. Провожу не званыхъ гостей. (*Смѣется.*) Я рѣшился сегодня и себя потѣшить и добрымъ людямъ доставить удовольствіе и, кажется, сдержалъ слово, не правда ли?

ЗАХАРЬИНА. Я отъ радости не помню себя... сегодня въ моемъ домѣ и со мной дѣлаются чудеса: недавно еще я считала себя несчастною матерью; теперь же, Николай Ильичъ... вы насъ осчастливили, — (*отдаетъ письмо Воинову,*) отецъ Бенскаго пишетъ, что онъ зналъ лично моего мужа; и я вспомнила: они действительно были товарищи по службѣ.

воиновъ (*Софья.*) А вы что скажете?

СОФЬЯ (*присѣдая.*) Я, — «благодарю васъ за пріятную новость.»

воиновъ. Вотъ то-то плутовочка... А вѣдь струсили?

СОФЬЯ. Потому-то я и отправилась къ вамъ Власевну съ эстафетой.

ЗАХАРЬИНА. Но за чѣмъ же вы Николай Ильичъ, вчера ничего не сказали? Вѣдь письмо получено вчера.

воиновъ. А за тѣмъ, что утро мудренѣе вечера.

ЗАХАРЬИНА. Хорошо, а что значить вашъ закладъ съ племянникомъ.

воиновъ. Ничего. Это пустая сказка, которую придумалъ я

для этих сплетниковъ. Впрочемъ, онъ сегодня не безъ выигрыша: у него есть — невѣста, (*показываетъ на Софью, — та присѣдаетъ.*) Но кудажь онъ запропастился? Это такая взбалмошная голова, — а! Да вотъ и онъ.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТѢ ЖЕ И БЕНСКІЙ.

БЕНСКІЙ (*въ дверяхъ.*) Могу ли войти?

ВОИНОВЪ. Иди смѣло, все кончено.

БЕНСКІЙ. Софья Петровна! (*целуетъ руку*) Дарья Семеновна, вы не сердитесь?

ЗАХАРЬИНА. Софья объяснила мнѣ причину вашего прыжка.. но впередъ прошу васъ деликатнѣе обходиться.... съ моими цвѣтами.

БЕНСКІЙ. Лучше всякаго ботаника. И на первый разъ позвольте представить вамъ новыи въ замѣнъ стараго.

(*Въ дверяхъ показывается Власьева съ большимъ розаномъ, который и ставитъ на окно.*)

ЗАХАРЬИНА, СОФЬЯ, ВОИНОВЪ. Розанъ!

(*Всѣ подходятъ къ цвѣтку.*)

ВОИНОВЪ (*возвращаясь на середину сцены и обращаясь поочередно ко всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ.*) Ну, теперь, кажется, все кончено, все въ порядкѣ и на своемъ мѣстѣ. Вамъ, Дарья Семеновна, возвращается вещь, причинившая такъ не кстатн маленькій скандалъ; вы, Софья Петровна, получаете въ вѣчное и потомственное владѣніе лихова моряка, но чтобъ онъ не вздумалъ лавировать, совѣтую держать его постоянно на якорѣ.. а ты, флюгерная голова.. тебѣ достается такой свеженькій розанчикъ, что если ты у меня.... то смотри, братъ.... какъ—разъ выкупаю....

БЕНСКІЙ. Будьте спокойны, дядюшка: этотъ цвѣтокъ (*беретъ Софью за руку:*) я не выброшу за окно.

ВЛАСЬЕВНА. А меня—то, батюшка, ваше превосходительство, старуху и забыли....

ВОИНОВЪ. Э, Власьева, потерпи: будетъ и на нашей улицѣ праздникъ.

(*Власьева кланяется. Занавѣсъ опускается.*)

ТЕАТРАЛЬНАЯ ДЕТОШИСЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

ЮНЬ.

Владиміръ Заревскій. Драма. *Владиміръ* — г. Каратыгинъ 1, князь *Петръ Заревскій* — г. Брянскій, княжна *Ольга* — г-жа Самойлова 2, графъ *Викторъ Иванычъ* — г. Самойловъ, *Докторъ Миллеръ* — г. Славинъ, мать *Владиміра* — г-жа Валберхова; *Катерина Конари* — г-жа Гринева, *Дарья* — г-жа Гусева. *Осиповъ*, управитель князя — г. Каратыгинъ 2, деньщикъ — г. *Фаллеевъ*, повзранный — г. Марковецкій.

Признаемся, что рѣдко случалось намъ выносить изъ Александринскаго театра такое полное и цѣльное впечатлѣніе, какое вынесли мы изъ представленія новой драмы, кажется, если мы не ошибаемся, принадлежащей даровитому молодому автору — *музыканта и киллини*. Этими мы обязаны сколько ему столько же и исполненію. Смѣло попросимъ теперь многихъ господъ восхищающихся однимъ ансамблемъ Михайловской сцены — найти недостатки въ исполненіи *Заревскаго*; не говоримъ уже о томъ, что отдѣльными мужскими и женскими талантами, наша народная сцена едва ли не богаче

своей соперницы, особенно въ настоящую эпоху, которую можно вполне назвать цвѣтущею. Слава Богу, съ легкой руки С. А. Геденова и съ колоссальнаго успѣха смерти *Ллуннова*, самые драматическіе наши авторы, какъ будто разшевелились. Пора, давно пора уже возвратиться той блестящей эпохѣ Русскаго театра, когда не одна *чиновная* масса его наполняла—и мы какъ то твердо увѣрены въ томъ, что наступила минута этого возвращенія.

Перейдемъ къ новой драмѣ.

Прологъ—Въ бѣдной комнатѣ—умираетъ *Катерина Конари*, одна изъ несчастныхъ жертвъ собственной слабости и общественаго положенія, можетъ быть когда-то преступная, можетъ быть *падшая*, но прекрасная и въ самомъ паденіи. Интересно это лице и само по себѣ,—еще болѣе интересно оно отъ искусства автора, который заставилъ любить эту Катерину Конари—и бѣдной, всѣми покинутой жертвѣ, оставилъ одну только глубоко-привязанную къ ней женщину—*Дарью*; много истинно трогательнаго и человѣческаго въ привязанности этой доброй женщины, въ ея простодушныхъ утѣшеніяхъ. Является Осиповъ—управляющій домомъ и гонитъ съ квартиры бѣдную женщину, предлагая ей *впрогнелъ* и помощь—но такую, отъ которой избави Боже. Бѣдная, больная женщина, едва можетъ говорить, а онъ выставляетъ окна въ жестокой морозъ. Но входитъ докторъ *Миллеръ* и хочетъ помочь несчастной; тщетно,—она умираетъ, и передъ смертью вручаетъ ему письмо къ единственному человѣку, котораго она глубоко любила, и между тѣмъ обманула къ своему мужу—*Владимиру Заревскому*.

Роль Катерины Конари такъ хорошо была исполнена *Г-жей Гриневой*, что мы остались въ изумленіи отъ равнодушія Публики къ этой артисткѣ и скажемъ правду—отъ равнодушія самой артистки къ своему прекрасному таланту. Такъ понять, тамъ передать маленькую роль, можетъ только—говоримъ это прямо—истинное дарованіе; на лицѣ, въ каждомъ движеніи бользни и страданіе, въ голосѣ—чахоточная рѣзкость—и столько чувства въ порывахъ, столько граціи и въ самомъ страданіи.

Г-нъ *Славинъ* сыгралъ свою роль и здѣсь и во всей пьесѣ; съ удивительнымъ благородствомъ и простотою: жаль, что нѣтъ

еще ролей, въ которыхъ бы молодой артистъ могъ создать свой генге.

Г. Каратыгинъ 2 и г-жа Гусева, были хороши.

Ну что? спросилъ я однако изъ моихъ сосѣдей, когда занавѣсъ упала при послѣднихъ словахъ доктора, который записывалъ въ книжкѣ: *Катерина Конари*.

Ничего—покажѣтъ скучно, отвѣчалъ онъ зѣвнувши.

И дѣйствительно—масса молчала; она хлопаетъ обыкновенно тамъ только, гдѣ люди обнимаются или дерутся. Мастерски начертанная картина одного изъ тысячи человѣческихъ страданій не произвела на нее вовсе никакого дѣйствія.

Начинается драма. Не стану пересказывать ея содержанія—да оно и очень просто. Все дѣло въ томъ, что князь Заревскій, котораго родъ долженъ прекратиться съ дочерью, хочетъ передать и дочь и имя и родовыя надежды дальнему своему родственнику, Владиміру Заревскому, моряку, благородному какъ шпага, грубому—какъ дикарь. Княжна Ольга—влюбляется въ этаго страннаго человѣка, и онъ самъ влюбленъ въ нее, но молчитъ о своей любви и хочетъ бѣжать; молодая дѣвушка вынуждаетъ у него признаніе, и чтобы заставить его, этаго гордаго человѣка, который не хочетъ быть обязаннымъ богатствомъ женъ, женится на себѣ,—компрометируетъ себя и приходитъ рано утромъ въ его комнату. Тогда приведенный въ отчаяніе, онъ говоритъ ей, что онъ женатъ. Они оба рѣшаются умереть, застрѣлиться однимъ двуствольнымъ ружьемъ—но ей страшно умереть отъ пули; она вырывается изъ его объятій, бѣжитъ и бросается въ рѣку... Ее вытаскиваютъ—мертвую. Входитъ докторъ Миллеръ съ письмомъ покойной жены Заревакаго—но уже поздно. Владиміръ сошелъ съ ума,—Ольга мертва.

Здѣсь бы и должна была кончиться драма; и тогда бы глубокое впечатлѣніе оставила *судьба* этаго грубаго, свободаго, гордаго человѣка, этой дивно—граціозной дѣвочки.

Такъ нѣтъ, нужно было испортить прекрасное созданіе эпилогомъ, гдѣ Владиміръ возвращается сумасшедшимъ къ своей матери, и гдѣ потомъ является опять докторъ Миллеръ съ спасенною имъ Ольгою.

Объятія—публика хлопаетъ—и слава Богу, вызываетъ автора. Даровитый авторъ былъ однако такъ скромень, что не былъ и въ театрѣ.

А вѣдь чего добраго? пожалуй и не вызвали бы автора безъ эпилога съ неизбежными объятіями?

Кого же прикажете винить?.. авторовъ ли и артистовъ, которые исполняютъ свое дѣло по крайнему разумію, или массу?

Давно не видали мы г. Каратыгина 1, такъ истинно прекраснымъ, какъ въ этотъ разъ. Простыя, грубоватыя, дикія, рѣзкія манеры — и бездна страсти подъ этою чорствою корою; таковъ онъ былъ сначала до конца пьесы. Въ сознаніи роли *Заревскаго* — онъ является истинно великимъ артистомъ; говоримъ не столько о сценахъ безумія, сколько о сценахъ сыгранныхъ просто. Въ особенности укажемъ на послѣднюю сцену 2 акта. Сцена эта — объясненіе въ любви и только впервые можетъ быть на нашемъ театрѣ, сцена эта вылилась не пошло, благодаря дарованію автора — и изумительной простотѣ нашего трагика.

Граціозно задуманный образъ княжны Ольги — былъ идеально переданъ г-жей Самойловой 2. Мы бы устали хвалить ее, если бы вздумали пересчитывать сцены, въ которыхъ она дивно хороша, — напомнимъ въ особенности ея вопросъ съ мостика Владиміру: «а что братецъ, всѣ моряки такіе упрямые?» эти наивныя, простыя слова еще до сихъ поръ звучатъ у насъ въ ушахъ. Во всей пьесѣ было одно только мѣсто, гдѣ мы оставались недовольны артисткой, это именно: когда она входитъ въ первый разъ и поздоровавшись съ отцомъ, обращается къ повѣренному съ кучею маленькихъ вопросовъ: какъ то слышно было, что это не чистая, разсыпчатая рѣчь дѣвушки, а выученный монологъ актрисы. Къ прискорбію нашему, должны повторить тоже послѣ 3-го представленія. Но — да не оскорбится В. В. Самойлова этой маленькой придиркой, основанной на уваженіи къ ея огромному таланту, тѣмъ не менѣе — мы, по окончаніи пьесы, каждый разъ выносимъ только восторгъ отъ ея игры.

За сямъ честь и слава г. Самойлову, который въ своей маленькой роли манерами и тономъ, былъ истинный Русскій — аристократъ Французъ XVIII вѣка.

Г. Бринскій сыгралъ роль съ своимъ обыкновеннымъ искусствомъ, но вмѣстѣ и съ обыкновенною своею аффектаціей; гг. Марковецкій, Фальевъ и Каратыгинъ 2, игрою содѣйствовали цѣлости впечатанія, г-жа Валберхова, старющая, къ сожалѣнію, однако была превосходна въ роли матери

— После всего, одно замѣчаніе — даровитому автору драмы. Трудно представить, чтобы Владиміръ подозревая намѣренія князя, женить его на своей дочери — такъ долго скрывалъ, что онъ женатъ. Нужно бы кажется было, чтобы это подозрѣніе ему не приходило въ голову. Да еще одно: къ чему ведетъ чтеніе олы Державина и чѣмъ оно содѣйствуетъ драмѣ? Non erat hic locus — а прибѣгать къ эффектамъ, не выводимымъ изъ сущности драмы — стыдно почтенному автору Владиміра Заревского.

Оркестръ по обыкновенію игравшій превосходныя музыкальныя пьесы, сыгралъ вторично Краковскую польку своего капельмейстера. Какъ и все польки г. Кажинскаго, — эта послѣдняя, цѣлая поэма, граціозная, умная, а въ особенности отличающаяся эффектнымъ финаломъ. Кстати — уведомляемъ, что превосходныя польки г. Кажинскаго, вышли въ новомъ, прекрасномъ изданіи. Вероятно все знаютъ его прекрасную Украинскую польку съ ея милымъ, полугрустнымъ мотивомъ, его Литовскую польку, гдѣ задушевныя воспоминанія такъ эффектно переходятъ въ народный напѣвъ и польку совершенно въ манеръ Шопена.

Приятно замѣтить такъ же, что публика понимаетъ усилія капельмейстера и талантъ композитора. Единодушное *фора*, раздается послѣ каждой почти его польки и въ особенности, послѣ *Cracoviense*.

Людвигъ XI, трагедія Ауфенберга. Людвигъ — Каротышичъ I. Графъ Сент-Валье — Самойловъ, Корнелій — Г. Брижскій, Марія — г.-жа Гринева, Моренъ — г. Александровъ, Сусанна, г. Валберхова.

Такъ много писано и говорено о превосходномъ исполненіи найимъ трагикомъ роли Людвика XI, что мы не считаемъ нужнымъ распространяться о его истинно — художественной игрѣ. Людвигъ XI апогей его славы, и въ этой роли едва ли ктонибудь изъ европейскихъ трагиковъ можетъ съ нимъ сравниться. Въ этотъ разъ, какъ обыкновенно онъ съ начала до конца, былъ превосходенъ, — въ сценѣ же съ Сент-Валье, когда послѣ взрыва неголованія, побѣжденный болѣзнію и слабостью старости, онъ говоритъ задыхающимся голосомъ — нашъ трагикъ достигъ до *non plus ultra* натуры и искусства.

Г. Брижскій былъ по нашему искреннему мнѣнію гораздо ниже г. Сосницкаго въ этой роли. Вообще однообразная и уста-

рвая дикція чрезвычайно много вредит впечатлѣнію, производимому игрой этого артиста.

Лицо графа Сенъ-Валье было типически создано г. Самойловымъ, хотя къ сожалѣнію создано не совсемъ по идеи Автора. Въ сценѣ, гдѣ графъ—аристократъ старой Франціи, говорятъ:

«Я, графъ Аймаръ, владѣлецъ Сенъ-Валье» было мало аристократической гордости. Скажемъ парадоксъ можетъ быть, но все таки скажемъ его любя и уважая талантъ г. Самойлова: мы желали бы видѣть его не графомъ Сенъ-Валье, а Корнелиемъ, и увѣрены, что онъ былъ бы превосходенъ.

Г-жа Гринева—была очень холодна; говоримъ это съ величайшимъ сожалѣніемъ. Г-жа *Валберхова*, какъ всегда была хорошей артисткой. Впечатлѣнію цѣлаго сильно вредилъ только г. *Александровъ*, которому бы мы отъ души желали какъ можно рѣже являться на сцену.

Три десятки, водевиль А. Писарева. *Вальбель*, г. Марковецкій, *полковникъ*—г. Смирновъ 1, *г-жа Сенъ-Анжъ*—Валберхова, *Альфредъ*—Максимовъ 1. *Марія*—г-жа Левкѣева, *ея мать*—г-жа Сосницкая, *служанка*—г-жа Самойлова 1.

Очень миленькій водевиль покойнаго Писарева, почему то не понравился публикѣ Александринскаго театра; виною этому отчасти и то, что въ наше время артисты не поютъ куплеты, а говорятъ ихъ. Впрочемъ и то сказать, лучше такъ мило говорить ихъ, какъ г. Максимовъ 1, владѣющій удивительнымъ искусствомъ, говоря технически, *выдавать* куплетъ, нежели вѣтъ ихъ, какъ нѣкоторые. Кромъ г. Максимова, была хороша въ этомъ водевилѣ, г-жа Самойлова 1. Кстати о ней, еще недавно любовались мы ея артистическою игрою въ водевилѣ: *въ людяхъ ангелъ не жена — дома съ мужемъ сатана*: нельзя было естественнѣй и проще сыграть трудную роль молодой капризной женщины, нельзя было драматичнѣе переходить отъ капризовъ къ слезамъ, отъ слезъ къ простудушію.

Не понимаемъ, за чѣмъ вмѣстѣ съ маленькимъ водевилемъ возобновили *имянины благодѣтельнаго помѣщика*. Какъ ни досадно намъ говорить о такомъ произведеніи, но все таки должны мы сказать, что г-жа Иванова поетъ очень и очень недурно, и что въ г. Песвѣтскомъ, игравшемъ весьма не приличную роль нѣмца, есть однако что-то въ родѣ таланта.

Фра-Діаволо, опера Обера... *Фра-Діаволо* — г. Леоновъ,

Лордъ Кокбургъ—г. Артемовскій, *трактирищикъ* — г. Петровъ, *Лоренцо*—г. Стрѣльскій, *Памела*—г-жа Петрова 2, *Церлина*—г-жа Ляльева.

Г-жа Ляльева исполнила свою партію добросовѣстно. Г. Леоновъ игралъ очень развязно и недурно, но въ этой роли мы видѣли Голланда, и къ величайшему сожалѣнію, не могли удержаться отъ сравненія. О г. Артемовскомъ—умолчимъ изъ уваженія къ его голосу. Ансамбль прошелъ довольно недурно.

Клара-Дюбервилъ (*La dame de st Tropèz*) *Жоржъ морисъ*—г. Каратыгинъ 1. *Клара*—Самойлова 2, *Коссадъ*—Сосницкій.

Прежде всего дадимъ себѣ напередъ слово, удерживаться отъ всякихъ сравненій. Видѣвши въ роли Мориса — г. Александра на нашей Михайловской сценѣ, мы невольно были подвѣяніемъ его игры, и можетъ быть съ предубѣжденіемъ смотрѣли на игру нашего трагика, принадлежащаго совершенно къ другой школѣ. Не смотря на это, однако скажемъ, что въ пятый актъ мы смотрѣли на него съ удовольствіемъ.

Г. Сосницкій—въ роли Коссада, былъ выше г. Аллана, а этаго право—слишкомъ много.

Но г-жа Самойлова 2,—наша граціозная княжна Ольга, наша легкая Эмеральда,.. уфъ! рука не подымается, а поневолю должны мы сказать, что не такого исполненія ожидали мы отъ прекрасной артистки. Жаль, очень жаль!

Очень не дуренъ былъ въ роли графа д'Обервилъ г. Славинъ—но вспомнивши, что мы видѣли его очень *не дурнымъ* въ Гамлетѣ, очень хорошимъ въ Кинъ—мы признаемся, подосадовали на него, за то, что онъ, человекъ съ талантомъ, ограничивается теперь ролями разныхъ *благородныхъ* отцовъ и *благородныхъ* людей. Увы!

Вотъ и вся больше или меньше замѣчательные спектакли этаго мѣсяца. Благодарность великая дирекціи и режиссеру за прекрасную постановку хорошей новой пьесы и за возобновленіе премілою оперы.

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

НѢМЕЦКІЙ СПЕКТАКЛЬ.

Второй дебютъ г-жи Берндорфъ Ромео и Юлія. Юлія —
dlle Bärndorf, Ромео — г. Миллеръ, Лоренцо — Ладдей Мерку-
ціо—Капулетъ—Моргъ.

Тому назадъ лѣтъ шесть, случилось намъ видѣть пред-
ставленіе Ромео и Юліи на другой сценѣ. Страннаго Ро-
мео увидѣли мы тогда, Ромео — почти старика, дурно одѣ-
таго Ромео — и между тѣмъ бывали минуты, когда на го-
ловѣ поднимались дыбомъ волосы отъ его страшной игры, отъ
порывовъ, исторгавшихся изъ его груди электрическими искра-
ми. Мы помнимъ, какъ онъ упалъ ничкомъ въ пещеръ Лорен-
цо, узнавши о своемъ изгнаніи, какъ онъ страшно и глухо ры-
далъ въ эту минуту — и какъ потомъ разрывалъ сердце стонами
надъ мертвой Юліей. Увы! намъ не слышать болѣе этаго урод-
ливаго но дивнаго Ромео, съ его проникающимъ въ душу го-
лосомъ, — намъ не видать болѣе этаго великаго Отелло, этаго
мрачнаго Мейнау....

И помнимъ мы тоже, какое странное смутное впечатлѣніе
оставила на насъ трагедія стараго мастера, разыгранная на
Московской сценѣ за урядъ со многими другими трагедіями —
какъ несовременна показалась тогда намъ эта божественная по-
эма любви, намъ, которые готовы смѣяться надъ этою свѣжей,
благоухающей цѣломудренно-дѣвственной и вмѣстѣ страстной
любовью... Кто былъ виноватъ въ этомъ впечатлѣніи?.. ста-
рый ли мастеръ или артисты. И тотъ и другіе... Увы, увы —
повсюду звучитъ одна пѣсня Die abeunt и пора сценическаго
владычества прошла для гиганта Вильяма. Пусть даже самыхъ
эффектовъ одной изъ его драмъ станетъ на дюжину нашихъ
драмочекъ — эти эффекты такъ колоссальны, что для разумъ-

нія нашего нужно свести ихъ съ ходуль, помните ли вы на-
примѣръ сцену въ саду Ромео и Юліи? По *нашему*, любовники
должны ахнуть, броситься другъ къ другу и разойтись поахав-
ши, достаточно — и масса поняла бы, что это свиданіе двухъ
любвииковъ. Но перечтите у Шекспира эту сцену, или нѣтъ,
не сцену, а это воркованье голубей, шепотъ цвѣтовъ, таинствен-
но обаятельный шепотъ въ тихую, лучшую лѣтнюю ночь...
Старый, божественный мастеръ, за чѣмъ намъ профанировать
твой чистыя созданія, или если ужъ необходимо тебя профани-
ровать, то за чѣмъ не создадутъ для тебя театръ, громадный
какъ земля, для тебя — необъятный какъ Божій міръ...

И къ несчастію, тѣ же самыя впечатлѣнія, какъ за шесть
лѣтъ назадъ, возобновились для насъ вчера, тѣ же самыя, кромѣ
электрическихъ потрясеній, которыми дарилъ насъ Мочаловъ.

Г-жа Берндорфъ — была прекрасна, какъ *нѣмецкая актриса*,
но это не была Шекспирова Юлія; много наивности было въ
ней въ сценѣ на террасѣ, много чувства при извѣстіи о смерти
Тибальта объ изгнанномъ *Ромео*, но все очарованіе губила eine
echt Deutsche Affectation и неумѣстно трагическіе жесты. Мы
знаемъ впрочемъ на нашей сценѣ артистку, которая кажется
создана для роли Юліи: Нужно ли говорить, что мы разумѣемъ
В. В. Самойлову?

Г. Миллеръ — Ромео былъ... таковъ какъ всегда. Г. Моръ —
къ удивленію нашему почелъ за обязанность въ Шекспиро-
вой трагедіи уклониться отъ своей обыкновенной естественпо-
сти, г. Ладдей былъ очень хорошъ въ роли Лоренцо. Но — истинно
Шекспировскимъ типомъ былъ одинъ Меркуціо-Голландъ.

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

КАМЕННО-ОСТРОВСКИЙ ТЕАТРЪ.

а) Французскій спектакль.

О томъ, почему мало ѣздить въ Каменно-островскій Театръ. — О французской труппѣ вообще. — О М^{ме} Плесси — Ожиданіе М^{ме} Albert. — Третій дебютъ М^{ме} Varlet въ пиесахъ: *Les folies amoureuses* и *Tartuffe*. — *La Marquise de Carabas*. М^{ме} Mayer. — *Juliette*. *Rendez-vous bourgeois*. *L'homme blasé*. М^r Ver-net. — *La reprise du vaudeville Quand l'amour s'en va*. — *Un mari qui se derange* (въ 1-й разъ). — *Le depot amoureux*, еще М^{ме} Varlet. — М^{elle} Esther, — М^{elle} Page.

Посѣщая Каменно-островскій Театръ, невольно задашь себя вопросъ о причинѣ почти всегдашней его пустоты. Нѣсколько рядовъ кресель; двѣ, три ложи занятыя, по большей части не платящею публикою — вотъ всѣ зрители, посѣщающіе теперь нашу французскую труппу. Даже дебюты Ексь-акрисы театра французской комедіи Г-жи Варле не привлекли многочисленныхъ посѣтителей. И что за причина всего этого? То ли, что театръ уже какъ бы не входитъ въ число лѣтнихъ удовольствій жителей нашей столицы. Они ищутъ теперь другихъ развлеченій: прогулки, катанья, окрестности занимаютъ все ихъ вечернее время. Вообще на Каменно-островскій Театръ зрителей всего скорѣе можно ожидать съ острововъ и дачь, расположенныхъ въ окрестностяхъ этихъ мѣстъ, но нынѣшнее лѣто въ этихъ мѣстахъ живутъ несравненно менѣе прежнихъ годовъ:

весь дворъ въ Петергофѣ, тамъ теперь и центръ мѣстопробыванія всего высшаго общества, всей знати, и вообще большей части обычныхъ посѣтителей Французскаго Театра. Да что ихъ привлечетъ теперь на Каменный островъ? Избалованнымъ талантомъ Плесси, имъ ужъ какъ бы нечего теперь смотреть. Они ожидаютъ все чего то сверхъ естественнаго, геніальнаго, — находятъ только очень хорошее, и невольны. Говорятъ, некого смотреть. Тутъ могутъ встрѣтиться и другія причины. Да и не такъ строгимъ цѣнителямъ, лѣтомъ какъ то мудро бывать въ театрѣ. Возьмемъ самый выгодный случай. Напримѣръ, жителей, хоть тоже Каменнаго острова. Если погода хороша, они гуляютъ; и разумеется, не променяютъ этого единственнаго удовольствія дачь дышать вечернимъ воздухомъ на то, чтобы провести это время въ театрѣ, гдѣ жарко и душно. Если же погода дурна, напримѣръ дождь, то ѣхать въ театрѣ въ обыкновенныхъ дачныхъ, то есть открытыхъ экипажахъ, стало бытъ то же неудобно. и они сидятъ все таки дома; тогда преферансъ или танцы замѣняютъ имъ это удовольствіе; а театрѣ — опять таки пустъ.

О городскихъ же жителяхъ и говорить нечего; для нихъ переводъ французской труппы изъ Михайловскаго театра, въ высшей степени неудобенъ. Мѣста въ театрѣ обходятся для нихъ ровно вдвое дороже, принимая въ соображеніе проѣздъ изъ города до театра. Напримѣръ, кто беретъ ложу, для того непременно нужна карета, и при дороговизнѣ нашихъ извозчиковъ, цѣна скоро отобьетъ охоту ѣздить часто такъ далеко въ театрѣ. Билетъ въ кресло обходится уже ровно вдвое. Полезное введеніе дилижансовъ, нисколько не полезно для посѣтителя театра. Часы отправленія ихъ расположены такъ, что желающій имѣть въ немъ мѣсто, пріѣдетъ на островъ ни болѣе ни менѣе какъ за 3 часа до начала спектакля, эти 3 часа опъ долженъ гулять на островахъ. Хорошо тому гулять, у кого много свободнаго времени, а кто занять? и наконецъ во всякомъ случаѣ, если хороша погода. Ну какъ бы то нибыло — пріѣхали. А какъ уѣхать? Последний дилижансъ отправляется въ 10 часовъ, а послѣдній актъ кончается не раньше 11, что тутъ прикажите дѣлать? — не уѣхать же изъ театра въ 9 часовъ, когда представленіе начинается въ 8. Одно средство: нанять извозчика, который знаетъ навѣрное, особенно при дурной погодѣ, что вы не пойдете пѣшкомъ въ городъ, и просить съ васъ втрое. Вы же знаа

тоже навѣрное, что вамъ нѣшкомъ до городу не дойти, соглашаетесь на его условія, и вотъ удовольствіе вамъ обошлось вдвое. Мудрено ли послѣ этаго, что театръ почти всегда пустъ. Вѣдь выговорить совѣстно: пусть! Пусть тогда, какъ наша французская труппа едва ль не изъ лучшихъ въ Европѣ, взявъ въ соображеніе весь ея составъ. Конечно вездѣ есть таланты, есть сюжеты хорошіе, но смѣло можно сказать, что нигдѣ нѣтъ такого ансамбля, единства, даже скажу болѣе дружества между артистами, то есть того, что и служить главною основою сценическихъ красотъ, что и составляетъ весь эффектъ спектакля, основаннаго на добросовѣстномъ исполненіи всякой, даже самой незначительной роли.

Вкусъ публики нашего французскаго театра утонченъ, изысканъ; на аплодименты они не щедры, но награждаютъ дѣльно, за то ихъ вызовы имѣють цѣну. Видали ль мы талантъ выше нашей несравненной Плесси, но и она даже не всегда вызывала единодушное хлопанье. Кстати о *Плесси*. Срокъ ея отпуска кончился, она опять здѣсь, въ Петербургѣ, и вѣроятно, скоро снова будетъ очаровывать насъ своею неподражаемою игрою.

Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ дебютировала у насъ *Г-жа Варле*, жена артиста составившаго себѣ извѣстность въ Петербургѣ. Для 1-го дебюта она избрала роль *Gentil Bernard* въ пьесѣ того же имени, во 2-й разъ вышла въ роляхъ *Toinette* въ *le malade imaginaire* и *Marinette* въ *le depot amoureux* возобновленныхъ для ея дебютовъ, и наконецъ 18-го Іюня въ роляхъ *Лизетты* и *Дорины* въ комедіяхъ *Les folie samoureuses* и *Tartuffe*.

Не видавъ дебютантку въ первыхъ ея двухъ дебютахъ, по одной роли еще не можемъ составить объ ней положительной идеи, и потому окончательное изложеніе нашего о ней мнѣнія, оставляемъ до слѣдующихъ дебютовъ, не упуская впрочемъ случая и теперь высказать то впечатлѣніе, которое она произвела на насъ въ этотъ вечеръ.

Содержаніе возобновленной для ея дебюта комедіи *Les folies amoureuses*, которой въ этотъ вечеръ данъ былъ только небольшой отрывокъ, рассказывать я не стану, скажу только о самой дебютанткѣ. *Г-жа Варле* обладаетъ всѣмъ тѣмъ, что нужно для истинно хорошей артистки: звучный голосъ, ясный выговоръ, воодушевленіе; дикцію правильную, чувство и глубокое знаніе и участіе къ роли. Злую, грубую и настойчивую служанку, она сыграла какъ нельзя лучше. Мы видѣли въ ней истинный

типъ Дуеннъ того времени, какъ онъ выставлялись во всѣхъ старинныхъ Французскихъ пьесахъ. Онъ тамъ были главное дѣйствующее лице, на нихъ вертѣлся весь интересъ и развѣлка пьесы; онъ были душой всѣхъ произшествій, обманывали господъ своихъ, помогали ихъ дочкамъ, сводили ихъ съ любовными, заводили сами любовныя интриги, покровительствовали молодымъ повѣсамъ, и вообще были самыя важныя лица для завязки комедій. *Г-жа Варле* вѣрно поняла и отчетливо передала одинъ изъ такихъ характеровъ, но... «Ахъ да какая жъ это несносная частица *но*, какъ будто уже безъ нее нельзя обойтись, какъ будто уже нельзя, если хвалить такъ хвалить совершенно?» скажутъ, или если и не скажутъ, такъ уже навѣрно подумаютъ многіе изъ читателей. «Что же дѣлать» готовлю я смиренный отвѣтъ, «безъ этаго *но* никакъ не могу обойтись». Оно и не мудрено, вѣдь и въ солнцѣ есть пятна, такъ какже можемъ быть совершенны мы—грѣшныя люди.—Я не говорю, чтобъ точно это *но* относилось къ *г-жѣ Варле*, она можетъ этаго на себя и не принимать... даже, говорю болѣе — это *но* можетъ относиться и лично ко мнѣ; я могъ или не понять хорошенько ее игры, плав... могъ быть слишкомъ къ ней взыскательнымъ, какъ бы то ни было, а я съ своей стороны, никакъ не могу обойтись безъ этаго несноснаго *но*. А этаго не могу сдѣлать потому, что дебютантка не совсѣмъ оправдала моя ожиданія. Объяснимся:

Читая на афишѣ дебютъ артистки въ одинъ и тотъ же вечеръ, въ роляхъ двухъ субретокъ, мы вправъ были ожидать два различныя исполненія этихъ ролей, два разныхъ характера, и... какъ эта артистка есть *г-жа Варле*, то даже два различныхъ типа этаго класса женщинъ. И не вправъ ли мы были такъ думать? Иначе за чѣмъ же было выбирать въ двухъ пьесахъ двѣ подобныя роли, тогда какъ гораздо лучше бы было сыграть эту роль въ одной пьесѣ, дать эту пьесу цѣлою, а не отрывками, какъ это было сдѣлано: ибо нѣтъ ничего хуже, какъ сморѣть клочки пьесъ, по которымъ даже нельзя имѣть объ ней никакого понятія (какъ это и оправдалось въ «частяхъ изъ *folies amoureuses*). Вѣроятно и самой дебютанткѣ это было бы несравненно покойнѣе, и намъ то несравненно пріятнѣе, во 1-хъ потому, что не лишились бы удовольствія прослушать полное исполненіе прекрасной комедіи, и во 2-хъ потому, что... увы! обошлись бы безъ нашего *но*, а те-

перь нельзя безъ него; потому что скажу откровенно: мы совершенно ошиблись въ нашемъ расчетъ. *Дорина* (въ *Tartuffe*) была *Лизета*, а *Лизета*—*Дорина*. Слова нѣтъ, что *Лизета* и *Дорина* съиграны хорошо, но тѣмъ не менѣе совершенно противъ нашего ожиданія, то есть—совершенно одинаково. А обманутое ожиданіе всегда говоритъ за себя. Да такъ одинаково съиграны, что мы были почти вправѣ думать, что это была одна и та же служанка, но только перемѣнила своихъ господъ, отъ несноснаго и подозрительнаго *Албера* (въ *folies*), перешла къ доброму и доврчивому *Оргону* (въ *Tartuffe*). Перемѣна же имени могла быть отъ того, что ей не хотѣлось быть узнавшею въ томъ же платьѣ, которое она надѣла въ домъ *Оргона*, съ очень небольшими измѣненіями. Мы не можемъ похвалить такое небреженіе въ костюмировкѣ, а за одинакое исполненіе ролей и подавно.

Намъ на это могутъ возразить: «какъ же ей еще играть? Вся служанки на свѣтѣ одинаковы, а особенно типъ ихъ, онъ вездѣ одинъ;» если это даже и такъ, то за чѣмъ ей было обманывать насъ? Я говорю обманывать! и не отопрусь отъ этого слова, ибо объявивъ себя разомъ въ двухъ одинаковыхъ роляхъ, какую жъ цѣль и причину могла она имѣть въ виду, кромѣ желанія показать разнородность своего таланта въ двухъ одинакихъ амплуа, тѣмъ болѣе, что этимъ самымъ она лишила насъ удовольствія прослушать цѣлую піесу, а заставила просматрѣть какіе то неполные куски. Надо же было бы за это вознаграждать.

Окончательно будемъ судить о г-жѣ *Варле* по слѣдующимъ ея дебютамъ.

Передъ этими піесами шолъ водевиль *La Marquise de Cabas*, уже извѣстный на нашей сценѣ. Не могу не утерпѣть, чтобы не отдать тутъ полную справедливость обворожительной игры г-жи *Луизы Мейеръ*. Роль мнимой маркизы съиграла она прелестно. Особенно хороши были у ней куплеты. Какъ она умѣла облагородить безцсленныя двусмысленности, которыми переполнена эта піеса. Такъ же тутъ были особенно върны своимъ ролямъ г-да *Верне* и *Готи*.

22-го Юня шли уже извѣстныя піесы на нашей сценѣ: *Juliette* и *Les Rendez-vous bourgeois*. Первая піеса конечно всегда нравится, и вѣроятно долго еще продержится, благодаря превосходной игры *М-ме Meyer*, которая просто поразила насъ

своею сценою помъшательства, она исполнила ее такъ, какъ развѣ только она не въ состояннн выполнять. Вообще пiеса прошла еъ рѣдкимъ ансамблемъ. Но поговоримъ поподробнѣе о второй пiесѣ, потому что разборъ ее еще не былъ въ страницахъ Репертуара. Въ нынѣшнемъ году эта оперетка шла въ бенефисъ Г-жи Пажъ. Пiеса эта исполнена острогъ и неожиданныхъ эффектовъ. Отъ начала до конца хочешь безъ умолку. Сюжетъ ее весьма простой: Три дѣвушки: дочь, племянница и служанка, одного трусливаго и недовѣрчиваго господина Дюграве, пользуясь его отсутствiемъ, назначаютъ въ одно и то же время свиданiя своимъ возлюбленнымъ: 1) Молодому мальчику Карлу (Mlle Esther) трусоватому юношѣ, который боится остаться одинъ въ комнатѣ, спрашиваетъ у своей возлюбленной, что она будетъ съ нимъ дѣлать, когда они останутся въ двоимъ и т. п. и очень любитъ конфеты. 2) Старому тамбуръ-мажору Сезарю (Mr. Oudinot) въ престранной шляпѣ и съ преужасной палкой, ко всему этому страстному обожателю прекраснаго пола и—картофеля, наконецъ 3) (Mr. Alerme) лакею сосѣдняго господина. Возлюбленные размъщаютъ своихъ любовниковъ по двумъ комнатамъ, а Жасмева, за нимѣнiемъ мѣста, прячутъ подъ столъ. Трусливый Карлъ выбѣгаетъ изъ своей коморки, испуганный, еще больше труситъ при видѣ Сезара, вышедшаго на этотъ шумъ изъ своей комнаты. и спасается въ нее, заперевъ ее на ключъ. Сезаръ по необходимости занимаетъ мѣсто Карла. Дочь г-на Дюграве приходитъ на мѣсто свиданiя, и вмѣсто хорошенькаго Карла, видитъ страшнаго Сезара, принимаетъ его за вора и кричитъ караулъ. На бѣду возвращается самъ г-нъ Дюграве съ слугою своимъ Бертраномъ, напуганныя дорогою разными поавшимися имъ ворами. Они слышатъ присутствiе постороннихъ людей, пугаются, принимая ихъ то же за воровъ. Ужасная суматоха. Пользуясь этимъ, любовники спасаются бѣгствомъ въ окно. Дюграве и Бертранъ пугаются другъ друга. Приносятъ свѣчи, и они успокоиваются, увѣряя, что нащитали Бертранъ 7-мъ воровъ, а Дюграве 17-тъ. Сезаръ, Карлъ и Жасмень, входятъ уже въ двери, увѣряя, что прогнали воровъ, и за эту важную услугу, требуютъ рукъ своихъ возлюбленныхъ. Дюграве соглашается. Бертранъ лишенный теперь надежды на руку служанки Юли, за которой тоже волочился, рѣшается послѣдовать примѣру своего отца, то есть остаться навсегда холостымъ. Вся тутъ и играли превосход-

но свои роли, трудно кому отдать преимущество. Кажется они следуютъ въ такомъ порядкѣ. М-г Vernet, Githy, Oudinot, M-lle Esther, Page.

27-го Юля давали *L'homme blasé* и въ 1-й разъ по возобновленіи водевилъ *Quand l'amour s'en va* Сюжетъ волевила самый глупый: Капитанъ корвета Мерильи, возвращается послѣ пятилѣтняго похода домой къ женѣ своей Эммѣ; его встрѣчаютъ съ сожалѣніемъ, что онъ очень потолстѣлъ. Онъ проситъ ѣсть, а ему предлагаютъ молочка, и потому онъ съѣдаетъ завтракъ своего матроса Доминика. Его заставляютъ полазать скамѣчки, восхищаться глупостями, даже самаго вышивать туфли; наконецъ измученнаго съ дороги, прослушать длинный романсъ съ акомпаниментомъ фортепьяно, который даже насъ, не измученныхъ дорогою, склоняетъ ко сну, мудро ли это, онъ засыпаетъ? Но вотъ что мудро, что это самое происшествіе побудило авторовъ остроумнаго водевила заставить Эмму требовать развода съ мужемъ, за его будто бы невниманіе къ ней. Вышедши изъ терпѣнія г-нъ Мерильи рѣшается сказать, что самъ этому очень радъ, что ему надоѣли всѣ эти продѣлки жены и ея тетки, которая тоже требуетъ ихъ разводной, перехвативъ кой какую любовную корреспонденцію Капитана. Ужъ онъ посылаетъ за лошадьми, чтобъ ѣхать снова на свой корабль. Вдругъ Эммѣ стало жаль потерять своего мужа, она проситъ у него извиненія, разрываетъ не читая всѣ обвинительные акты, мирится, и оставляетъ его счастливымъ супругомъ, а публику? Ну, кажется не совсемъ.

Передъ этимъ водевилемъ шолъ *L'homme blasé* пѣсса, которая правится публикѣ почти только одною превосходною игрою актеровъ, сюжетъ самый неправдоподобный равно и всѣ сцены, но выполненіе?... это другое дѣло.

29-го Юня, Въ первый разъ: *Un mari qui se derange* водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, и *le d'epit amoureux*. Комедія Мольера во 2-й разъ по возобновленіи. Стихи Мольера въ чтеніи конечно всегда правятся, но на сценѣ? Отъ несовершенной ли игры нашихъ артистовъ, отъ какихъ ли другихъ обстоятельствъ, они не произвели ожиданнаго эффекта. Понравилась только сценъ размына подарковъ и слѣдующее за этимъ примиреніе двухъ паръ любовниковъ.

Un mari qui se derange. У адвоката Мориса есть жена, кото-

рая его ревнуетъ до крайности. Да и есть изъ чего: Морисъ уже 3 раза не объѣдалъ дома, и 2 раза вернулся домой позже 12 часовъ ночи. Вотъ другое дѣло, у Доктора Бартолена жена и рада бы, чтобъ онъ почаще отлучался къ своимъ пациентамъ, а онъ, какъ на зло не упускаетъ случая побыть съ своей дражайшей супругой. Тутъ есть еще 3 лица, г-нъ Состенъ, ужасный интригантъ, который пускается во все роды выведыванья, чтобы подмѣтить, гдѣ бы то не было, какого бы сорта не была неверность, и воспользовавшись ею, имѣть по его словамъ, въ чужомъ пиру похмѣлье. Случай скоро представляется: садясь играть въ карты съ женою, Состеномъ и женою доктора, Морисъ вспомнивъ о назначенномъ ему свиданіи, увязываетъ подъ предлогомъ купить мороженого, и вотъ уже полночь, а его нѣтъ. Состенъ не упускаетъ случая рассказать это своимъ знакомымъ. Жена Мориса отправляется отыскивать своего бѣлаго мужа. Проситъ Доктора ей сопутствовать, тотъ соглашается и привозитъ ее въ маскарадъ большой оперы. Они уже напали на слѣдъ. Морисъ приказываетъ приготовить уединенную комнату и ужинъ на два прибора. Ясно, что онъ назначилъ свиданіе дамъ. Тутъ же въ маскарадѣ является и жена Доктора, прѣхавшая съ какой то знакомой дамой. Она жалуетъ о своемъ мужѣ, занятомъ по ея мнѣнію, жалкими пациентами. Вдругъ она встречаетъ своего Бартолена съ незнакомою маской. Она не ревнуетъ его, но напротивъ рада, что черезъ это и сама имѣетъ право пользоваться удовольствіями маскарада. Она интригуетъ мужа, тотъ въ отчаяніи, не знаетъ какъ отдѣлаться бы отъ этой навязчивой маски, и отъ той, которая проситъ его преслѣдовать ее Мориса. Докторъ уходитъ. Жены узнаютъ другъ друга (разумѣется снявши маски), тутъ слѣдуетъ перемена костюмовъ, разныя происшедшія отъ того комическія сцены, многіе вводные эпизоды, въ продолженіи которыхъ не успѣешь опомниться. Кончается, разумѣется мировою. Морисъ клянется, никогда не покидать жену. Докторъ жалуетъ свою супругу, протосковавшую безъ него дома. Состена вызываетъ на дуэль какой то Маркизь за оскорбленіе имени, и занавѣсъ опускается. Вообще водевиль весьма смѣшонъ и не лишень занимательности. Авторъ его, какъ говорятъ, самъ г. *Скрибъ*, который подарилъ этотъ водевиль *господамъ* именованнымъ на афишѣ авторамъ, вѣроятно съ цѣлію, помочь имъ. Разыгранъ также очень хорошо. Роль Мориса занималъ г. *Пешена*. Если бы не нѣсколько глухой органъ

и некоторая целовкость на сценѣ, которая вѣроятно скоро уничтожится, то онъ былъ бы полезенъ для нашей сцены. Теперь на роли jeunes premiers кажется нѣтъ недостатка. Французская группа имѣетъ Verbon, Réchena и Courcy... Но все они не замѣняютъ намъ одного Брессана.

А. АНДРЕЕВЪ

МОСКОВСКИЙ ТЕАТРЪ.

ЗАПИСКА ТЕАТРАЛА (*).

«Взгляните — и судите.»

Le théâtre.

Est en si haut degré, que chacun l'idolatre,

Il est

L'interet de la capital, le souhait des provinces

Le divertissement le plus doux de nos princes,

Les delices du peuple et le plaisir des grands—

Il tient le premier rang parmi les passe temps.

P. Corneille.—

Написать эти записки, была постоянная моя мысль.. Любя высокія театральныя наслажденія, я часто бывалъ въ театрѣ и мнѣ пришло на мысль, что-то, что дѣлается у насъ въ Москвѣ на сценѣ, не извѣстно никому, кромѣ его посѣтителей; у насъ нѣтъ журнала, въ которомъ бы, какъ въ Петербургскихъ газетахъ, помѣщались постоянныя извѣстія о театральныхъ пред-

(* Усердно благодаримъ автора за присылку этой статьи, прося его и впредь не забывать насъ. *Редакт.*

ставленіяхъ... Написать подробныя записки о пьесахъ, даваемыхъ на здѣшней сценѣ—трудъ чрезвычайно тяжелый и почти не исполнимый, и я удовольствовался записками объ игрѣ Московскихъ артистовъ. «Безиррастріе и уваженіе къ талантамъ» да будетъ моимъ девизомъ....

Представителемъ Московской трагедіи, является *Мочаловъ*, любимецъ здѣшней публики, этотъ дивный геній, трогаящій своею необыкновенною игрою всѣхъ и каждого. Говорить о *Мочаловѣ* значитъ: начать говорить о немъ и не кончить.. Всякое слово о немъ должно быть проникнуто признательностію и удивленіемъ; признательностію—за высокое наслажденіе, доставляемое намъ его игрою, —удивленіемъ невольнымъ, которое чувствуешь ко всему великому, неостижимому... Мои слова могли бы показаться преувеличенными, если бы они не были вѣрнымъ эхомъ мнѣнія всеобщаго, а гласъ народа—гласъ Божій. Въ продолженіе прошлаго $\frac{1843}{1844}$ года, *Мочаловъ* являлся не такъ ча-

сто, какъ бы хотѣлось этого публикѣ. Впрочемъ и тогда онъ сыгралъ всѣ лучшія свои роли. Въ нынѣшнемъ году онъ является гораздо чаще... въ *Отелло*, *Гамлетѣ*, *Лирѣ*, *Бидерманѣ* онъ равно восхищаль публику. Есть однако роль, въ которой намъ какъ-то не ловко видѣть *Мочалова*: это роль *Шголкина*. Въ ней негдѣ развернуться кипучему, страстному его таланту... Жаль было его видѣть въ роли *графа Нейвилъ*, въ драмѣ *Екатерины Медицисъ*... эту роль могъ бы съ успѣхомъ сыграть и *г. Порохонцевъ*! намъ показалось также, что и роль *Адольфа Жермані* (*жизнь игрока*) могла быть исполнена совершеннѣе... я сообщилъ эту мысль моему знакомому, и его отвѣтъ заставлялъ меня призадуматься. Онъ былъ таковъ. «*Мочаловъ* старѣется!» Неприятная, а между тѣмъ справедливая мысль! да! *Мочаловъ* старѣется; но какъ высокъ онъ, какъ увлекателенъ онъ, не смотря ни на что!... кажется, что талантъ его юнѣетъ, а одно лишь тѣло старѣетъ, и этимъ-то препятствуетъ новымъ блистаніямъ его генія-духа! еще одно замѣчаніе: игра *Мочалова* не всегда ровна; но и этотъ недостатокъ—капля въ морѣ достоинствъ.

Въ послѣднее время репертуаръ ролей *Мочалова* увеличился нѣсколькими, изъ которыхъ упомянемъ о роли *Эрика* въ возобновленной трагедіи; *Юаннъ Герцогъ Финляндскій*.

Г. Леонидовъ, артистъ не безъ дарованія. Но манеры и дикція его черезчуръ искусственны... хорошъ въ *разбойникахъ*

Шиллера въ роли Франца Моора, а не Карла, которую гораздо совершеннѣе выполняетъ г. Усачевъ..»

Представленіе Кина кончилось, Леонидовъ сыгралъ эту роль сносно. «Ну! какъ понравился тебѣ Леонидовъ?» спросилъ я одного моего пріятеля. «Помилуй, братъ,» отвѣчалъ тотъ, «не знаю: за что его вызвали; то ли дѣло Мочаловъ!» вотъ какъ судятъ у насъ объ артистахъ. Вѣчныя сравненія! г. Нѣмчиновъ артистъ, если не хорошій, то *нужный* для Московскаго театра. Если объ игрѣ его отзываются дурно, то въ этомъ безъ вины виноватъ П. С. Мочаловъ. Г. Нѣмчиновъ, позвольте видѣть *ни что*, въ сравненіи съ Мочаловымъ. Нѣмчиновъ дурень въ роляхъ *Гамлета*, *Бидермана*; сносенъ въ роляхъ *Ляпунова* (въ трагедіи *Василій Іоанновичъ Шуйскій*) *Шемки* (въ *Басенкѣ*) М. С. Голикова (въ *моуументѣ*); не дурень въ роли *президента Вальтера* (*коварство и любовь*). Отчего же? отвѣтъ простъ: это его роль. Въ бенефисъ г. Нѣмчинова (окт. 1844) шла драма: *живая покойница*. Увидѣвъ на афишѣ имена *Мочалова*, *Орловой*, *Самарина* и бенефицианта въ роли *Каліостро*, мы ожидали много—а вышло—ничего! драма, эта пустѣйшая по содержанію, основана вся на эффектахъ. Дѣйствія ея имѣютъ великолѣпныя заглавія. *Подземныя уробнцы*, *развалины*, *привидѣніе*, *пожаръ*. Не смотря на игру Мочалова и Орловой, шіеса тихо проскользнула въ Лету. Игра Живокини въ слѣдующей шіесѣ: *Дочь Русскаго актера*, вознаградила насъ нѣсколько за скуку, которую мы терпѣли во время представленія драмы. Еще давали Улицу Луны водевилъ, довольно удачно переведенный съ Французскаго.

Г. Усачевъ бываетъ хорошъ, смотря по роли, которую занимаетъ. Хорошъ въ *разбойникахъ*, въ *басенкѣ* и *Лю* въ *Дездемонѣ* и *Отелло*.

Г. Орловъ (*) въ трагедіи и драмѣ никогда не портитъ своихъ ролей, исключая роли *Квазимодо* въ *Эсиральдѣ* и *отца Маріи* въ *материнскомъ благословеніи*, гдѣ онъ хорошъ. Главное амбуа его въ комедіи. Роль Осина въ *Ревизорѣ* создана имъ. Какъ хорошо выражаетъ онъ эту хитрость, такъ и пробивающуюся у него сквозь маску глупости. Другая роль выполняемая имъ превосходно, есть роль *Скалозуба* въ *горе отъ ума*. Вообще хорошъ онъ въ роляхъ военныхъ, чему много способствуетъ его голосъ—баритонъ и видная наружность. Таковыя роли генерала де Сюрвилъ въ водевилѣ: *генеральша* или *домашніа дѣла*:

(*) Писано, когда г. Орловъ былъ еще на сценѣ.

генерала Дельмаръ въ драмѣ. *Помѣшанный*... *Карна Савича* въ своей семьѣ. Къ лучшимъ ролямъ Орлова прибавилась недавно еще одна, это роль *Жевакина* въ комедіи Гоголя: *Женитьба*. Наввно въ высшей степени передаетъ онъ разсказъ о Сициліи, гдѣ изъ всего замѣчательнаго у моряка *Жевакина* остались въ памяти дѣвушки—«ррозанчики эдакіе!»

Г. Самаринъ, артистъ съ дарованіемъ Роль *Чацкаго* нес plus ultra совершенства. Въ ней онъ выше Мочалова, который прежде занималъ эту роль. Особенно хорошъ Самаринъ въ послѣднемъ актѣ *горе отъ ума*. Ампула его чрезвычайно обширно и онъ заваленъ ролями...

Самаринъ любимецъ Московской публики. Но не смотря на это, въ бенефисъ его (1843) театръ былъ очень и очень не полонъ... грустно и жалко становится, когда пораздумаешь о такъ называемыхъ дѣвнителяхъ изящнаго!

О *Щепкинѣ* писано и переписано чрезвычайно много, и если хотите, чрезвычайно мало. Объ немъ нельзя поговорить. Всѣ похвалы умолкаютъ предъ дивнымъ талантомъ Московскаго комика. Въ нынѣшнее пребываніе свое въ Петербургѣ, онъ просто дѣлалъ чудеса: Александринскій театръ, дотолѣ никогда не видавшій у себя занятыми всѣхъ кресель и ложъ, сверху до низу кипѣлъ пародомъ! каждый разъ онъ былъ встрѣчаемъ и провожаемъ громомъ такихъ аплодисментовъ, къ которымъ привыкли только въ избалованной столицѣ съвера Рубини, Тамбурини и Вiардо-Гарсія, Щепкинъ являлся тамъ во всѣхъ лучшихъ роляхъ своихъ, включая въ это число и Москаля, Чаривника и Наталку Полтавку. Онъ создалъ особую школу, которой съ успѣхомъ начинаютъ слѣдовать нѣкоторые изъ молодыхъ артистовъ. Кто же они? пазову покуда Саловскаго. Щепкинъ самобытень. Все, что въ немъ есть — это его; ошибается онъ—это его собственная ошибка; онъ презираетъ пробитыя тропы, въ шѣтъ! онъ не знаетъ ихъ! чувство комической эстетики развито у него въ высочайшей степени. Не спрашивайте у него напередъ, что намѣренъ онъ слѣлать! увѣряю васъ, онъ самъ того не знаетъ; онъ ничего не предвидитъ. Что у него вырывается изъ устъ—вырывается отъ души и—невольно! зрители жадно слѣдятъ за его игрою: этотъ жестъ, эта шутка, сказанная такъ наввно,—какъ знать: можетъ быть вы—ихъ болѣе не увидите? чѣмъ чаще видите вы Щепкина—тѣмъ болѣе удовольствіе доставляетъ вамъ игра его. Самыя ничтожныя роли

при игрѣ его получаютъ колоритъ высокаго комизма. Смотрите: вотъ выходитъ онъ на сцену, — вы забываете все, кромѣ его. Слова льются у него, исполненные живости... съ жаромъ, горячо пересказываетъ онъ свои чувства... пламенѣетъ... и вдругъ въ срединѣ какого нибудь монолога тихо произноситъ онъ главную мысль. Выраженія этого описать не возможно: оно не доступно ни для чьего угодно пера. Театръ оглашается рукоплесканіями — данію чистаго восторга зрителей таланту необыкновеннаго комика. Изъ ролей, въ которыхъ онъ не поражаетъ, довольно упомянуть о двухъ, трехъ: *Городничая* — въ *Ревизорѣ*, *Фамусова* — въ *Горѣ отъ Ума*, и *Кочкарева* — въ *Женитѣль*.

Московскій театръ пріобрѣлъ года съ чегыре артиста; который сдѣлался украшеніемъ здѣшной сцены; мы говоримъ о *Садовскомъ*. Имъ обизаны мы М. С. Щепкину, который, будучи въ 1838-мъ году въ Казани, замѣтилъ талантъ этого артиста и оцѣнилъ его. Въ слѣдующемъ году, Садовскій перешелъ на Московскую сцену и сдѣлался фаворитомъ публики. Обязанный всѣмъ Щепкину, онъ сдѣлался лучшимъ представителемъ его школы. Однакожъ, изучая игру его, онъ не сдѣлался подражателемъ. Нѣтъ! Во всякой роли его видно что-то особенное, юморъ ему одному принадлежащій. До нынѣшняго года являлся онъ только въ легкихъ комическихъ роляхъ. Но въ субботу на Масляницѣ (1844), явился онъ *подколесинымъ* въ *«женитѣль»* и выполнялъ эту роль дивно хорошо. Громкіе вызовы, такъ имъ заслуженные, показали молодому артисту вниманіе къ нему публики. Въ бенефисъ его давали *Мъщанинъ-Дворничикъ*, въ которомъ онъ занималъ роль Журдена. Театръ былъ полонъ, не смотря на весеннее время года; столь опасное для бенефициантовъ..

Дай Богъ, чтобъ въ душѣ нашего художника, не угасала любовь къ искусству. Ученіе разовьетъ и дополнитъ то, что ему дала натура; а поучиться на Московской сценѣ, есть у кого. Таланту Садовскаго открывается поприще обширное. Будетъ вадъ чѣмъ поработать, попробоватъ силъ. Передъ нимъ примѣръ великаго артиста; у него можетъ онъ поучиться не только тому, какъ играть на сценѣ; но какъ любить и воздѣлывать свое искусство. Счастливъ художникъ, которому судьба дала возможность пользоваться такимъ примѣромъ!!! 2. *Живописи*, одинъ изъ тѣхъ артистовъ, появленіе на сцену которыхъ, составляетъ эпоху въ исторіи театра. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ постраннымъ восхищаетъ Московскую публику. Впрочемъ, къ нему

несправедливы многие; а знаете ли за что? За то, что его очень любить публика *высшихъ слоевъ театральной атмосферы*. Боже мой! Винавать ли аргистъ, что его веселость, роли, въ которыхъ онъ играетъ, доступны высшему классу театральной публики. Если хотите, то это осужденіе есть похвала, впрочемъ, неудачно выраженная.

Г. П. Степановъ хорошъ въ роляхъ каррикатурныхъ, напр. князя Тугоуховскаго въ «горе отъ ума» графа Зефирова въ «Синичкинъ» Также въ роляхъ пѣмцевъ, напр. Клайстера въ «Булочной» Штубака въ «дезертеръ.» Мы видѣли Г. П. Степанова въ роли, въ которой мы привыкли видѣть Щепкина, а именно, въ роли полковника въ «женѣ кавалериста» и надобно отдать справедливость артисту: онъ ее выполнилъ прекрасно.

Г. В. Степановъ хорошъ въ роляхъ фанфароновъ. Изъ лучшихъ его ролей, упомянемъ о роли Загорѣцкаго въ «горе отъ ума» Феникса Маркиза въ «регатѣ Надежды» и Маршала въ «коварство и любовь.» Неприятна въ немъ одна привычка: пропускать слова сквозь зубы.

Г. Никифоровъ, комикъ, который никогда не испортитъ своей роли. Такъ говорятъ о немъ нѣкоторые. Вотъ новый примѣръ суда нашихъ цѣнителей изящнаго. Пѣтъ! г. Никифоровъ мастеръ своего дѣла и мастеръ, дѣлающій себѣ честь своимъ трудолюбіемъ и упрямымъ стараніемъ совершенствоваться. Если онъ иногда не правится, такъ это въ тѣхъ роляхъ, которыя занималъ Щепкинъ; а послѣ Щепкина, не всѣ то актеры покажутся хорошими...

Г. Шубертъ хорошъ въ роляхъ русскихъ парней, съ головою не совѣтъ—то острою, и вообще простаковъ. Таковъ онъ въ «Русской Боярынь XVII столѣтія,» въ «Булочной» и въ роли *Карпо* «Тамбуръ-мажоръ.» Мы очень рады видѣть, что роли, подобныя лѣсничему въ «Барской сѣси» Шкала въ «Д. Г. Синичкинъ,» занимаемыя прежде г. Шубертомъ, переданы другимъ артистамъ, какъ незначительнымъ.

Г. О. Сахаровъ играетъ въ роляхъ, въ которыхъ мы видали Мочалова (напр. въ железной маскѣ) и — дурно! играетъ второстепенныя роли—и—сносно!

Г. Шумскій — съ талантомъ. Хорошо играетъ роли фатовъ. Напр. Мотылькова въ «Барской сѣси.» Хорошъ и въ

другомъ ампула, напр. въ водевилѣ: «Два купца и два отца» и въ «Пуганицѣ.»

Г. Шумскому явился недавно соперникъ, въ лицѣ Г. *Полтавцева*, который очень рѣзко выставился вдругъ изъ фаланги аксессуарныхъ актеровъ. Съ удовольствіемъ смотрѣли мы на него въ роли *Мотылькова*. Г. *Полтавцевъ* ничего не могъ сдѣлать изъ безцвѣтной роли Фридриха въ *Дезертерѣ*; но какъ хорошо обрисовалъ онъ совсѣмъ не рельефную роль Бѣсовскаго въ «1 Юля въ Петергофѣ!» что-то будетъ послѣ?—

Г. *Ленскій*, извѣстный водевилетъ, съ честію продолжаетъ свое поприще, не перемѣняя ампула.

Г. *Соколовъ* хорошъ въ роляхъ купцовъ и—только!

Г. *Прохоровъ* артистъ, довольно замѣчательный, не смотря на свое ампула. Играетъ съ усиліемъ второстепенныя роли. Нѣмецкы: *Леустера* въ «1 Юля въ Петергофѣ» *Цвибака* въ «Булочной» хорошъ и въ роли *Старикова* въ «женитьбѣ.»

Г. *Чистяковъ* стоитъ замѣчанія потому, что какъ-то вдругъ, совсѣмъ неожиданно, выставился изъ группы тѣхъ артистовъ, о которыхъ надобно сказать: nil, nisi bene. Г. *Титовъ* являлся какъ-то въ роли *Решетилова*, за болѣзнію Г. *Ленскаго* и сыгралъ ее порядочно, и роли *Юлія* въ *Дезертерѣ*, въ которой былъ не дурень. О г. *Черкасовѣ* поудержимся говорить, потому что онъ еще очень молодъ. Примѣръ г. *Самарина*, на котораго ампула онъ мѣтитъ, передъ глазами; пусть изучаетъ игру его, и онъ можетъ сдѣлаться артистомъ замѣчательнымъ.

Г. *Васильевъ* утѣшительное явленіе на Московской сценѣ.... это одинъ изъ тѣхъ талантовъ, которые занимаясь своимъ дѣломъ, могутъ стать высоко. Мы видѣли его въ первый разъ въ *Дезертерѣ*, гдѣ онъ занималъ роль *Наца*.... съ перваго выхода его, видно было, что-то комическое въ словахъ его, въ выговорѣ, въ тѣлодвиженіяхъ и при томъ ни одного фарса.... Еще видѣли мы его въ *Любовномъ зельѣ*, гдѣ онъ былъ то же превосходенъ въ роли *Жано Бижю*, роли, съ которой началъ Садовскій свое драматическое поприще... еще наконецъ видѣли мы его въ *Мельничихѣ въ Марли*... игра г. *Васильева* до того совершенна, что мы не можемъ сдѣлать ему никакого замѣчанія.. При этомъ необходимо знать, что артисту только 18 лѣтъ. Съ удовольствіемъ думаемъ о будущемъ... дай Богъ, чтобъ г. *Васильевъ* не пренебрегалъ занятіями и не слишкомъ заслуши-

вался похвалъ пріятелей и друзей. Пушкинъ не даромъ же сказалъ:

Охъ, эти мнѣ друзья, друзья!

Г. *Потличиковъ* отлично хороше въ роляхъ благородныхъ отцевъ. Мы рѣшительно не вспомнимъ ни одной роли, въ которой бы онъ былъ не хороше. Этотъ заслуженный артистеъ, не обладаетъ хорошимъ органомъ, но умѣетъ прикрывать этотъ недостатокъ жаромъ игры.

Гг. *С. Сахаровъ*, *Пашинъ*, *Стрѣльскій*, являются рѣдко на сценѣ. Они пѣвцы; а оперъ у насъ даютъ мало. Последняго мы видѣли въ Фениксѣ и были изумлены до невѣроятности вялою игрою этого артиста, полавзшаго, увы! пѣкогла пріятныя надежды... г. *Бантышевъ*, какъ артистеъ *драматическій*, хороше въ роляхъ Русскихъ удалыхъ парней, и въ этихъ роляхъ онъ отличается какъ пѣвецъ; но въ *операхъ* — *Серія* онъ поетъ безъ малѣйшей методы. Объ игрѣ его въ этихъ операхъ мы ни гугу!.. примемся лучше за надежды: авось пребываніе Итальянской оперы въ Москвѣ, покажетъ г. Бантышеву, что можетъ онъ слѣлать съ своимъ пріятнымъ бархатнымъ голосомъ. Съ величайшимъ удовольствіемъ пойдемъ мы въ театръ слушать его въ *Аскольдовой могилѣ*, въ *Барской спѣси*, во *спѣ* на *яву* и пожалуй въ *дивертисементахъ*, гдѣ онъ такъ хороше поетъ русскія пѣсни; но ни за что не пойдемъ смотреть его въ *Нормѣ*, *Робертѣ*, а если и пойдемъ, то для того, чтобъ послушать, г. *Курова*, который очень замѣтно сталъ заниматься своимъ голосомъ и самъ по себѣ уже теперь составляетъ довольно пріятное явленіе при *безгласіи* нашихъ пѣвцовъ. Гг. *Лазаревъ*, *Бобовскій*, *Федоровъ* — то же пѣвцы. Больше объ нихъ ей, ей не могу сказать ни слова: «влините — в судите!»

Второстепенныя артисты: гг. *Рославскій*, *Калининъ* и *Бойдаковъ* 2, всегда хороши въ незначительныхъ роляхъ, а это, воля ваша, уже достоинство.

О гг. *Ермоловъ* 1, *Ермоловъ* 2, *Яковскомъ*, *Бирюковъ*, *Бакиревъ*, *Зеленинъ*, *Пльинскомъ*, *Ярцевъ*, *Курбатовъ*, *Литавкинъ*, *Максинъ* (который прочесть *не дуришъ*, какъ тлъкъ *отца Гамлета*) *Качетовскомъ*, *Румяновъ*, и *Шорохонцевъ*, *прейдемъ молчаніемъ*.

Представленіе какой-то комедіи кончилось... вызовы не были усердны и громки... однако *Щенкинъ*, *Живокини* — были вызваны... Всѣ выходили изъ театра... Оставалось нѣсколько моло-

дыхъ людей, которые вдругъ начали вызывать г. Порохонцева!.. Да... П. О. Порохонцева!!!. Оно конечно:

— Какъ не порадовать родному человѣчку; —

Но, господа, вѣдь это профанация изящнаго!.. не смотря на отчаянные вопли этихъ господъ? Порохонцевъ, игравшій роль жандарма, безъ рѣчей не вышелъ... и ламбы были потушены.

Изъ актрисъ, въ которыхъ ощущается теперь большой недостатокъ, только одна превосходитъ въ трагическихъ роляхъ: это Орлова (*). Она со времени удаленія со сцены незабвенной Н. В. Рѣпиной, сдѣлалась исключительною любимицею публики. Говоря это, мы должны сдѣлать оговорку, что любовь публики раздѣляется съ П. И. Орловой—М. Д. Львова Синецкая, заслуженная артистка.

Говорить объ игрѣ г-жи Орловой въ трагическихъ роляхъ, мы не будемъ слишкомъ обширно: потребовались бы цѣлые томы письма; а сказать мало — какъ-то совѣстно; впрочемъ г-жа Орлова равно хороша, какъ въ трагедіи, такъ и въ комедіи и водевилѣ... нельзя положительно сказать, въ чемъ она особенно прекрасна... Вотъ первая трудность разбора игры великой артистки. Сравните, напримеръ пылкую Емеральду, тонкую Чухлымову «въ Барской сѣси» и неразгаданную Софию Павловну въ «Горе отъ ума»; — пронасть разнообразія, а вездѣ одно и то же не поддельное чувство, цѣра до того натуральная, что кажется *сама натура должна спасовать предъ нею*...

Въ бенефисъ свой 1842 г-жа Орлова выбрала драму: *Материнское благословеніе, или бѣдность и честь*, г. Черенельскаго. Божо мой! какіе поднялись толки! Говорили, что тутъ «la nouvelle fanchon» исковеркана такъ, что просто страхи! что половина выпущена—словомъ, что пѣса никуда не годится. Замѣтите, что все это основывалось на: *такъ по крайней мѣрѣ все говорятъ*. Признаюсь, я, вѣря въ чувство изящнаго нашей артистки, не вѣрилъ пустымъ толкамъ и послѣдствія оправдали мое невѣріе.. Правда, пѣса съ перваго разу не такъ понравилась публикѣ, рецензенты поторонились тиснуть въ *Репертуаръ*, что пѣса уцала, но послѣдующія представленія были блистательны: П. И. Орлова превзошла себя!.. Сколько чувства, энергіи!.. Кого не тронуть кушетъ:

Въ хижину бѣдную, Богомъ хранящую.

(*) Писано, когда г-жа Орлова была еще на сценѣ.

Скоро ли я возвращусь?...
 . . . . .
 и молитва во 2-мъ дѣйствіи?...

Лучшія роли Орловой, суть: *Маріи* въ «Материнскомъ благо-словеніи», *Офеліи* въ «Гамлетѣ», *Есмемальды*, *Дездемоны*, *Ане-сы* Доверстоновъ «Отець и дочь *Заморской*» въ «Чего на свѣтѣ не бываетъ...» и пр. и пр. и пр...

Нельзя умолчать о роли Чухлымовой въ водевилѣ, «Барская сибѣ и Анютинны глазаки»... какой тонъ, какія величавыя позы! настоящая уроженная княжна Крахмальная!...

Г-жа *Львова—Синецкая*, артистка заслуженная... распро-страняться объ игрѣ ся мы не будемъ по слѣдующимъ двумъ причинамъ: 1) говоря объ артисткѣ, нельзя удержаться отъ со-вѣтовъ и замѣчаній, а они въ этомъ случаѣ совершенно из-лишни, потому что вопреки пословицѣ «учиться никогда не поз-дно» Г-жѣ Синецкой учиться поздно, она уже давно выучилась и всегда одинаково хороша во всѣхъ роляхъ, разумѣется, которыя въ ея духъ... кстати въ ея бенефисѣ (1843) давали драму: Мужъ, Поэтъ и Гевій... піису весьма плоховатую и бенефициантка зани-мала весьма ничтожную роль *служанки*! изъ такъ называемыхъ, блаженной памяти *резонерокъ*, которыя благодаря Апполону, на-конецъ исчезаютъ!....

Вторая же причина: «ученаго учить—только портить.»

Г-жа *Сабурова* продолжаетъ служить украшеніемъ Москов-ской сцены. Это *chef d'oeuvre* въ роляхъ нянюшекъ, комиче-скихъ барынь и пр. каждое слово у нея обдуманно и изучено и притомъ носитъ на себѣ печать истиннаго комизма... Нельзя за-быть нянюшки *Буславны* или звонкаго:

«ай люли! ай люли!»

въ пісни нянюшки въ «Русской боярынь XVII столѣтія:»

Г-жи: *Кашина*, *Кавалерова* и *Божановская*, составляютъ триумвиратъ весьма полезный для поученія молодыхъ артистокъ знанію сцены и ея приличій, и необходимый для Московской сцены.

Въ послѣднее время прибыла къ намъ въ замѣнъ незабвен-ной г-жи *Сабуровой* 2 изъ Петербурга молодая артистка, замѣ-чательная во всѣхъ отношеніяхъ. Это г-жа *Куликова*, сестра по рожденію и по таланту г-жи Орловой... Публика приняла ее

благосклонно... да и есть за что! ампула ея въ водевилѣ. Игра ея наивна, одушевлена, что намъ остается только пожелать ей непрестанной любви къ искусству и возможнаго совершенствованія... Мы видѣли ее въ Деревенской простотѣ, Новичкахъ въ любви, Улицѣ луны, Отцѣ, какихъ мало, и драмѣ Клодина, гдѣ она изъ самой ничтожной роли горничной Леди Ньюпортъ, успѣла создать роль высокую... Восхищенная публика отблагодарила ее громкими вызовами и оглушительными аплодисманами

Отъ г-жи Куликовой мы вправѣ ожидать весьма многого...

Надѣмся, что время подтвердитъ наши ожиданія...

Написать послѣднія строчки, я намѣренъ былъ предаться сладкому кейфу Турковъ, *dolce far niente* Италіянцевъ... Беру театральную афишу въ руки... Ба! бенефисъ г. Орлова! Кто занимаетъ роли? г-жи Орлова, Куликова гг. Самаринъ, Мочаловъ... одѣваюсь, ѣду, ... видѣлъ бенефисъ, возвратился домой и пишу: бенефисъ былъ такого рода: давали во 1-хъ Екатерину Медицистъ, драму съ куплетами г. Кош. Пѣса эта была въ забытій лѣтъ 12... сюжетъ пренуестой... г-жа Львова-Синецкая была очень хороша въ роли Екатерины, вмѣсто г. Мочалова роль Гр. Невиля съ успѣхомъ могъ сыграть и г. Порохонцевъ: такъ пуста эта роль; а имя г. Мочалова, бенефисная удочка, на которую вмѣстѣ съ прочими попался и вашъ покорнѣйшій слуга! изъ всѣхъ ролей рельефна только роль Марин, которая была прекрасно выполнена г-жей Орловой. Г-жа Куликова была очень хороша въ эпизодической роли Гизели.... Въ антрактѣ наша неотдѣнная г-жа Санковская 1 протанцовала или, вѣрнѣе, пропорхала *pas Espagnol* такъ, какъ вѣроятно никто ни въ Испаніи, ни въ Португаліи... *pas de deux* прекрасно протанцовали г. Манохинъ и г-жа Санковская 2. *Своя семья*. К. Шаховскаго, не смотря на старинный слогъ и растянутость, имѣла полный успѣхъ по изобилію комическихки сценами и благодаря прекрасному *ensemble* игры г-жъ Орловой, Сабуровой, Кашаной, Кавалеровой и гг. Орлова и Ленскаго. Бенефициантъ и авторъ были вызваны; водевиль: Тамбуръ-мажоръ — одинъ изъ дюжинныхъ, но прошелъ прекрасно, благодаря игрѣ гг. Живокини и Шуберга и г-жи Куликовой, которая была хороша выше всякой похвалы...

Въ водевиляхъ съ большимъ успѣхомъ играетъ г-жа Смирнова, съ каждымъ разомъ лучше и лучше... Намъ кажется, что успѣхи ея стали замѣтнѣе со времени дебютовъ молоденькой во-

спитационцы—С. Петербургской театральной школы г-жи Левхевой. Да! было чего позавидать отъ нея! г-жа Смирнова хороша въ роли Офелии Кузьминичны...

Г-жа Михайлова, актриса болѣе оперная, но «за пеннѣемъ» актриса для каждой отрасли драматическаго искусства, играетъ и въ водевиляхъ... *Довольно хорошо*, подпишемъ мы въ заключеніе, какъ подписываетъ учитель на задачѣ какого-нибудь школьника.

Г-жа Леская довольно хорошо играетъ въ Мольеровскихъ комедіяхъ роли служанокъ... Но видѣть ее въ драмѣ и трагедіи, рѣшительно не возможно... Слабѣй ея органъ въ мѣстахъ патетическихкихъ, издаетъ какія-то страшныя вскрикиванія, которыя только и слышны... Въ послѣднемъ отношеніи вступаетъ г-жа Леская г-жа Щепина (бывшая Петрова), артистка замѣчательной наружности, но игра которой лишена всякаго одушевленія, до такой степени, что ее жаль видѣть въ трагедіи и драмѣ, куда, по несчастію ее часто помѣщаютъ...

Г-жа Щепина играетъ и въ водевиляхъ, но тутъ слабость ея органа ничто въ сравненіи съ *вплостію* ея игры...

Въ послѣднемъ отношеніи, по круговой поруцѣ, вступаетъ ей Г-жа Павлова. Эта артистка, самой выгодной наружности, но, увы, жалкая посредственность. Ампула ея къ счастью только въ водевилѣ... Въ нѣкоторыхъ роляхъ Г-жа Павлова, одѣтая въ мужское платье—премилна! Но въ такомъ случаѣ, я имѣю привычку любоваться ею, заткнувши уши... Если бы она обращала болѣе вниманія на внутреннее содержаніе ролей, то при бѣдности нашей сцены хорошими артистками, была бы явленіемъ ограднымъ... Примѣръ г-жи Куликовой передъ вами, прекрасная артистка, — поучитесь-ка у нея благородству манеры и игры, и мы съ радостію пойдѣмъ въ театръ апплодировать вамъ.

Г-жа Жулева довольно мило играетъ въ водевиляхъ... Особенное качество ея игры въ наивности, и потому ей особенно приличны роли простенькихъ двушекъ Лизбеты, Кетли и др.

Г-жа Ольгина, бывшая Сорокина, обѣщавшая намъ столько много при первомъ своемъ дебютѣ остаться одинаковою, осталась все еще такая, какъ и была при началѣ своего поприща. Игра ея не лишена граціи и пріятности, но видѣть г-жу Ольгину въ однихъ роляхъ съ г-жею Орловой — какъ-то совѣстно... Побольше и очень побольше чувства надобно приоб-

рѣсть г-жѣ Ольгиной, чтобы стать въ одну категорію съ Орловой... Да при этомъ необходимо еще артисткѣ оставить ужасную точку замерзанія...

Г-жу Пемичнову мы желали бы видѣть почаще... Игра ея не лишена пріятности... Это подтвердить всякой, кто видѣлъ г-жу Пемичнову въ волевицѣ *Дочь Русскаго Актера*, гдѣ она очень и очень мило сыграла роль, основанную на переодѣваньи: во 1-хъ въ Цыганку, гдѣ пѣсня.

«Господа, всѣ сюда!

«Я всѣ тайны знаю»

постоянно принимается съ одобреніемъ со стороны публики и во 2-хъ въ русскаго парня....

Г-жа Степанова хороша въ роляхъ купеческихъ дочекъ и горничныхъ... напр. Графены Кузьминичны, въ Женитьбѣ; будетъ со временемъ хороша въ роляхъ, которыя занимаетъ теперь г-жа Сабурова.

Примадонна Московской оперной труппы г-жа Леонова, окруженная всеобщою безголосицею, одна поддерживаетъ нашу оперу... Голосъ ея довольно чистый сопрано разъ отъ разу приобретаетъ болѣе гибкости и методы и приводитъ насъ къ выгодному мнѣнію о занятіяхъ пѣвицы своимъ дѣломъ.... У насъ такъ мало даютъ оперъ, что мы должны отказать себѣ въ пріятномъ удовольствіи исчислить некоторыя изъ ея партій....

Г-жа Эйрихъ. Голосъ правда не дурень, но мало обработанъ... Непріятенъ то же въ г-жѣ Эйрихъ недостатокъ, впрочемъ отъ нея не зависящій, шепелянье.

Г-жи Златопольская, Т. Рѣпина, Цѣлибѣса, Акимова, Рабова, Петрова, Соловьева, то же самое между артистками, что между артистами г. Ермоловъ 1-й и К°....

Странное дѣло случилось съ нашею степенною Москвою со времени приѣзда г-жи Андреевовой!.... Петербургъ раздѣленъ теперь на: *Вирдистовъ*, *Кастеллаистовъ* и *Альбиистовъ*; Москва не отстаётъ никакъ отъ Петербурга: и у насъ есть партіи *Санковистовъ* и *Андреевистовъ*... Все народонаселеніе Москвы отъ Суцова и до Донскаго монастыря и отъ Хамовниковъ до Лефортова, въ странномъ безпокойствѣ отъ споровъ по поводу этихъ танцовщицъ.... мужъ ссорится съ женой за

то, что она предпочитаетъ г-жу Санковскую Андреевской; отецъ, вѣвъ себя деретъ за уши 16-ти лѣтняго сына, у котораго на умѣ только Пери; купцы, разговорившись съ покупателями, отдають товаръ за безцѣнокъ или въ тридорога, смотря потому, къ какой партіи принадлежатъ они! Ужасъ да и только! Въ театрѣ проявляются неслыханные и невиданные въ Москвѣ шикальщики, съ которыми имѣетъ дѣло уже Полиція.... Каюсь и я — я Санковистъ — но не до такой степени, чтобъ глядѣть равнодушно на чудные танцы г-жи Андреевской, и чтобъ это могло помѣшать мнѣ отозваться безпристрастно о Петербургской Пері....

Сначала г-жу Андреевскую приняли въ Москвѣ, какъ приняли бысаму M-me Taglionі, г-жа Андреевская танцевала въ Гитанѣ, Жизеля, Пери, Гертѣ и въ Италіанскихъ операхъ. танцы ея отличаются живостію, энергіей, но въ нихъ нѣтъ той легкости граціи, которыми отличаются танцы г-жи Санковской!.. Короче, г-жа Андреевская, какъ Гитана, выше г-жи Санковской, но какъ Пери, Жизель, должна уступить ей пальму первенства;.. мы говоримъ это по сходству этихъ ролей съ Сильфиою. Въ бенефисѣ г. Самарина танцевала г-жа Санковская 1-я со 2-ю *pas de deux*; нужно было видѣть, какъ встрѣтила ее публика! разъ съ восемь становилась она въ позицію, и должна была раскланываться публикѣ, которая оглушала ее аплодисманами (*). Г-жа Санковская 2 чрезвычайно много въ своихъ танцахъ заимствовала отъ своей сестры, и вмѣстѣ съ г-жею Ворониною до того постигла и изучила поэзію танцевъ, что стала неизмѣримо выше г-жъ Токмаковой, Литавкиной и Лавагиной, которыя въ свою очередь значительно отличаются отъ прочаго кор-де балета.

Г-жи: Татарина, Самарина, Чистякова, чрезвычайно танцуютъ въ дивертисементахъ послѣ долгихъ бенефисовъ, когда всѣ

(*) Сильно и весьма сильно, осмѣливаемся мы поспорить съ почтеннымъ авторомъ статьи; каемся, какъ онъ же — смиренно каемся — что мы — Андреевисты — по видимъ грацію въ античной пластичности, столько же, если не болѣе, какъ и въ легкости. Въ г-жѣ Андреевской все; жизнь, душа и страсть, въ г-жѣ Санковской — все поэзія; Последней вредитъ по нашему мнѣнію ея вѣчно-однообразная наивность — г-жа Андреевская столько же беретъ мимикой, сколько танцами. Ред.

расходятся и пекому ихъ конфузить... и ни одной Танюшѣ или Стешѣ не протанцовать по цыгански такъ, какъ танцуетъ г-жа *Самарина* или *Гольтерманъ*...

Низкій и пренизкій поклонъ посылаемъ мы батюшкѣ Пите-ру, за присылку въ бѣлокаменную старушку—танцовщика г. *Манохина*, который такъ хорошо, граціозно танцуетъ, такъ хорошо выполняетъ все требованія хореографіи, что мы находимся въ большомъ удовольствіи объявить ему общую благодарность всехъ Москвичей и пожелать дальнѣйшихъ успѣховъ!!..

Г. *Ришардъ* во время оно, то же былъ очень хорошъ... благодаримъ за прошлое!

Г. *Нѣлковъ* превосходенъ въ мазуркѣ, которую онъ танцуетъ, какъ чистый полякъ временъ Баторіевъ и Собѣскихъ.. За долговременную службу, въ 1844 году онъ награжденъ бенефисомъ... Выбранная имъ піеса *Клодина*, шла хорошо; но возобновлять балеты, подобные *Дезертеру*—право грѣшно!

Изъ кордебалета замѣчательнѣе прочихъ: гг. *Богдановъ 1*, *Карасевъ*, *Здобновъ*; а г. *Иванова*, *Самарина*, *Крпльшева*, *Мишинцева*, *Усова*, можете увидать во всякомъ дивертисментѣ для разъѣзда каретъ, чего вамъ ото всей души желаю, Въ комическихкихъ па, хорошъ г. *Наврозовъ*.

Кажется, что я писалъ это по совѣсти; если что кому покажется не такъ, то я отвѣчу пословицей: у всякаго свой вкусъ; а впрочемъ:

Взгляните и—судите!